

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

**2021**

**3(49)**

**Ψλ**

**Институт  
Языкознания**  
Российской академии наук



---

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

3 (49) 2021  
Москва

---

# JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

3 (49) 2021  
Moscow

## **СОУЧРЕДИТЕЛИ:**

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»

## **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Тарасов Евгений Федорович**, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Уфимцева Наталья Владимировна**, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Терентий Ливиу Михайлович**, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

**Балясникова Ольга Вениаминовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Сергей Валерьевич**, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

**Жукова Лариса Станиславовна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Марковина Ирина Юрьевна**, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

**Митирева Любовь Николаевна**, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

## **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

**Ахутина Татьяна Васильевна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

**Бубнова Ирина Александровна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

**Гриценко Елена Сергеевна**, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

**Демьянков Валерий Закиевич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

**Ионова Светлана Валентиновна**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

**Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

**Кирилина Алла Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

**Красных Виктория Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

**Ли Тоан Тханг**, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

**Мартин Ф. Линч**, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

**Мягкова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

**Овчинникова Ирина Германовна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

**Пильгун Мария Александровна**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Поляков Федор Борисович**, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

**Стернин Иосиф Абрамович**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

**Харченко Елена Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

**Чжао Цюе**, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

**Черниговская Татьяна Владимировна**, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

**Шапошникова Ирина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIN PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Москва 2021

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2021

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2021

© Авторы, 2021

Подписано в печать 30.09.2021. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.10,3 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

## **COFOUNDERS:**

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

## **EDITORIAL BOARD**

**Evgeny F. Tarasov**, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Ufimtseva**, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Liviu M. Terenty**, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

**Olga V. Balyasnikova**, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Sergey V. Dmitryuk**, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

**Larisa S. Zhukova**, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Irina Yu. Markovina**, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

**Lubov N. Mitireva**, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

## **ACADEMIC ADVISORY BOARD**

**Tatyana V. Akhutina**, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

**Irina A. Bubnova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

**Elena S. Gritsenko**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

**Valery Z. Demyankov**, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Dmitryuk**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

**Svetlana V. Ionova**, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

**Vladimir I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

**Alla V. Kirilina**, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

**Victoria V. Krasnykh**, Doctor of Philology, Professor of the Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

**Ly Toan Thang**, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

**Martin F. Lynch**, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

**Elena Yu. Myagkova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

**Irina G. Ovchinnikova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

**Maria A. Pilgun**, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Fedor B. Polyakov**, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

**Iosif A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

**Elena V. Kharchenko**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

**Zhao Qiuye**, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

**Tatiana V. Chernigovskaya**, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

**Irina V. Shaposhnikova**, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2021

© Institute of Linguistics of Russian Academy Of Sciences, 2021

© Moscow International Academy, 2021

© Authors, 2021

### НАШИ ЮБИЛЯРЫ

<b>Поздравление Александра Петровича Василевича</b> .....	8
<b>Василевич А.П.</b> ( <i>Москва, Россия</i> )	
Жизнь после смерти. Заметки о словах, исчезающих из языка.....	10

### ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<b>Кирилина А.В.</b> ( <i>Москва, Россия</i> )	
Вместо предисловия.....	28
<b>Аликина А.В.</b> ( <i>Нижний Новгород, Россия</i> )	
Репрезентация гендера в российском дискурсе трудоустройства (на материале объявлений о работе и резюме).....	30
<b>Божович Е.Д.</b> ( <i>Москва, Россия</i> )	
Эмоционально-экспрессивные средства языка в сочинениях школьников-подростков: психолого-педагогический аспект (на материале русского языка как родного).....	46
<b>Гриценко Е.С.</b> ( <i>Нижний Новгород, Россия</i> )	
О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка).....	60
<b>Ursula Doleschal</b> ( <i>Klagenfurt, Austria</i> )	
Gender, Grammar and Discourse: the Case of German.....	74
<b>Зинина А.М.</b> ( <i>Нижний Новгород, Россия</i> )	
Динамика гендерных репрезентаций в интернет-общении (на материале китайского языка).....	86
<b>Щурина Е.А.</b> ( <i>Нижний Новгород, Россия</i> )	
Гендерные аспекты нейминга в танцевальной субкультуре.....	97

### НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

<b>Кирилина А.В.</b> ( <i>Москва, Россия</i> )	
Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия.....	109

### Трибуна молодых ученых

<b>Юй Минчжу</b> ( <i>Москва, Россия</i> )	
Особенности понятия «индивидуализм» в сознании китайцев и русских (на материале корпусов китайского и русского языков).....	148

### РЕЦЕНЗИИ

<b>Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография</b> / Анков А. А., Вепрева И. Т., Гаранович М. В., Гриценко Е. С., Данилевская Н. В., Долешаль Урсула, Ерофеева Т. И., Кирилина А. В., Норцева А. А., Обухова И. А., Пермякова Е. Г., Рудакова А. В., Стернин И. А., Сюй Шаньшань, Федорова Л. Л., Черноусова А. С., Черных О. Ю. / Научные редакторы д-р филол. наук, профессор А. В. Кирилина; канд. филол. наук, доцент М. В. Гаранович; Пермский государственный национальный исследовательский университет. М.: Издательский Дом ЯСК, планируемый выход — 2022 г. 400 с. ( <i>Халеева И.И.</i> ).....	159
---	-----

### ИНФОРМАЦИЯ

### OUR ANNIVERSARIES

On the Anniversary of Alexander P. Vasilevich.....	8
<b>Alexander P. Vasilevich</b> ( <i>Moscow, Russia</i> )	
Life After Death. Notes on Words Disappearing from the Language.....	10

### THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

<b>Alla V. Kirilina</b> ( <i>Moscow, Russia</i> )	
Instead of a Preface.....	28
<b>Anastasia V. Alikina</b> ( <i>Nizhny Novgorod, Russia</i> )	
Gender Representation in the Russian Recruitment Discourse (In Job Advertisements and CVs).....	30
<b>Elena D. Bozhovich</b> ( <i>Moscow, Russia</i> )	
Emotional-Expressive Means of Language in the Written Speech of Teens: Psychological-Pedagogical Aspect (Based on the Material of Russian as a Native Language).....	46
<b>Elena S. Gritsenko</b> ( <i>Nizhny Novgorod, Russia</i> )	
New Trends in the Linguistic Study of Gender, Its Conceptualization and Representation in Modern English.....	60
<b>Ursula Doleschal</b> ( <i>Klagenfurt, Austria</i> )	
Gender, Grammar and Discourse: the Case of German.....	74
<b>Anastasiia M. Zinina</b> ( <i>Nizhny Novgorod, Russia</i> )	
Dynamics of Gender Representation in Online Communication in Chinese.....	86
<b>Evgeniia A. Shchurina</b> ( <i>Nizhny Novgorod, Russia</i> )	
Gender Aspects of Naming in Dance Subculture.....	97

### SCIENTIFIC REVIEWS

<b>Alla V. Kirilina</b> ( <i>Moscow, Russia</i> )	
Gender and Gender Linguistics at the Border of the Third Millennium.....	109

### YOUNG SCHOLARS' STUDIES

<b>Yu Mingzhu</b> ( <i>Moscow, Russia</i> )	
Features of the Concept "Individualism" in the Consciousness of the Chinese and Russians (a Case Study of the Corpora of the Chinese and Russian Languages).....	148

### REVIEWS

<b>Gender aspects of language, consciousness and communication: collective monograph</b> / Ankov A.A., Vepreva I.T., Garanovich M.V., Gritsenko E.S., Danilevskaya N.V., Doleschal Ursula, Erofeeva T.I., Kirilina A.V., Norceva A.A., Obukhova I.A., Permyakova E.G., Rudakova A.V., Sternin I.A., Xu Shanshan, Fedorova L.L., Chernousova A. S., Chernykh O. Yu. / Scientific editors Dr. philol. Sciences, Professor A.V. Kirilina; Cand. philol. Sciences, Associate Professor M. V. Garanovich; Perm State National Research University. M.: Publishing House YASK, planned release – 2022. 400 p. ( <i>Khaleeva I.I.</i> ).....	159
---	-----

### INFORMATION





*Редакция журнала «Вопросы психолингвистики», Отдел психолингвистики ИЯз РАН поздравляют своего друга и коллегу Александра Петровича Василевича с юбилеем и желают оставаться оптимистом, не терять бодрости духа и тела!*

---

**Александр Петрович Василевич** был первым учеником Ревекки Марковны Фрумкиной и прошел с ней бок о бок многие годы, перенимая от нее все – от основных идей и образа мышления до литературно-научного стиля.

Окончив Московский институт иностранных языков им. М. Тореза (1965 г.), он поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР, а после ее завершения стал научным сотрудником Института, сначала в секторе прикладного языкознания, а потом в отделе психолингвистики, прослужив там более 35 лет. Вместе с Р.М. Фрумкиной принимал самое активное участие в создании экспериментальной психолингвистики – направления, которое позднее собрало довольно внушительное число исследователей. На счету А.П. Василевича и Р.М. Фрумкиной 17 совместных публикаций – и это во времена, когда написать статью было гораздо легче, чем найти возможность ее издать. Тематика исследований Александра Петровича весьма обширна, но самым значимым является цикл его работ по цветоименованиям в разных языках.

С начала 2000-х гг. он перешел на преподавательскую работу в МГОУ, в результате чего главной областью его интересов стала методика преподавания иностранных языков – прежде всего, разработка новых образовательных технологий, обучение языку на раннем этапе, тестовый подход к контролю знаний. Александр Петрович сумел привнести в образовательный процесс исследовательский «психолингвистический» дух и экспериментальный подход к решению научных задач. Он получил несколько благодарностей ректора МГОУ за организацию Дней науки и участие в них. Александр Петрович активно участвует в популяризации науки, он Лауреат двух конкурсов РФФИ на лучшую научно-популярную статью, а одно из его учебных пособий признано лучшей публикацией года издательства МГОУ.

И Ревекка Марковна, и Александр Петрович уделяли большое внимание организации научно-исследовательской работы молодых ученых. Под их руководством успешно прошли курс аспирантуры и защитили кандидатские диссертации десятки человек, которые, собственно, и составили костяк той самой неформальной школы Фрумкиной-Василевича.

Сердечно поздравляем Александра Петровича с замечательным юбилеем и желаем ему крепкого здоровья и неиссякаемого творческого вдохновения!

С 80-летием!

*Коллеги*

**А.П. Василевич**  
**Жизнь после смерти.**  
**Заметки о словах, исчезающих из языка\***

Многие составители словарей оценивают актуальность слов, используя специальные пометы типа: *книжное, устаревшее, дореволюционное* и т.п. Известно, что слова живут своей жизнью: появляются, обретают определенное значение, со временем могут приобретать новую сферу употребительности и даже новые значения и оттенки. Еще в Толковом словаре Ушакова слова *престиж, принцип, перспектива, тенденция* имели помету «книжн.», а сейчас они стали широко употребляться в обиходно-разговорной речи (Сергеев 1977). Некоторые слова, наоборот, имеют тенденцию постепенного сужения сферы своего использования, а то и вовсе «отмирают», перестают использоваться в речи. Именно о словах этой группы мы и хотели бы поговорить.

Для определенности ограничим круг рассматриваемых слов только теми, которые связаны с возникновением и исчезновением стоящих за ними реалий. Если язык сталкивается с необходимостью называть новые реалии, в нем немедленно появляются неологизмы. Например, понятно, почему в советский период появились в языке *большевик, партиец, подкулачник, примиренец, колхоз*.

Слова-неологизмы появляются разными путями. Они могут просто изобретаться.<sup>1</sup> Более распространенный способ – заимствования. В отличие от политической терминологии этот вид неологизмов более свойствен техническим областям (в советский период развития языка в обиход вошли *комбайн, контейнер, скутер, глассер, танк* и т. п.).

И все же наиболее продуктивным всегда был и остается способ создания новых слов по имеющимся моделям (прежде всего, с использованием продуктивных суффиксов). Советский период в этом смысле не исключение – *оборонец, надомница, хвостизм, выдвигенец, значкист, уклонист, обезличка, уравниловка, умелец* и др. Единственно, что было «оригинальным» в деле слово-строительства в СССР – это увлечение методом словосложения с одновременным сокращением: *комсомол, сексот, торгсин, наркоминдел, бригадмиловец*, а также использование собственных имен – *ленинец, стахановец, нахимовец*.

Характерно, что некоторые из советских неологизмов продолжают быть актуальными, хотя, возможно, и обрели несколько новые оттенки смысла (ср. *большевик, партиец, колхоз, комсомолец, надомница, значкист*, не говоря уже о заимствованиях типа *комбайн, контейнер*. Однако надобность в словах типа *подкулачник, примиренец, фабзавуч, уклонист* уже сомнительна, поскольку соответствующих им реалий уже давно нет.

Разумеется, в самой природе языка заложено свойство отдельных слов со временем отмирать, уходить из языка – тем более, если речь идет об «исторических» словах, которые когда-то называли современные эпохе реалии (т. е. факты действительности). Однако при всех случаях исчезновение слова из реальной речевой практики не

---

\* Статья была опубликована в сборнике: Проблемы прикладной лингвистики-2. М., 2004, С. 248–265.

<sup>1</sup> Известно, что слово *газ* изобрел голландский физик Ван-Гельмонт, причем, как он сам писал, в поисках нужного названия для особого рода нетвердых и неожиданных веществ он думал о греческом слове *chaos* – «хаос» и немецком *Geist* – «дух».

происходит внезапно; этому предшествует его постепенный переход из активного словаря в пассивный. Здесь возможны несколько ситуаций.

1. Реалия остается, но для ее названия появляется новое слово, решительно «вытесняющее» старое. При этом в одних случаях слова полностью заменяются своими дуплетами: *вепрь – кабан, стогна – площадь, вежды – веки, рескрипт – указ, рдяный – красный*. В других же случаях первоначальное слово остается в качестве стилистически окрашенного синонима (как правило, более древний вариант всегда несет возвышенно-эмоциональную окрашенность): *стяг – знамя, реляция – донесение, глагол – речь*.

2. Реалия исчезает и отпадает потребность в соответствующем ей слове (ср. отсутствующие в современном словоупотреблении *боярин, подьячий, стрелец, кистень*, а также ряд слов советской эпохи – *нэпман, попутчик*,<sup>2</sup> *примиренец, избач*).

В большинстве случаев слова уходят прочно и навсегда, в том числе и из пассивного словаря – ср. *ратай, гридень, огнищанин, вершь, млин, ногата* и т. п. В других случаях они как бы «воскресают», возвращаясь из пассивного словаря в активный, иногда с минимальными изменениями первоначального значения; таковы слова *совет, указ, майор, сержант, офицер* и др. Но, конечно, более типичны случаи, когда слово возвращается в совершенно новом «смысловом обликии». В современную обиходно-разговорную речь и в художественную литературу вошли слова *перст, баталия, вояж, бомбардир, династия, новобранец, наставник* и другие, которые еще до недавнего времени имели в толковых словарях помету «устарелое» или даже «дореволюционное».

Однако зададимся вопросом: что такое «отмирать» применительно к слову? И в связи с этим: как соотносятся понятия активный и пассивный словарь? Можно ли точно определить, в каком из них находится данное слово в данный момент? И наступает ли когда-нибудь время, когда слово исчезает из языка совсем? Можно ли считать «совсем исчезнувшими» из русского языка слова *ратай, гридень* или *примиренец, фабзавуч*? Ведь есть масса литературных текстов, где эти слова фигурируют, есть словари, в которых они зафиксированы, наконец, есть некоторое число людей, которые их могут знать.

Риску предположить, что в так называемом «коллективном языковом сознании», *каждое* слово языка оставляет какой-то след. По-видимому, состояние «отмирания» можно определять чисто операционально. Например, задать уровень употребительности слова в какой-то период времени (пусть это будет последнее десятилетие), и если слово, допустим, появляется в текстах этого периода чаще, чем принятый уровень, оно относится к активному словарю, если реже – к пассивному, а если его употребительность близка к нулю, его можно считать «отмершим». Такой путь исследования в принципе возможен, но исключительно трудоемок. Более естественно обратиться непосредственно к носителям языка, которые, собственно, и представляют то самое «коллективное языковое сознание».

Первый опыт широкого исследования такого типа был проведен сорок лет назад Институтом общественного мнения «Комсомольской Правды». 2 августа 1964 г. газета опубликовала большую (на целую полосу) статью «1000 детей о пятидесяти словах», в которой и сообщила об итогах своего необычного опроса. Ученикам третьих классов было предложено объяснить значение 50 слов, выражающих, как «изящно»

---

<sup>2</sup> В переносном значении – как определение группы советских писателей в 20-х гг. XX в.

выразились авторы, «явления – пережитки из различных сфер жизни». Напомним, что это было время, когда гуманитарные науки считались «идеологическими»; от них, в частности, ждали достижений, подтверждающих успехи существующего строя. Лингвистика стояла в этом же ряду. И она выполняла «заказные» исследования. Правда, справедливости ради, заметим, что результаты таких «исследований» публиковались чаще в газетах, чем в научных журналах. Примером такого рода научных достижений и служит обсуждаемая публикация.

Аудитория опроса была подобрана весьма эффектно: 500 городских ребят (из знаменитого Комсомольска-на-Амуре) и 500 деревенских (сельские окрестности малоизвестного Комсомольска в Ивановской области).

Итак, основная идея авторов состояла в том, что «биография» слова может служить путеводителем в сложной области общественных отношений. С отмиранием старого мира отмирают и сопутствующие ему слова и понятия. И именно язык детей, родившихся и живущих в новом мире, являет собой результат необратимых социальных изменений. Что же это за 50 слов?

Одну группу составили слова, «символизирующие старую мораль»: *лихоимец, ханжа, склочница, барышник, нахлебник, лапотник, толкучка* и т.п. и т. п.

В другую группу вошли слова, называющие явления и объекты, характерные для дореволюционной России и короткого периода после революции: *подкулачник, середняк, единоличник, спец, частник, беспризорник* и др. Все эти явления прошлой жизни «не вяжутся с современной социалистической действительностью» и, само собой разумеется, вместе с явлениями должны были неизбежно уйти из языка и соответствующие слова.

Ну, и, наконец, третью группу образовали слова «из ветоши суеверий и церковной ахинеи» (религия – конечно же, неотъемлемая часть отживающего прошлого). Вспомним: 1964 г. – кульминация эпохи, когда борьба с «опиумом для народа» особенно ужесточилась: храмы закрывались один за другим. Результаты опроса должны были засвидетельствовать успехи в этой борьбе. Всякие там *алтарь, богородица, говенье, домовой* должны были безвозвратно уйти в прошлое...<sup>3</sup>

Само собой разумеется, дети оправдали ожидание авторов. Правда, никаких количественных оценок в газете не приведено (не научная статья, все-таки). Зато приводится много примеров, действительно, свидетельствующих о полном незнании значения предъявленных слов. Дети переосмысливали их просто по созвучию: *подкулачник* – «человек не хочет работать, а когда кулак покажут, он сразу все сделает»; *мироеды* – «люди, которые хотят войны, например, фашисты»; *спецы* – «они хорошо играют, хорошо считают и хорошо работают», или «когда овощи в суп заправляют»; *склочница* – «Пшеница растет. Когда колосья тяжелые, она склоняется к земле»; *сутяга* – «человек, который выращивает утят»; «стиляга», «человек, которого на сутки посадили в тюрьму», *единоличник* – «и отец и мать одно лицо, сын в них уродился».

Не нарадуются авторы на ответы детей типа: *богородица* – «женщина, которая работает на огороде»; *алтарь* – «то, из чего делают бусы», «есть такой камень, весь светится» (по созвучию с *янтарем*) или «человек, который живет на Алтае»; *троица*

---

<sup>3</sup> *Домовой* в этом ряду выглядит несколько неуместным. В своей решительной борьбе с Богом власти как-то упустили из вида Дьявола. Результатом относительной свободы явился своего рода всплеск «чертовщины» в быту и прикладном искусстве. Не потому ли именно это слово оказалось самым знакомым для современных информантов?

– «тройка, которая бежала в Сибирь, когда ссылали». И уж совсем замечательный факт, когда дети сами отмечали «отживший» статус слова: *благовест* – «Раньше был благовест, а теперь почтальон».

Словом, как посчитали авторы, дети «трезво и уверенно разоблачили суеверия; в их ответах проступает здоровый, природный и воспитанный уже атеизм».<sup>4</sup>

В целом все 50 «нехороших» слов «повели» себя так, как и подобает: «затейливая ребячья лингвистика» вынесла им неминуемый приговор. И это дало авторам повод для мажорного финала статьи: «год за годом вычеркивают из нашей действительности недавние лишения, дурные привычки, ветхозаветную мораль. Но в то же время эти искренние документы (т.е. анкеты с ответами – А.В.) заставляют нас задуматься над тем, что еще не изжито, не выкорчевано, не пройдено. Здесь есть пища для размышлений каждому, для размышлений и борьбы».

Да, конечно, язык точно фиксирует изменения, происходящие в жизни. Исчезает явление – становится малоупотребительным и обозначающее его слово, или это слово приобретает новый смысл. Как пишут авторы статьи, родители опрошенных детей, возможно, и знают первоначальное значение всех этих *алтарей, кустарей и лихоимцев*, но «уже не по своему теперешнему опыту, а лишь по страницам учебников и романов». Если выразить ту же мысль в наших терминах, то можно сказать, что в коллективном сознании взрослых «след» этих старых слов еще очень заметен. А как это обстоятельство влияет на словарные знания детей? И влияет ли?

Действительно, в детских книгах слова, включенные в анкету, встречаются крайне редко. Но механизм овладения смыслом достаточно сложен и включает целый ряд психологических процессов, до конца еще не изученных. Каким образом усваивается лексика родного языка? Представление ребенка о значении слова формируется из всего его собственного опыта, в частности, и из того, который он приобретает в семье. Выясняя степень знания детьми того или иного слова, мы на самом деле в какой-то степени изучаем представления взрослых. А языковая преемственность поколений вряд ли сильно подвержена политической конъюнктуре. Здесь возможности власти и идеологии весьма невелики.<sup>5</sup>

Повторю, что из статьи 1964 г. трудно делать вывод о степени владения детьми значением отобранной группы слов. Можно говорить лишь о том, что определенная часть детей не сумела правильно описать значение ряда слов. Не имея доступа к экспериментальному материалу, мы не имели возможности проделать должный анализ и потому решили *повторить* описанное исследование.

Со времени памятного опроса практически сменилось уже два поколения. Если те самые 50 слов, действительно, «ушли в прошлое», то нынешние дети должны знать их еще хуже, если вообще знают. Мы повторили анкетирование, хотя и в меньшем масштабе.<sup>6</sup>

В качестве материала было взято 20 слов из анкеты 1964 г., причем слова

---

<sup>4</sup> Впрочем, ложка дегтя все же нашлась: значительной группе детей неожиданно оказались известны слова *венчание* и *крестины*. Этот неприятный результат объясняется в статье так: «не совсем распались еще бытовые, идущие от вековой инерции, связи *взрослых* с религией».

<sup>5</sup> Между прочим, идеологи от культуры много раз предрекали «смерть» многим видам фольклорного творчества, которые тоже несли в себе нежелательные черты прошлого. Однако и здесь пророчествам не суждено было сбыться. Изустная передача текстов стала на их пути непреодолимым форпостом (из личной беседы с С.Е. Никитиной).

<sup>6</sup> В частности, мы не имели возможности опросить столь представительную аудиторию.

подбирались так, чтобы они представляли все группы, упомянутые выше: *скопидом, блат, взятка, бюрократ* относятся к «морально-этической» сфере; *голь перекатная, нахлебник, барышник, беспризорник* называют реалии, присущие «старому миру», и в идеале должны были уже давно «почить в бозе»; *кустарь, частник, лапотник, единоличник* связаны с реалиями менее далекого прошлого и не имеют выраженной негативной оценки; *алтарь, троица, панихида, домовой* относятся к той самой пресловутой «ветоши суеверий и церковной ахинее».

Однако наше исследование имело ряд существенных дополнений.

Во-вторых, кроме детей были опрошены студенты московского гуманитарного вуза (практически это дети участников опроса 1964 г.).

И наконец, в-третьих, мы расширили состав экспериментального набора за счет слов-неологизмов советского периода. Речь идет о названиях реалий, которые явно потеряли свою актуальность в настоящее время (*разложенец, хвостизм, сексот, церковник, примиренец* и т.п. – всего 14 слов, почерпнутых нами из Толкового словаря русского языка Совдепии (М., 2001).

Если исходить из общих соображений, то можно было ожидать, что группа слов из анкеты 1964 г. (в дальнейшем будет для краткости называть их архаизмами) должна быть менее известна современным детям, чем группа слов-советизмов. Дело в том, что советизмы на порядок «моложе», их еще могут хорошо помнить родители и бабушки-дедушки наших испытуемых, да и шанс встретиться в литературных текстах у них выше, чем у архаизмов. Но есть и другая, так сказать, социолингвистическая сторона. Архаизмы в свое время вошли в язык «естественным путем», и их жизнь в языке протекала в полном соответствии с закономерности развития лексики. Что же касается советизмов, то они, в большинстве своем, ни что иное, как искусственные образования, «спущенные сверху», несущие почти всегда идеологическую нагрузку и – это уже наше мнение – подспудно всегда испытывавшие некоторое неприятие со стороны рядовых носителей языка. Если это верно, то уход таких слов из языка должен был произойти быстро и бесследно, как дурной сон. Вот почему было интересно сопоставить результаты по этим двум группам слов.

Окончательный список слов-стимулов представлен в табл. 1.

**Таблица 1.** Слова, предъявленные в эксперименте

Известные слова	Архаизмы	Советизмы
интервью, каша, министерство, плечо, предатель, противник	алтарь, барышник, бесприданница, беспризорник, блат, бюрократ, взятка, домовой, единоличник, кустарь, лапотник, нахлебник, панихида, скопидом, спекулянт, толкучка, троица, частник	избач, лишенец, рабкорка, примиренец, разложенец, сексот, стахановка, торгсин, уклонист, фабзавуч, хвостизм, целинник, церковник, человекодень

В опросе приняли участие в общей сложности около 80 студентов и около 70 школьников третьих классов московских школ. Каждый испытуемый получал бланк, содержащий от 10 до 20 слов и инструкцию «написать, что означает каждое слово». Каковы же оказались результаты?

Всего получено около 2000 ответов (из них более 1600 для слов-архаизмов).<sup>7</sup>

Отдельную проблему составляла для нас оценка ответа как «верный» или «неверный». Конечно, мы не ожидали от информантов отточенных формулировок, которые содержатся в толковых словарях. Если *голь перекатная* определяется, как «человек без дома, денег и склонный к бродяжничеству», *кустарь* – как «человек, занимающийся производством на дому», а *домовой* – «дух, (якобы) живущий в доме и охраняющий его», то можно без сомнения заключить, что информанты достаточно хорошо представляют себе значение слов. С другой стороны, если та же *голь перекатная* – «полянка, где люди загорают», *домовой* определяется как «растворяющийся в дыме», *спекулянт* – «папка с важными документами», а *панихида* – «У пана жена, ее так зовут», то налицо, конечно, полное незнание смысла слов.

Но ведь есть много пограничных случаев. С одной стороны, это определения, свидетельствующие об адекватном понимании смысла слова, но сформулированные довольно своеобразно: *бюрократ* – «документщик», *троица* – «из библии», *бесприданница* – «женщина без придания», алтарь – «место преклонения божеству», *нахлебник* – «человек – попрошайник», *барышник* – «скупщик», «очень богатый человек» и т.д. С другой стороны, предложенное информантом толкование выявляет лишь опосредованное владение значением: *домовой* – «когда что-то пропадает», *говенье* – «кушать плоды церкви», *бюрократ* – «нахал» или «богатый человек», *троица* – «трое прославленных высокопоставленных святых», *бесприданница* – «не наследница или та, которая ничего не дает» и т.д. И уж совсем неясно, как трактовать ответы типа *спекулянт* – «спекулирует людей», *беспризорник* – «человек, который беспрезорился», *бюрократ* – «такая работа».

Ну, и, наконец, как трактовать отказ от ответа. Что это – незнание слова или психологическая нерешительность при выборе точной формулировки?

Ясно, что проблема должна быть решена путем простого соглашения. Для того, чтобы решение было более обоснованным, мы выделили следующие категории ответов:

++ точное знание слова и формулировка, очень близкая к словарной
+ хорошее знание слова, но не совсем четкая формулировка
Н приемлемое знание слова, но толкование очень неточно
А очень приблизительное знание истинного значения слова; ответ связан с ним чисто ассоциативно
– ! слово явно не известно, но информант проявляет находчивость, пытаясь «угадать» значение по внешней форме слова
– – нет никаких признаков того, что информант владеет значением слова
х отказ, нет никакого ответа

Для иллюстрации приведем итоговую матрицу результатов для слова *барышник* (табл. 2). Полагаем, что читатель без труда поймет принцип деления ответов на категории, хотя и допускаем, что в некоторых случаях решение об отнесении ответа в ту или иную категорию может быть оспорено. Впрочем, для общих выводов возможные единичные перемещения нам кажутся несущественными.

Имея относительно дробное деление ответов на категории, можно принять

<sup>7</sup> По другим группам слов мы располагаем предварительными данными, которые, впрочем вполне достаточны для сопоставительного анализа.



**Таблица 2. Структура ответов на слово *барышник***

Словарь Ожегова: 1. Тот, кто занимается перепродажей ради барыша, перекупщик  
2. Торговец лошадьми

**Студенты (всего 49 человек) х: 18 человек.**

**++** - человек, торгующий чем-либо и получающий от этого выгоду - торговец лошадьми  
- человек, получающий прибыль в виде разницы от купли, а затем продажи по более дорогой цене

**+** - перекупщик, своекорыстный человек (2 ответа)

**Н** - спекулянт (2 ответа) - человек, ищущий материальную выгоду  
- скупщик - человек, который спекулирует чем-либо  
- скупщик, спекулянт - торговец, в какой-то мере нарушающий закон  
- торговец, спекулянт - стремящийся из всего получить выгоду («барыш»)  
- коммерсант

**А** - ханыга (2 ответа) - торговец (2 ответа) - мелкий торговец  
- обирает других - рэкетир - торгующий чем-либо  
- торговец краденым (2 ответа)  
- человек, который любит копить деньги, как правило, нечестным путем  
- человек, который зарабатывает деньги нечестным путем  
- человек, дающий деньги в долг и живущий на проценты с них  
- человек, занимающийся барышами, процентными деньгами  
- расчетливый человек, любящий деньги, извлекающий выгоду из всего

**Школьники (всего 52 чел.) х: 29 человек**

**+** - Человек, который покупает вещи, например, за пять рублей, а продает за семь, и у него остается два рубля. Это его барыш.

**А** - (очень) богатый человек (4 ответа) - у кого много денег  
- человек, получающий большую выгоду

**-!**

Ответы	Возможный ход мыслей
- растение (2 ответа) - цветок (2 ответа) - Кусты такие в лесу, на них ягоды красные, а есть нельзя.	[боярышник]
- дом для дам	[барышня]; по модели муравей -> муравейник
- человек с дамой - изменяет своей жене, бабник - человек часто меняет жен - мужик в платье женщины - мужчина, у которого много любимых женщин - Взрослый дядя ухаживает за барышнями, а на работу не ходит.	[барышня + бабник]
- барин - который живет в усадьбе и богат - человек при дворе барина, прислуга барина - человек, который разлегся и лежит, главный	[барин, боярин]
- человек, который возит баранов - Барашков стережет в горах, ходит и поет песни.	[баран]

**--** - раньше так называлась копейка

разные стратегии дальнейшего анализа. Например, вполне разумным выглядит такое решение: ответы типа (++) , (+) , (Н) и (А) говорят о том, что информанты более или менее представляют себе значение слова, и все ответы этих четырех типов можно квалифицировать как правильные. Соответственно все другие ответы (включая отказы) будут неверными. При этом подходе общий результат выглядит следующим образом (табл. 3).

**Таблица 3.** Доля правильных ответов, в % (вариант 1)

	Известные слова	архаизмы	советизмы
Студенты	94,4	87,2	44,7
Школьники	93,5	55,7	23,2

«Планку» правильности можно поднять, считая правильными только ответы (++) и (+). Тогда картина будет несколько иной (табл. 4).

**Таблица 4.** Доля правильных ответов, в % (вариант 2)

	Известные слова	архаизмы	советизмы
Студенты	69,2	37,5	19,5
Школьники	33,3	7,6	4,0

При этом подходе выявляется существенное различие между студентами и школьниками по группе известных слов, но основная тенденция остается той же: известные слова определяются гораздо точнее, чем все остальные, а архаизмы – заведомо лучше, чем советизмы.

Полученные результаты позволяют заключить, что архаизмы все еще входят в пассивный (а может даже и активный) словарь носителей современного русского языка.

Кстати, процитируем вновь статью 1964 г., авторам которой так хотелось убедиться в «смерти» неприятных для них слов. «Стремительный бег нашего великого времени вырвал с корнем из обиходного словаря одни слова, развеял в прах вековой, казавшийся священным смысл других и заставил чуткое детское ухо воспринять такое слово совсем по-новому.» На наше счастье язык оказался не столь податлив к переменам, как того хотелось нетерпеливым пропагандистам. И убедиться в этом нам помогло «чуткое ухо» наших сегодняшних детей. Наши результаты ни в малейшей мере нельзя трактовать как доказательство «исчезновения» архаизмов. В наибольшей степени это относится к словам религиозного содержания: они оказались хорошо знакомыми как студентам (около 90 % правильных ответов), так и школьникам (около 60 %). Не зря били тревогу авторы статьи 1964 г. «Религиозная ветошь» оказалась особенно живучей!

А вот применительно к советизмам, которые хронологически стоят к нашим испытуемым гораздо ближе, следы «отмирания» значительно более очевидны. Этот факт уместно рассмотреть в контексте более общей проблемы функционирования языка в тоталитарном обществе.

Западные лингвисты, не обремененные идеологическими ограничениями, уже давно обратили внимание на «советский язык» как объект, достойный научного анализа. В обиход было введено понятие ‘официальный язык’, которым пользуются власти (французы образно называли его «деревянным»). Это особый (русский

советский) язык, который функционирует в обществе параллельно с собственно русским, обслуживающим сферу обиходного общения. У нас в стране эта проблема привлекла внимание, как только позволили социально-политические условия.<sup>8</sup>

Что представляет собой язык тоталитарного общества? У многих из нас еще на слуху тот вариант «нового языка», который был реализован в СССР – передовицы центральных газет, речи партийных руководителей, семантически пустые лозунги. Советский «новояз» был частью нашей повседневности, и весь политический дискурс воспринимался как привычный фон, как псевдоинформационная среда.

Главное назначение «деревянного» языка – лишение слов их подлинного смысла. М.А. Кронгауз называет его языком ритуальным, употребляемым в ограниченном количестве эталонных ситуаций. Такого рода ритуальный язык является необходимым компонентом тех действий (митинги, политзанятия и т.п.), которые в социалистическом обществе приобрели подчеркнуто ритуализованный характер. С их помощью поддерживалась иллюзия общественной жизни, а также приводились в действие механизмы политического контроля. Советский человек обязан был выступать в роли как наблюдателя, так и участника ритуала. Обыденный русский язык для ритуала не требовался, более того, он для него был непригоден. Естественным было поэтому появление и развитие особого рода «новояза», который, впрочем, не вытеснил обыденный язык, а стал существовать параллельно с ним. Этот новый «ритуальный» язык рядовым советским человеком был освоен, как правило, пассивно: он в состоянии понять (отчасти интуитивно) то, что говорится и пишется от имени власти, однако испытывает большие трудности, если ему необходимо самому высказаться на этом языке. Можно также говорить о разграничении письменных текстов и устных высказываний: если для первой сферы удастся найти достаточно много свидетельств в пользу наличия особого официального языка, то понятие «официального устного» должно рассматриваться скорее как метафора. Не случайно произнесение речей практически всегда предполагало простое их зачитывание: выход за рамки текста, если и происходил, то был явным исключением, нарушающим правила «ритуальности».

Однако, по мнению швейцарского лингвиста Патрика Серио, не надо думать, что «невинный» народ пользуется «прозрачным» языком для обозначения простых вещей (*хлеб, любовь, смерть*), а чуждый ему «язык власти» ему навязывается и быстро исчезает из обихода, как только ослабевает «давление» сверху. Нет, язык власти не является для народа абсолютно чуждым: можно говорить о неосознанном участии народа в языке власти. Того же мнения придерживался и Э. Хан-Пира (1991). Люди живут в мире уже готовых значений; некоторые понятия принимаются при этом как изначально данные, не имеющие каких-либо «прозрачных» альтернатив. Язык власти и язык народа не изолированы друг от друга: они переплетены и находятся в сложных диалогических отношениях. Неверно поэтому говорить о языке власти как внеположенном рядовому субъекту; этот язык составляет также и обязательную часть его собственного языкового сознания.

Полученные нами результаты никак не согласуются с этой точкой зрения. Они

---

<sup>8</sup> Упомянем хотя бы историко-социологический семинар «Язык тоталитарного общества», организованный обществом «Мемориал» (факультет журналистики МГУ, конец 1989 – начало 1990 гг.) и Международную конференцию «Язык и власть, языки власти», организованную издательством «Прогресс» в Тракае (апрель 1991 г.).

говорят в пользу того мнения, что «новояз» был и оставался чуждым, инородным по отношению к обычному русскому языку, и потому при наступлении иных идеологических установок быстро забывается.

\* \* \*

Продолжая обсуждение полученных результатов, мы хотели бы обратиться к анализу конкретных ответов. Обращает на себя внимание тот факт, что у студентов практически отсутствуют ответы типа (– !), т.е. всякий раз, когда слово студенту не знакомо, он даже не пытается определить его значение, исходя из внутренней формы слова. Что касается школьников, то в ситуации, когда слово им явно не знакомо, они предпринимают попытку его «угадать» в 40 % случаев! Самая интересная для лингвистов и психологов как раз та часть ответов ребят, когда они пытаются установить значение слова по его, так сказать, «внешним признакам». В табл. 2 мы уже познакомили читателя с образцами фантазии детей на тему слова *барышник*. Приведем еще несколько курьезных примеров (табл. 5).

Данные табл. 5 – не более, чем иллюстрация хорошо известного феномена «ложной», или народной этимологии. Ей посвящено немало работ, причем видное место в них отводится именно ложной этимологии детей. Сбор фактов ложной этимологии может послужить хорошим подспорьем для раскрытия истинного значения слов, выявления словообразовательных связей и семантических закономерностей. Само по себе данное явление встречается далеко не только в экспериментальной ситуации.

Круг слов, подвергающихся ложному этимологизированию в речи учащихся, достаточно широк. Он нередко возрастает в связи с расширением запаса слов, открытием новых фонетических и морфологических соответствий. Чаще всего ошибочному, неверному переосмыслению подвергаются малоупотребительные сейчас архаизмы или иноязычные слова, случайно совпавшие по внешнему облику с другими, более известными словами:

*баламут* – тот, кто шутит на балах, то есть мутит воду; *богатырь* – богатый силой или сильный от бога; *дворянин* – помещик, владеющий двором или дворовыми людьми; *виртуоз* – тот, кто быстро вращается, быстро вращает руками, то есть быстро выполняет работу, дело; *деревня* – местность, покрытая деревьями, селение среди деревьев, то есть в лесу; *плутokrat* – тот, кто плутует, кто обманывает; *долговязый* – длинный, как вяз, похожий на вяз; *крепостной* – крепкий (сильный) человек, живущий у крепости или вблизи крепости.

Д.И. Арбатский (1977) считает, что ложная этимология в языке учащихся отличается необычностью, острым чувством морфологического состава слова, наивной непосредственностью. Нередко она воспринимается как смешные курьезы в области языка. Между тем, это неудавшаяся попытка проникнуть в тайну слова, понять его внутренние смысловые связи. Когда ученик объясняет слово *крестьянка* как женщина, которая носит крест, *прилюдия* – как *прилюдия* (то, что происходит при людях), а *чертог* – как жилище черта, то здесь обнаруживается не только незнание реального значения слова, но и непонимание смысловых, морфологических, словопроизводственных связей.<sup>9</sup>

---

<sup>9</sup> Заметим, что ряд примеров автора заимствованы из цитированной нами выше статьи в «Комсомольской Правде».

**Таблица 5.** Образцы творческой фантазии детей

	Ответы	Возможный ход мыслей
Скопидом	дом, куда люди деньги несут, это вроде сберегательной кассы; банк	дом + копить
	помещение, где много людей, дом, где скопище людей; общежитие; дом, где скапливается много вещей	
	скопление домов	
	человек, который строит дом; сбережения человека на покупку дома; человек, который все делает для семьи, много экономит	копить для дома
	очиститель пятен	скипидар
Нахлебник	хлеб печет; пекарь; тот, кто работает на хлебе; запечатывает хлеб; хлеб выращивает	на хлебе
	подставка для хлеба; вещь, которую кладут на хлеб, лопата, при помощи которой хлеб засовывают	для хлеба
Толкучка	чем толчут; чем картошку мнут; расталкивают картофель; которой толкут зерно	толкучка
	мятая вареная картошка	
	вещь, которая толкается	
Алтарь	То, из чего делают бусы. Есть такой камень, весь светится.	янтарь
	Человек, который живет на Алтае.	алтаец
	Футболист, который стоит на воротах и ловит мяч.	вратарь
	Шкафчик или сундук; то, где хранят золото	ларь, ларец
Лапотник	еловые ветки; деревянная подстилка	лапник
	человек много говорит; человек, который все лапочет	лопотать
	лопата; прибор для лопаты	
	подставка для лаптей	
	человек, который зашивает штаны	заплата, латает

Кустарь	кусты обрезает; ухаживает за кустами; человек, сажающий кусты; Он за садом ухаживает; деревенский житель	кустарник
	растение; безлюдное место; дом, заросший кустами; пруд; рыбац Место, где непроходимое болото, там растет кустарь.	
	человек, который в случае чего прячется в кусты	
Панихида	паника; та, которая устраивает панику	
	У пана жена, ее зовут «панихида»; царица языческий бог	пан
Разложенец	труп, который разложился в гробу; умерший человек, которого разлагает	
	раскладывающий товары; тот, кто что-то раскладывает	
Фабзавуч	заведующий фабрикой; заместитель на фабрике; заведующий фабричным учреждением; заведующий учебной частью на фабрике	
Сексот	ансамбль из 6 человек	секстет
	Старинная цифра более 100	
Бесприданница	Если не предательница, то это и есть бесприданница; девушка, которая не предает	
	когда не дают дань	
Голь перекатная	который очень хорошо катается	
	Полянка, где люди загорают.	

Правда, иногда такой примитивный анализ восстанавливает утраченные смысловые связи, угадывает реальную этимологию. Так, *сочельник* (канун рождества, когда пекут сочни) правильно связывается со словом *сочень*; *липа* – *липкий* (названа по наличию липкого сока); *синица* – *синий* (названа по цвету); *проныра* – *нырять* и др. Однако все это – не более, чем отдельные реальные проблески, которые остаются в одном ряду с ложными ассоциациями.

При всей своей милой забавности школьная этимология не столь уж безобидна. Недостаток знаний, опыта, слишком прямые поспешные ассоциации без учета конкретной истории возникновения слов неизбежно приводят к неверному их осмыслению и могут закрепиться в сознании. Слово *улица* обычно производится от близкого по звуковому составу *лицо* (то, что находится около «лица дома»); *курень* — от *курить* («где курят»); *волнушка* – от *волна* (гриб, у которого на шляпке рисунок волны); *море* – от *мор* (место, где можно умереть, то есть утонуть); *слёзы* – от *слезать* (то, что «слезает» по лицу во время плача) и др. Это естественный и закономерный этап в освоении учащимися весьма сложной лексико-семантической и словообразовательной системы языка.

В некоторых случаях неверная трактовка завязана на искаженном восприятии фонетико-морфологической (или орфографической) формы слова: пишут *посажир* (от *посадить*) вместо *пассажир*, *винтилятор* (от *винт*) вместо *вентилятор*; толкуют *хвостизм* как «качество человека, который *хвастает*) и т.п. Вполне возможно, что на основе ложных, поверхностных ассоциаций не только искажается реальное значение слова, но и закрываются пути к знанию его. Поэтому от взрослых, особенно преподавателей родного языка, требуется определенное умение «работать» с ложной этимологией. Надо отчетливо осознавать, что с одной стороны, она полезна, поскольку может помочь более глубокому проникновению в значение слова и способствует развитию творческого потенциала ребенка. Но, с другой стороны, есть ложные этимологии, которые следует неукоснительно искоренять.

\* \* \*

Вернемся к предмету нашей статьи. Определяя для себя правильный вариант толкования слов-стимулов, мы, естественно, заглядывали в толковые словари русского языка. И вот тут-то обнаружили ряд определенных разночтений. Касается это не столько значения слова, сколько его оценочной характеристикой: слова, воспринимаемые, как явно положительные словарем Даля, становятся нейтральными, а то и негативными в толкованиях словаря Ожегова. Приведем пример со словом *бесприданница*. По словарю Ожегова это «Девушка, не имевшая приданого для выхода замуж». Обратим внимание на причастие прошедшего времени. Словарь как бы исключает слово из нынешнего обихода, хотя и не ставит пометы *устар.* Как бы то ни было, при современном понимании это слово имеет вполне нейтральную коннотацию; если говорить о чувствах, то наиболее уместное здесь – некоторое сочувствие и даже жалость. А как определяет это слово Даль? «В похвалу: невеста, которую берут безо всего». Вот вам и сочувствие!

Напомним, что речь идет об архаизмах, и в принципе нет ничего удивительного в том, что слово со временем меняет смысловой оттенок. Но меняет ли? Нет ли угрозы в том, что *словарь* привносит оттенки, которые не соответствуют истинному восприятию носителями языка значения слова. Здесь мы вступаем в область теории и практики лексикографии.

Создание полного толкового словаря литературного языка всегда и повсюду рассматривалось как выражение потребностей общества, как одно из высших достижений национальной культуры. По определению академика И. И. Срезневского, «словарь языка есть первая книга народа». Издание толковых словарей в России связано с образованием академии (1783 г.), которая «главнейшим себе поставила долгом сочинение словаря, или изъяснения слов, речений, речей и разного образа вещаний в языке славенороссийском употребительных» (потому что «без полного собрания слов и речей и не определяя точного им знаменования не можно ни утвердительно сказать, в чем состоит обилие, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться оными»).

Первое академическое издание, содержащее ок. 50 тысяч слов, вышло в конце XVIII в. Его научное, культурное и престижное значение было высоко оценено в России и Европе. Это был первый словарь русского литературного языка – языка, каким он представлялся создателям словаря, опиравшимся на ломоносовскую теорию трех стилей. Однако и это, и последующее (закончено в 1822 г.) издание довольно сильно критиковал А.С.Пушкин – поэт и прозаик, реформатор литературного языка, знаток европейских языков и словарей, человек выдающейся филологической образованности.

Он и сам стал членом Академии Российской и практически участвовал в подготовке третьего издания словаря (Левашов 1977). Именно в его времени впервые стали вырабатываться основные принципы и техника составления словаря. И на первом месте здесь оказалось понятия «норма».

Характерной особенностью многих дореволюционных словарей и справочников являлось своеобразное отношение к языковой норме. Описываемый речевой факт сопоставлялся с показаниями уже опубликованных словарей и грамматик и в случае несовпадения запрещался. Поэтому, как правило, любое новшество, даже соответствовавшее общим тенденциям развития языка, считалось ошибкой.

Своего рода переворот совершил В.И. Даль, который во введении к своему словарю писал: «словарник не узаконитель, а раб языка; то есть, то он обязан собрать, и не может выкидывать того, что ему не нравится». Сейчас эта точка зрения формально признается всеми. Назначение толкового словаря состоит в том, чтобы фиксировать значения слов, встречающиеся в реальной практике функционирования языка.

Однако стратегия советской школы лексикографов была несколько специфической. История словарей советской эпохи началась, как известно, с коротких записок В.И. Ленина Луначарскому, которые, впрочем, породили целый цикл работ по их анализу (Левашов, Петушков 1975; Петушков, Сороколетов 1978).

Определение задач словаря увязывалось Лениным с целостной программой культурного преобразования страны, строящей социализм. Как и любое печатное слово, словарь должен был выполнять, среди прочего, еще и воспитательную функцию. В данном случае – проводить *марксистский* взгляд на *нормализацию литературного языка*.

Надо отметить, что в дореволюционной России задача нормализации литературного языка посредством толкового словаря, как правило, не ставилась. Даже редактор «Словаря русского языка» Академии наук А. А. Шахматов считал невозможным нормализовать язык. «Главный и единственный авторитет в языке, – писал он, – это обычай употребления... Странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решилось указывать, как надо говорить». Ненормативным был и известный «Толковый словарь великорусского языка» В. И. Даля. Его автор заявлял: «Словарь составляется для русских, почему я почти не делаю отметок о том, насколько слово в ходу, не опошлело ли оно, в каком слое общества живет и проч. В этом пусть всяк судит и рядит по своему вкусу; при шаткости неустановившегося языка нашего тут строгой черты или грани провести нельзя». *В Советской стране нормализация языка как важнейшего компонента культуры, как общего достояния нации становится актуально необходимой.*

Стратегия авторов словарей советского периода постулировалась так: при определении нормы непременно принимается во внимание *анализ исторических закономерностей* с одной стороны, и современные тенденции в развитии языка (показателен порядок этих двух составляющих – А.В.). Соответственно в число основных источников (конечно, наряду с текстами классиков, плеяду которых Ленин определил как «от Пушкина до Горького») стали попадать многочисленные газетно-журнальные вырезки. (Сергеев 1977).

Вообще понятие «норма» оказалось прямо находкой для идеологизированных авторов. Власть дала им индульгенцию на вынесение вердикта «норма / не норма». Ф.П.Филин, главный редактор грандиозного 17-томного словаря русского языка,



который сейчас по большей части пылится на полках библиотек, но который в 1970 г. был удостоен Ленинской премии, писал: «задача нормативного словаря – хранить устоявшееся, образцовое, оберегать язык от разного рода неправильностей и искажений и в то же время *способствовать закреплению побеждающего нового прогрессивного, устранить отжившее, не соответствующую общенародной речевой практике*» (курсив наш – А.В.).<sup>10</sup>

В свете описанных выше реалий языка тоталитарного общества, такая свобода в принятии решений людьми, пользующимися доверием власти, не могла не отразиться на качестве издаваемых трудов. Приведем простой пример. Слово *человек* определяется в словаре Ожегова как «живое существо, обладающее даром мышления и речи», а также «*способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда*». Выделенная нами часть толкования – не что иное, как цитата из определения Ф.Энгельса, которое штудировалось всеми студентами в курсе марксистской философии. Как показали опросы, *ни один* из многочисленных информантов не «вспомнил» об этом «признаке» при толковании слова *человек*. Этот признак привнесен в словарь явно с той самой «воспитательной» целью.

Еще один пример – из числа курьезов. В одно из изданий словаря Ожегова юбло включено слово *ленинградец*, хотя никаких других названий жителей городов (*москвич, киевлянин* и т.п.) не было. Как вспоминает С.И.Ожегов он вынужденно включил это слово, поскольку иначе по соседству оказались бы слова *ленивый* и *ленинец*, на что ему во-время «указали».

Мы не умаляем заслуг отечественных лексикографов. Их огромная постоянная работа по отслеживанию изменений в лексике была, безусловно, полезна и нашла отражение в целом ряде своевременных и правильных редакций словарей. Но все же, разделяя убеждение в том, что словарь должен фиксировать тенденции развития лексики, а не порождать их, мы вынуждены констатировать: применительно к некоторым архаизмам советские словари вполне могли формировать новое понимание значений, которое соответствовало бы политическому заказу в большей мере, чем естественному ходу развития. Приведем несколько примеров.

*Нахлебник* Согласно словарю Даля означало «живущий на хозяйских готовых харчах, не на своем хозяйстве». Соответственно *нахлебничать* = «жить на чужих хлебах, на готовой пище и при разных условиях: как гость, как работник или из платы как постоялец». Очевидно, что ничего предосудительного за этим не стоит. Человек, не желающий сам готовить, платит за «хлеба» деньги. По существу, это близко к современному понятию «пансион».

Что происходило далее? Советская мораль весьма не поощряла людей, которые *платят* за то, что могли бы получить, вложив собственный труд. Первым изданием, где этот подход должен был найти отражение, оказался словарь Ушакова. Этот словарь уникален в том смысле, что находится как бы между двух стульев. Основная картотека слов для него была собрана еще до советской власти, но первый том вышел в конце 30-х гг. и уже не мог в какой-то мере не отражать нового подхода к толкованию значений. Итак, Ушаков выделяет два значения: «1. *устар.* Получающий за плату стол и помещение в чужой семье. 2. *устар.* приживальщик, живущий на хлебах у барина, помещика.»

---

<sup>10</sup> Цит. по работе (Сергеев 1977).

Первым, как видим, еще идет нейтральное значение, перекликающееся с данными Даля. Ну, а современные словари более категоричны: «1. *неодобр.* Тот, кто живет на чужих хлебах, на чужие средства, приживальщик. 2. *устар.* Тот, кто получает за плату питание и жилье в чужой семье.» Обратим внимание на пометы!

*Скопидом* У Даля слово имело вполне положительную коннотацию: «хороший бережливый хозяин. *Скопидомничать* = наживать помаленьку добро и сберегать его, запастись про черный день». В советское время накопления, как и вообще богатство, были не в чести. Отсюда имеем цепочку: Ушаков – «*разг.* Чел-к, у которого бережливость и забота о накоплении доходит до скряжничества» (слова *бережливость* и *забота о накоплении* еще как-то скрашивают «приговор»); Ожегов – «Тот, кто одержим страстью к накоплению и бережлив до скупости» (все уже предельно ясно).

Сходные выводы были сделаны Р.М.Фрумкиной и А.В.Михеевым, исследовавшим термин *вещизм*.<sup>11</sup> В 70-е годы XX в. усиленно внедрялся миф о воспитании в советском обществе «нового» человека, для которого характерны прежде всего аскетизм, альтруизм и бескорыстный труд во имя будущего; *вещизм* же есть стремление обладать вещами личного потребления, превращая это в жизненную доминанту. Борьба с вещизмом (или мещанством) была направлена на достижение социальной однородности советского общества в условиях низкого жизненного уровня большинства его членов. Парадоксальным является то, что официальные пропагандистские установки в определенных моментах совпадали с собственными ценностными ориентациями современной интеллигенции, идущими еще от традиций XIX в. (говорить о вещах и комфорте – неприлично, «буржуазно»; смысл комфорта в том, чтобы его не замечать).

Однако относительный рост материального благосостояния в 60-е годы привел к тому, что одной из доминирующих в обществе стала как раз установка на обладание. В 70-е годы антипотребительские установки властей сохраняли свой вес только в сфере пропаганды; в реальности господствовали ценности, противоположные аскетизму и альтруизму. Появилось уже (не как официальное, а как обиходное) понятие «престиж», включающее в себя также и «престижное потребление». В то же время материальные интересы продолжали подвергаться в среде интеллигенции осуждению как нечто, наносящее ущерб «духовности». После перестройки кардинальным образом меняются официальные установки: реабилитируются понятия «материальная заинтересованность», «предпринимательство». Новая идеология начинает поощрять ориентацию на экономическую активность и обзаведение собственностью. а слова типа *вещизм*, *мещанство*, *потребительство* либо исчезают из обихода, либо теряют идеологическую нагрузку.

Слов *нахлебник* и *скопидом*, судя по всему, новые веяния не коснулись (возможно, в силу их архаичности). В сознании современных носителей языка эти слова наличествуют именно в «советской» трактовке: об этом недвусмысленно говорят результаты эксперимента (наши информанты давали «советский» вариант толкования в 64 из 65 возможных для слова *нахлебник* и 34 из 36 – для *скопидом*). Конечно, мы не беремся утверждать, что здесь первично – естественное изменение лексического значения, пусть и под влиянием резкого изменения социального функционирования слов или все же сам словарь сыграл определенную нормирующую роль. Но в этой связи весьма показателен пример с другим словом.

---

<sup>11</sup> Доклад на упоминавшейся выше конференции «Язык и власть, языки власти» в 1971.

*Единоличник* Ранее термин был абсолютно нейтральным и обозначал представителей определенной социальной группы («крестьянин, имеющий отдельное от общины хозяйство»). В данном случае советские словари *других значений не давали*. Однако в советское время термин превратился в ярлык, обладатель которого был «чуждым элементом», чуть ли не «врагом народа». Отсюда и новое – отрицательное – значение «эгоист». Именно это значение стало ведущим, и ныне, в отсутствие самого явления, является основным (ср. характерные ответы наших информантов: «высокомерный человек», «не хочет делиться», «живет для себя», «мальчик ни с кем не делится, не помогает, не объясняет задачи», «жадина» и уж совсем забавное «тот, кто ест один в темноте»). Недавно вышедший толковый словарь русского языка С.А.Кузнецова (2001 г.), наконец, фиксирует это значение, как нам кажется, следуя за реальным словоупотреблением, а не из «политических соображений». Но именно естественный ход событий и привел к тому, что отрицательная коннотация еще погасила изначально нейтральный, если не сказать положительный оттенок смысла для *единоличника*. Это видно из таких чисто ассоциативных ответов наших испытуемых, как «человек, который ценит свою личность», «человек, который придерживается только своих взглядов», «человек, который всегда отстаивает свое мнение» и т.п.).

«Чуждыми» для Советской России были и *частник*, и *кустарь*, и *толкучка*, и, конечно, *спекулянт*. Соответственно, все эти слова приобрели резко негативную коннотацию, что зафиксировал Ожегов. Однако для нынешнего поколения эта коннотация постепенно уходит (или, можно сказать, возвращается исходная). Ср. *частник*: «предприниматель», «человек, занимающийся собственным делом», «человек, действующий от себя, например, частник на такси»; *кустарь* «ремесленник», «человек выполняет работу своими руками»; *толкучка*: «вещевой рынок», «рынок разнообразных товаров»; *спекулянт*: «торговый деятель, получающий выгоду от перепродажи товара», «это такая работа», «человек, организующий сделки, приносящие доход».<sup>12</sup>

\* \* \*

В заключение несколько слов еще об одном результате, полученном в рамках проведенного нами исследования.

Как мы уже отметили, воистину фантазия и языковая находчивость детей не знает границ. Та самая «затейливая ребячья лингвистика» свойственна в равной степени и детям 2003 г., и детям 1964 г. И все же этих ребят разделяет целая эпоха. А ведь еще Л.Кассиль писал об «удивительной восприимчивости детского слуха, свободе и стремительности, с которой дети улавливают и мгновенно по-своему переосмысливают ставшие уже не совсем привычными для нашего языка слова». Полученные в ходе опроса ответы – действительно, своеобразный камертон эпохи. Сопоставление данных двух опросов дает определенную пищу для размышлений.

Начнем с того, что дети образца 2003 г. проявляют себя, как гораздо более активные и энергичные (ср. *частник*: **1964 г.** – «тот, кто живет на частной квартире», **2003 г.** – «человек, у которого своя земля», «человек, на которого работают», «человек, который всегда на работе», «один человек из всех»). Другая особенность нынешних детей – у них явно проступает особое отношение к богатству, деньгам. «Расшифровывая»

<sup>12</sup> Между прочим, у Даля *спекулятор* был вовсе неплохим человеком («предпримчивый оборотистый человек в торговых, промышленных делах»).

незнакомое им слово *нахлебник*, они вдруг привлекают модель ‘сидеть на...’ (деньгах, мешке с золотом и т.п.) и отсюда ‘сидеть на хлебе’ («человек, у которого много хлеба», «кормилец»). *Алтарь* толкуется как «шкафчик или сундук», «то, где хранят золото» (видимо, вспоминается *ларец, ларь*). Такого рода ассоциаций у детей в 1964 г. не было. Кстати, именно современные дети дали единственное толкование слова *скопидом* в точном соответствии с его начальным значением («человек, который все делает для семьи, много экономит»).

Приведем несколько примеров, характеризующих наших информантов в ситуации, когда они фантазируют, не зная истинного значения слова. Как говорится, почувствуйте разницу:

	1964 г.	2003 г.
блат	«когда человек подружился с продавцами и берет все без очереди»,	«связи с влиятельными людьми», «когда что-то делаешь куда-то поступать по благу»;
взятка	«когда белогвардейцы убивают рабочих или берут их в плен»	«если человека взяли в плен, и дать деньги, то можно позвонить по телефону»
бюрократ	«человек, который выступает на бюро»	«человек, имеющий бюро», «завбюро»
домовой	«Это мужчина. Кто крепко заснет, он того будит. Сейчас его нет, потому что мало верят в бога»,	«Бог, который оберегает дом от бед».

### Литература

*Арбатский Д.И.* Ложная этимология в языке учащихся. *Русская речь*, 1977, № 3, С.132–135.

*Левашов Е.А.* Пушкин и академические словари. *Русская речь*, 1977, №; 3, С.12–20.

*Левашов Е.А., Петушков В.П.* Ленин и словари. Л., 1975.

*Петушков В.П., Сороколетов Ф.П.* Ленинские принципы советской лексикографии.

// Проблемы учебной лексикографии и обучения лексики. М., 1978.

*Сергеев В.Н.* Культура речи и словари-справочники советской эпохи. *Русская речь*, 1977, № 3, С. 3–11.

*Хан-Пира Э.* Язык власти и власть языка. *Вестник АН СССР*, 1991, № 4.

# ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

## ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

### Уважаемые читатели!

Вы держите в руках тематический выпуск журнала, посвященный гендерной лингвистике. Его появление обусловлено кардинальными сдвигами в научном представлении homo sapiens и в концепции гендера, и в концепции человека как такового: сегодня гуманитарное знание, социальная философия подвергают ревизии модель человека и всех ее составляющих.

Ситуация также испытывает влияние глобалистских и антиглобалистских тенденций: с одной стороны, наблюдается уход от бинарной модели гендера, значительная политизация гендерных концепций, с другой – противоположная тенденция к патриархатному фундаментализму. В ряде случаев они существуют одновременно, как это происходит, например, в нашей стране.

Все это дополняется высокой степенью политизации гендерной проблематики, противоборством глобалистских и государственнических взглядов, затуманиванием старых советских моделей гендера и целым рядом других экстралингвистических факторов, самым существенным образом влияющих на концептуализацию гендера.

Гендерная лингвистика не исчерпывается психолингвистической составляющей, но психолингвистика позволила получить большое количество значимых научных данных о гендере, и эти данные применимы в широкой междисциплинарной сфере, коей и являются гендерные исследования (ГИ).

Перечислим кратко те (безусловно, пересекающиеся) области, в которых на сегодняшний день со всей очевидностью доказаны проявление и фиксация гендерной составляющей языкового сознания:

1. Детская речь в онтогенезе<sup>1</sup>.
2. Изучение ассоциативно-вербальной сети и ассоциативные словари.
3. Вербализация этнических представлений
4. Языковое творчество (особенно в Интернет-коммуникации как наиболее удобном для наблюдения динамическом объекте)
5. Психолингвистически значимые вопросы языковой политики
6. Коммуникативное поведение.
7. Криминалистическая/автороведческая экспертиза.

Однако междисциплинарность и взаимное проникновение наук – сущностная черта постнеклассического (гуманитарного) знания. Многие направления переплетены сегодня так тесно и разнообразно, что бытовавшее ранее частнонаучное их изучение стало практически невозможным.

---

<sup>1</sup> По причине практически всеобщей известности этой области мы не рассматриваем ее здесь.

Цель этого выпуска – показать (разумеется, выборочно) эвристический потенциал психолингвистики и лингвистики в аспекте гендерных исследований.

Гендерный подход основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых – релятивизация пола, то есть отказ от биодетерминизма, и интерпретация гендера как социально и культурно конструируемого феномена. Признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализованного характера ведет и к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся как в различных культурных и языковых сообществах, так и на различных этапах их развития. Все это позволяет подойти к феноменам «мужественность» и «женственность» не как к неизменной природной данности, а как к динамическим, изменчивым продуктам развития человеческого общества, поддающимся социальному манипулированию и моделированию и подверженным сильнейшему влиянию политики, социального заказа, культурной традиции. Сегодня мы четко видим стремление эту традицию изменить.

Современные гендерные репрезентации находятся в динамике, имеют большой политический резонанс, влияют на языковую политику и провоцируют появление новых видов дискурса и новых лексических единиц.

Специальный выпуск журнала включает как статьи общего характера, так и описания более узко сфокусированных исследований, проведенных отечественными лингвистами – представителями преимущественно Московской и Нижегородской научных школ.

*Редколлегия приглашает лингвистов к дискуссии и надеется, что этот специальный выпуск станет новым импульсом для развития отечественной гендерной лингвистики.*

*А.В. Кирилина*

УДК 81.27  
ББК Ш100.62  
DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-30-45

Научная статья

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРА В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ  
ТРУДОУСТРОЙСТВА  
(на материале объявлений о работе и резюме)**

**Аликина Анастасия Владимировна**

Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»,  
Нижний Новгород, Россия

***Аннотация***

Статья посвящена описанию особенностей репрезентации гендера в российском дискурсе трудоустройства, выявлению роли гендерных стереотипов при отклике на вакансию и способов информирования соискателей о гендере кандидата. В ходе исследования использовались методы контент-анализа и семантической интерпретации, а также этнографический и количественный методы. Объектом исследования являются продукты коммуникативной деятельности, направленные на поиск работы или работника: тексты резюме и объявлений о вакансиях, отражающие особенности взаимодействия языков и культур в условиях глобализации. Предмет исследования – способы репрезентации гендера в объявлениях о работе и резюме в российском дискурсе трудоустройства. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что грамматический род существительного, именующего вакансию (а именно, преобладание мужского рода в названиях позиции в объявлениях о работе) не оказывает определяющего влияния на желание женщин-кандидатов откликнуться на вакансию. Более того, выявлена готовность женщин-соискателей рассматривать профессиональные отрасли, традиционно считавшиеся мужскими (информационные технологии, телеком и др.). При этом отмечена резистентность дискурса трудоустройства к влиянию глобального феминистского дискурса, проявляющегося в использовании так называемых феминитивов. Наряду с этим имеет место растущее влияние англоязычных образцов на коммуникативные конвенции российского дискурса трудоустройства (напр., тенденция к неформальному персонализированному стилю общения с кандидатом в объявлениях о работе и др.). Проведенный анализ показал, что желание кандидата откликнуться на вакансию определяется профессиональными навыками и гендерной спецификой той или иной отрасли. При этом работодатель может эксплицировать пол желаемого кандидата как визуально, так и при помощи текста. Отмечены случаи размывания гендерной специфики ряда услуг и профессиональных сфер, традиционно считавшихся женскими (домашний персонал, салоны красоты и др.).

**Ключевые слова:** дискурс трудоустройства, репрезентация гендера, гендерные стереотипы, глобальное и локальное

**Введение**

В связи с социально-экономическими трансформациями XX в. Россия стала участником новых глобальных дискурсов, одним из которых является дискурс

трудоустройства. С середины 1990-х годов в речевую практику россиян входят такие понятия, как рынок труда, управление человеческими ресурсами, рекрутинговое агентство, аутсорсинг и пр. При этом, благодаря развитию информационных технологий, первичное взаимодействие работодателя и соискателя происходит виртуально, посредством рекрутинговых платформ ([www.hh.ru](http://www.hh.ru), [www.rabota.ru](http://www.rabota.ru) и пр.), способных как размещать базы данных участников рынка труда, так и проводить первичный отбор кандидатов по формальным признакам. Основными документами, составляющими базы данных рекрутинговых порталов, являются резюме и объявления о работе.

В условиях высокой конкуренции на рынке труда выбор языковых средств при составлении названных документов является ключевым, поскольку способен помочь отобрать подходящего сотрудника уже на стадии рассмотрения резюме. Наряду с такими ключевыми параметрами, как опыт работы, профессиональные навыки и образование, работодатель также обращает внимание на возраст и пол соискателя. Вопросам гендерной стереотипизации в дискурсе трудоустройства посвящен ряд работ зарубежных авторов. В частности, высказывалось мнение, что наличие маскулинных названий профессий способно повлиять на желание женщин-соискателей откликнуться на вакансию [Gaucher, Friesen 2011: 109–128] и что отношение работодателя к кандидату подвержено изменениям в зависимости от использования кандидатом мужского или женского названия профессии [Hodel, Formanovich 2017: 384–401].

В российской гендерной лингвистике изучение гендера проводилось на материале различных дискурсивных практик: в паремиологии и СМИ [Кирилина 1999: 41–43, Лалетина 2007: 224–230], в научной коммуникации [Маслова 2005], в предвыборном дискурсе [Гриценко 2005; Гриценко 2008: 11–20] и рекламе [Витлицкая 2005; Гусейнова 1999: 67–78], в лексикографии [Колесникова 2001: 70–73; Сергеева 2007], музыкальном дискурсе [Дунашева 2012], на материале школьных учебников [Черных 2011: 138–141] и кинотекста [Бодрова 2009] и др. Вопросы репрезентации гендера в российском дискурсе трудоустройства до настоящего времени системно не изучались. При этом отмечается растущий интерес лингвистов к изменениям, происходящим в лексическом составе современного русского языка под влиянием глобального феминистского дискурса третьей волны, появившегося в конце XX столетия и продолжающегося по сей день [Гриценко, Сергеева 2020: 22–51; Осмонова 2018: 62–65]. Его основными идеями являются гендерная инклюзивность и равноправие женщин и мужчин. В этой связи в российском коммуникативном пространстве, преимущественно в медиа-дискурсе, появляются так называемые феминитивы – созданные под влиянием глобального феминистского дискурса неологизмы, обозначающие лиц женского пола по профессиональной принадлежности: «блогерка», «авторка», «докторка» и пр. Феминитивы – это существительные женского рода, образованные с помощью соответствующих аффиксов, обозначающие названия профессий, социальных статусов и т.д. и употребляющиеся в качестве коррелята словам мужского рода [Беркутова 2018: 7].

В условиях рыночной экономики и под влиянием англофонных дискурсивных практик в российском коммуникативном пространстве все чаще поднимается вопрос о дискриминации женщин на рабочем месте, выражающейся в диспропорции оплаты труда и т.п. [Айвазова 2006, 2007; Мосакова 2012, Навасардян 2019: 225–227]. При этом в научном дискурсе и медийном пространстве усиливается присутствие феминитивов



как средства манифестирования равенства прав и возможностей женщин и мужчин [Ладыгина 2017: 483–485; Диденко, Садченко 2018: 205–207; Скляр 2019: 43–44]. Ряд авторов, в частности, утверждают, что грамматический род существительных в объявлениях о работе способен снизить самооценку женщины-соискателя и заставить ее отказаться от отклика на вакансию [Анисимова 2021: 31–38]. Планируется проверить данный тезис на материале исследования.

### **Материал и методы исследования**

Материалом исследования послужили 4000 объявлений, отобранных с рекрутингового портала [www.hh.ru](http://www.hh.ru), что составило 0,4% от общего числа вакансий, размещённых на данном сайте в момент начала исследования (около 1 млн вакансий). В ходе исследования использовались методы контент-анализа и семантической интерпретации, а также квази-этнографические интервью и количественный анализ.

### **Анализ языкового материала**

Согласно теории социального конструирования гендер понимается как «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [Вильданова 2015: 50]. Важную роль в воспроизводстве знаний о гендере играют гендерные стереотипы – «один из видов социальных стереотипов, основанный на принятых в обществе представлениях о маскулинном и фемининном и их иерархии» [Воронина 1999: 48].

Статья 3 ТК РФ о запрещении дискриминации в сфере труда содержит следующее положение: «Каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, и пр.» [ТК РФ 2001]. С учетом этих законодательных положений в объявлениях о работе пол кандидата не указывается.

Наименования вакансий в данном типе текстов – это чаще всего слова мужского рода с метагендерной референцией (их доля в изученном массиве составляет более 90%): *курьер, водитель, продавец, кассир, администратор, охранник, строитель, инженер, юрист, директор, грузчик, кладовщик, секретарь, бухгалтер, официант, сварщик, врач* и проч. В описании вакансий могут также использоваться гендерно-нейтральные фразы, которые можно отнести к соискателям обоих полов: «*Хочешь продавать инновационный продукт, востребованный на растущем рынке онлайн-обучения..., ведя сложные переговоры?*», «*Эта вакансия для тебя, если: ты еще учишься или имеешь диплом, умеешь четко и грамотно излагать свои мысли...*», или «*Для тебя у нас есть: официальное трудоустройство, гарантированное обучение и развитие*», «*ты будешь поддерживать чистоту и порядок в служебных помещениях*» и проч. Клишированные конструкции подобного рода – следствие влияния англофонных дискурсивных практик, для которых характерен неформальный (персонализированный) стиль общения с потенциальным кандидатом на вакансию. Этот стиль, а также стремление к дегендеризации, связанное с отказом от бинарной концептуализации гендера, оказывает влияние на коммуникативные конвенции российской сферы услуг [Гриценко, Кузюткина 2019] и речевые практики дискурса трудоустройства.

Намеренная дегендеризация и уход от экспликации гендера прослеживается, например, в описании обязанностей сотрудников и требований к ним: «*Обеспечение*

жизнедеятельности офисных помещений», «взаимодействие с государственными органами», «анализ существующих бизнес процессов», «опыт работы от 3-х лет», «готовность к командировкам», «умение вести переговоры», «мы ищем активных людей», «Какие сотрудники нам нужны: любящие людей и общение, любознательные и стремящиеся к новым знаниям» и пр.

Анализ отобранного материала показал, что лишь около 2% объявлений содержат в качестве названия вакансии существительные женского рода. Практически все эти вакансии относятся к сферам, традиционно считающимися «женскими»:

Таблица №1

**Названия вакансий, содержащие слова женского рода**

название вакансии	кол-во объявлений в %
сестра (медицинская)	0,7%
уборщица	0,4%
горничная	0,2%
швея	0,1%
упаковщица	0,1%
акушерка	0,1%
няня	< 0,1%
фасовщица	< 0,1%
заведующая	< 0,1%
комплектовщица	< 0,1%
помощница	< 0,1%
сиделка	< 0,1%
управляющая	< 0,1%
работница	< 0,1%
гувернантка	< 0,1%
сотрудница	< 0,1%
стюардесса	< 0,1%

В отдельных случаях тексты объявлений могут имплицировать гендерно маркированную информацию о желаемом сотруднике. Примером может служить уточнение в объявлении о вакансии горничной: «при пятидневной рабочей неделе у женщины 36 рабочих часов». Косвенные указания на желаемый пол кандидата путем описания специфики работы присутствуют примерно в 0,3% объявлений (2661 от общего числа объявлений на портале). Данная информация может передаваться:

- путем указания на пол клиентов, с которыми предстоит работать кандидату, например: «За последние 2 года мы помогли более 6500 женщинам перейти на правильное питание», «Мы обучаем девушек и женщин растяжке, растяжке с подкачкой», «У нас представлена одежда для самых изысканных и стильных женщин из последних коллекций мировых брендов» и т.п.;
- путем указания на пол потенциального руководителя (в объявлении о вакансии «личный помощник руководителя» указывается пол руководителя – «женщина 30 лет» и т.п.;

- посредством описания сферы деятельности, в которой предстоит работать соискателю: «Философия нашей компании основывается на стремлении к инновациям и созданию современной классики для женщин всех возрастов», «Наша миссия – делать женщин красивыми и уверенными в себе в атмосфере заботы и уюта!», «Otherstories – это модный бренд, предлагающий женщинам широкий ассортимент обуви, сумок, аксессуаров, ювелирных изделий...», «... досмотр женщин», «Мы занимаемся омоложением и красотой девушек и женщин экологичным способом» и т.п.

Как следует из приведенных примеров, речь идет о продавцах-консультантах в магазинах/отделах женской одежды или товаров для женщин (косметика, питание), а также о специалистах, предоставляющих женщинам косметические услуги (эпиляция, маникюр, педикюр, коррекция бровей и проч.).

В некоторых случаях пол кандидата эксплицируется визуально. Примером является объявление розничной сети «Магнит» о вакансии «кладовщика-отборщика», в тексте которого пол сотрудника не указан, однако на двух фото, сопровождающих объявление, представлены мужчины (рис. 1, 2)



Рис. 1, 2. Пример экспликации желаемого пола кандидата в объявлениях о работе.

Материал исследования показал, что около 8% от общего количества объявлений содержат наименования профессий и в мужском, и в женском роде. Подобные объявления представлены в таких профессиональных отраслях, как рабочий персонал, домашний персонал, административный персонал, продажи, наука и образование, например: *заведующий / заведующая, гувернантка / гувернёр, массажист / массажистка, комплектовщик / комплектовщица, упаковщик / упаковщица, формовщик / формовщица, сборщик / сборщица, фасовщик / фасовщица, уборщица / уборщик, помощница / помощник, работник / работница, санитар / санитарка, медсестра / медбрат.*

Согласно аналитике портала [www.hh.ru](http://www.hh.ru), среди почти 4 млн. (3925533) резюме, размещенных соискателями на [www.stats.hh.ru](http://www.stats.hh.ru) в 2020 году, доля резюме женщин-соискателей составила 51%, а мужчин-соискателей – 49%. При этом из 28 отраслей деятельности, представленных на платформе [www.hh.ru](http://www.hh.ru), было выделено пять направлений, на которые резюме подавали преимущественно женщины: (см. Табл. 2).

Таблица №2

## Профессиональные отрасли с наибольшим количеством женских резюме

	Профессиональная отрасль	Кол-во резюме в %
1	Бухгалтерия, управленческий учет, финансы предприятия	87%
2	Управление персоналом, тренинги	81%
3	Наука и образование	78%
4	Административный персонал	75%
5	Спортивные клубы, фитнес, салоны красоты	74%

Следует отметить, что практически все названия вакансий в данных объявлениях – слова мужского рода с метагендерной референцией (см. Табл. 3).

Таблица №3

## Названия вакансий профессиональных отраслей с наибольшим количеством женских резюме

	Профессиональная отрасль	Названия вакансий
1	Бухгалтерия, управленческий учет, финансы предприятия. 42 841 (от общего числа объявлений)	Финансовый директор, бухгалтер, главный бухгалтер, заместитель главного бухгалтера, секретарь-администратор, бухгалтер-оператор, экономист-финансист, менеджер-координатор, специалист по документообороту, финансовый аналитик, делопроизводитель, бухгалтер-расчетчик, экономист и т.п.
2	Управление персоналом, тренинги. 24 589 (от общего числа объявлений)	Эксперт готового резюме, директор по персоналу, помощник руководителя, менеджер по персоналу, специалист по подбору персонала, рекрутер по подбору персонала, директор-стажер, специалист по обучению, HR-менеджер, сотрудник на заполнение документов, специалист HR, специалист по кадровому делопроизводству и пр.
3	Наука и образование. 14 660 (от общего числа объявлений)	Администратор-методист, инструктор по вождению, тренинг-менеджер, менеджер образовательных продуктов, стажер, ассистент, специалист по работе со студентами, наставник, учитель, логопед, заместитель директора, педагог-психолог, помощник воспитателя, вожатый, учитель, лингвист-переводчик, лингвист-аналитик, координатор учебного процесса, научный сотрудник, социальный работник, тьютор, библиотекарь, куратор, корректор текстов и пр.

4	Административный персонал. 74 033 (от общего числа объявлений)	Оператор call-центра, консультант, специалист, водитель-курьер, менеджер, бизнес-ассистент, заместитель начальника, секретарь, офис-менеджер, помощник руководителя, распорядитель офиса, секретарь-администратор, координатор, специалист, администратор офиса, кладовщик, консультант и т.п.
5	Спортивные клубы, фитнес, салоны красоты. 12 026 (от общего числа объявлений)	Менеджер, управляющий салоном красоты, педагог-тренер, администратор по работе с VIP-гостями, продавец-консультант, инструктор, врач-косметолог, парикмахер, мастер ногтевого сервиса/маникюра/педикюра, технолог/стилист, барбер, руководитель, косметолог, диспетчер, спортивный аналитик, бармен, мастер по лазерной эпиляции, ресепшенист, инструктор-методист, гид, визажист-бровист, мастер-лэшмейкер, хостес-администратор, флорист и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод, что грамматический род существительного в названии вакансии не оказывает определяющего влияния на отклик кандидата. Более важным оказываются профессиональные компетенции соискателя и гендерная специфика деятельности, т.е. представления соискателей о том, является ли та или иная профессия (род занятий) преимущественно мужскими или женскими.

Пять профессиональных отраслей, где в базе портала преобладают резюме, поданные соискателями-мужчинами, составили:

*Таблица №4*

**Профессиональные отрасли с наибольшим количеством мужских резюме**

	<b>Профессиональная отрасль</b>	<b>Мужчины</b>
1	Инсталляция и сервис	96%
2	Безопасность	93%
3	Автомобильный бизнес	91%
4	Рабочий персонал	90%
5	Добыча сырья	87%

Названия вакансий в вышеуказанных отраслях также представлены словами мужского рода.

Таблица №5

**Названия вакансий профессиональных отраслей с наибольшим количеством мужских резюме**

Профессиональная отрасль	Название вакансии
Инсталляция и сервис. 9161 (от общего числа объявлений)	Водитель-ремонтник, сборщик светодиодных экранов, макетчик, сервисный инженер, ученик мастера, инженер-монтажник, слесарь-монтажник, специалист технической поддержки, эксперт технической поддержки, монтажник бытовой техники, стажер, сервисный инженер, мастер-приемщик, инженер связи, автоэлектрик-диагност, менеджер ВЭД, дефектоскопист, сервис менеджер, заправщик кофе-машин, энергетик, техник, регулировщик РЭА и т.п.
Безопасность. 23941 (от общего числа объявлений)	Ревизор, полицейский, охранник, инспектор по досмотру, специалист отдела взыскания, контролер склада, руководитель службы безопасности, контролер-охранник, администратор охраны, инспектор ОЭБ, ревизор КРО, сотрудник личной охраны, руководитель службы внутреннего контроля, ночной сторож, дежурный бюро пропусков, сторож-охранник, инкассатор, администратор склада, вахтер-охранник, оперативный дежурный, стрелок, семейный водитель, фельдъегерь и т.п.
Автомобильный бизнес. 33289 (от общего числа объявлений)	Менеджер по продаже автомобилей, кредитно-страховой специалист, водитель-ремонтник, водитель категории В, специалист по технической поддержке клиентов, менеджер по продаже автозапчастей, водитель-курьер, кладовщик-сборщик, продавец-консультант, специалист по привлечению клиентов, механик, автомойщик, администратор автосалона, менеджер по оценке автомобилей с пробегом, водитель-слесарь, слесарь по ремонту тягачей, водитель-экспедитор, мастер-приемщик, механик на картинг, телефонный консультант/ассистент сервиса, аккумуляторщик, автомеханик, сборщик мототехники, автослесарь, техник-перегонщик и т.п.

Рабочий персонал. 109 763 (от общего числа объявлений)	Сборщик заказов, комплектовщик-упаковщик, сотрудник на производство, электромонтажник, оператор-станочник, стикеровщик на склад косметики, разнорабочий, электромонтажник, грузчик, вечерний уборщик служебных помещений, сборщик, рабочий на склад, вязальщик схемных жгутов, столяр, сборщик интернет-заказов, сварщик на полуавтомат, оператор производственной линии, руководитель склада, укладчик-упаковщик, грузчик-курьер, садовник/гринкипер, механик, электромонтер, монтажник ПВХ окон, приемщик сырья, раскройщик/закройщик и т.п.
Добыча сырья. 13374 (от общего числа объявлений)	Менеджер по работе с клиентами, Оператор ГРП, Машинист ППДУ/КМУ/Автокран, дефектоскопист, проходчик/горнорабочий очистного забоя, лаборант химического анализа, мастер участка захоронения твердых отходов, операционный директор, инженер ЭХЗ, маркшейдер, главный геолог, геолог, начальник смены ТЭЦ, ведущий инженер топливно-транспортного цеха, бурильщик, помощник бурильщика, горный диспетчер, инженер геодезист, электрогазосварщик на подземных работах, машинист самоходной буровой установки, директор по горным работам, тальман-пробоотборщик, геофизик-телеметрист

Несмотря на утверждения отдельных авторов, что мужской род существительных типа «айтишник» и «программист» демотивирует женщин связывать свое дальнейшее профессиональное развитие с отраслью цифровых технологий [Чебитько: 2020], аналитика рекрутингового портала [www.hh.ru](http://www.hh.ru) за 2020 год свидетельствует об обратном. Как показал анализ резюме, размещенных в разделе «Информационные технологии, интернет, телеком», в группе соискателей в возрасте от 26 до 35 лет почти 59% резюме принадлежали женщинам и только 49% – мужчинам, а в возрастной категории 20–25 лет количество резюме мужчин и женщин распределилось поровну.

В контексте общих изменений, связанных с концептуализацией гендера, следует отметить размывание гендерной специфики профессиональных сфер, традиционно считавшихся «женскими», и появление в дискурсе трудоустройства таких позиций, как *помощник по хозяйству, заведующий детским садом, домработник* и пр. Наряду с этим, отмечается увеличение спроса со стороны мужчин на услуги (напр., косметические процедуры), ранее оказываемые преимущественно женщинам. Так, в объявлениях о вакансии мастера маникюра и эпиляции требования к кандидату описываются следующим образом: «*Навыки работы с женщинами и мужчинами*», «*Создавать гладкие тела как у женщин, так и мужчин*», «*Проведение процедур эпиляции как женщинам, так и мужчинам*» и т.п.

Данные тенденции можно объяснить социальными изменениями и влиянием глобальных дискурсивных практик, в частности, новых форм гендерной политкорректности, предполагающих уход от гетеронормативности. При этом российский дискурс трудоустройства остается резистентным к проникновению глобального феминистского дискурса в форме феминитивов. Анализ материала

выборки не выявил ни одного случая использования феминитивов. В интервью представители нижегородских кадровых агентств высказали мнение, что использование феминитивов в резюме и объявлениях о работе рассматривается как неуместное и будет воспринято негативно, поскольку не соответствует правилам общения в деловой среде.

Таким образом, динамика репрезентации гендера в российском дискурсе трудоустройства отражает характерную для глобального гендерного дискурса тенденцию к инклюзивности и дегендеризации, с одной стороны, и невосприимчивость к влиянию западного феминистского дискурса в форме лексических инноваций (феминитивов), – с другой.

### **Выводы**

Грамматический род существительных, обозначающих профессию в объявлении о работе, не оказывает определяющего влияния на желание соискателей откликнуться на вакансию, о чем свидетельствует значительное количество женских резюме (51%), поданных на вакансии в различных профессиональных отраслях, при том что слова женского рода в названии позиции в выборке составили всего 2%. Очевидно, отклик кандидата определяется профессиональными навыками и гендерной спецификой той или иной профессиональной отрасли. При этом работодатель может эксплицировать пол сотрудника визуально или в текстовом формате (путем размещения фотографий или включения в текст объявления описания особенностей профессиональной деятельности будущего сотрудника).

Проведенное исследование выявило тенденцию к размыванию гендерной специфики ряда профессиональных сфер, традиционно считавшихся женскими/ мужскими. Это проявляется в значительном количестве женских резюме в таких отраслях, как информационные технологии и телеком и в растущем спросе на сотрудников мужского пола в качестве помощников по хозяйству, заведующих детским садом и проч. Влияние глобальных дискурсивных норм прослеживается в растущем использовании персонализированного, неформального стиля коммуникации при обращении к соискателю в объявлениях о работе.

Тенденция к дегендеризации и гендерной инклюзивности в российском дискурсе трудоустройства обусловлена влиянием глобальных коммуникативных практик. При этом отсутствие феминитивов в материалах рекрутинговых порталов позволяет говорить о резистентности российского дискурса трудоустройства к влиянию глобального феминистского дискурса.

© Аликина А.В., 2021

### **Литература**

*Айвазова С.Г.* Основные методики распознавания и оценки дискриминации женщин на рынке труда [электронный ресурс]. 2007. URL: <https://wcons.net/assets/files/book-2007.pdf> (дата обращения: 03.06.2021).

*Анисимова С.А.* Проблема дискриминации женщин при трудоустройстве в России. Сборник трудов конференции Международной научно-практической конференции. Пенза. Изд-во «Наука и просвещение», 2021. С. 31–38.



*Беркутова В.В.* Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2018. №11(43). С. 6–22.

*Бодрова А.А.* Конструирование гендера в кинотексте: дисс...канд. филол. наук:10.02.04 / А.А. Бодрова. Нижний Новгород, 2009. 158 с.

*Вильданова Г.А.* Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект. Монография. Москва / Берлин; Директ-Медиа. 2015. 162 с.

*Витлицкая Е.В.* Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Витлицкая. Тамбов, 2005.144 с.

*Воронина О.А.* Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ. 1999. Знамя №2. С. 47–60.

*Гриценко Е.С.* Язык как средство репрезентации гендера: дисс...доктора филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Гриценко. Тамбов. 2005. 405 с.

*Гриценко Е.С.* Лингвистические средства позиционирования идей и субъектов в предвыборном дискурсе (гендерный аспект). Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2008. №3. С. 11–20.

*Гриценко Е.С., Кузюткина М.В.* Глобальные коммуникативные нормы в российской сфере услуг: особенности восприятия. Вопросы психолингвистики. 2019. №1(39). С. 82–101.

*Гриценко Е.С., Сергеева М.В.* Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в британской толковой лексикографии. Вопросы лексикографии. 2020. №18. С. 22–51.

*Гусейнова И.А.* Технологии элиминирования гендерного фактора в дескриптивных рекламных текстах (на материале журнальной прессы России и ФРГ). Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сборник научных трудов МГЛУ. М.: Изд-во МГЛУ, 1999. № 446.С. 67–78.

*Диденко А.С., Садченко В.Т.* Феминитивы в современном русском языке. Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12(29). С. 205–207.

*Дуняшева Л.Г.* Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе (на материале жанров блюз и рэп): дисс... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.Г. Дуняшева. Нижний Новгород. 2012. 234 с.

*Кирилина А.В.* Русские пословицы и поговорки: не только андроцентризм. Вестник ТГУ. 1999. № 3. С. 41–43.

*Колесникова М.С.* Лингвокультурологическая проблематика гендерных исследований в лексикографии. Тезисы докладов Второй Международной конференции «Гендер: Язык, культура, коммуникация». 2001. С. 70–73.

*Ладыгина В.И.* Кому без феминитивов жить хорошо? Современные научные исследования и разработки. 2017. № 7(15). С. 483–485.

*Лалетина А.О.* Метафора в концептуализации мужественности (на материале англоязычных журналов об образе жизни). Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. №2(2). С. 224–230.

*Маслова Л.Н.* Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Н. Маслова. Москва. 2007. 192 с.

*Мосакова Е.А.* Дискриминация женщин при найме на работу (социологический анализ). Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2012. №1(141). С. 388–396.

*Навасардян М.А., Гысина Н.А., Войкина Е.А.* Гендерная дискриминация на рынке труда в России: проблемы и тенденции. Современные проблемы экономики и менеджмента. 2019. С. 225–227.

*Осмонова Д.А.* Анализ феминистической концепции как условие возникновения изучения гендерных отношений. Colloquium Journal. 2018. №7(18). С. 62–65.

*Сергеева М.В.* Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии: дисс...канд. филол. наук: 10.02.04 / М.В. Сергеева. Нижний Новгород. 2007. 182 с.

*Скляр Е.С.* Роль феминитивов в русском языке. Региональный вестник. 2019. №11(26). С. 43–44.

Трудовой Кодекс Российской Федерации. Статья 3 [электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12125268/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/> (дата обращения: 08.07.2021).

*Чебитько В.В.* Великие и ужасные феминитивы: зачем они все-таки нужны [электронный ресурс]. 2020. URL: <https://burninghut.ru/zachem-nuzhny-feminitivy/> (дата обращения 01.07.2021).

*Черных О.Ю.* Семиотические способы нейтрализации гендера в учебниках для первого класса. Вопросы психолингвистики. 2011. №14. С. 138–141.

*Gaucher D., Friesen J.P.* Evidence That Gendered Wording in Job Advertisements Exists and Sustains Gender Inequality: Journal of Personality and Social Psychology. The University of Winnipeg. 2011. 101(1). P. 109–128.

*Hodel L., Formanovich M., Sczesny S.* Gender-Fair Language in Job Advertisements: A Cross-Linguistic and Cross-Cultural Analysis. University of Bern. 2017, Issue: 3. P. 384–401.

### **История статьи:**

Дата поступления в редакцию: 19.06.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

### **Сведения об авторе:**

Аликина Анастасия Владимировна – преподаватель английского языка НИУ ВШЭ  
Нижний Новгород

*Контактная информация:*

603095, г. Нижний Новгород, ул. Львовская 1В, каб. 106

ORCID: 0000-0003-2395-1688

*e-mail:* [alikina.ru@gmail.com](mailto:alikina.ru@gmail.com)

### **Для цитирования:**

Аликина А.В. Репрезентация гендера в российском дискурсе трудоустройства (на материале объявлений о работе и резюме) // Вопросы психолингвистики №3(49) 2021, С. 30–45, doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-30-45

UDC 81.27

LBC III100.62

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-30-45

Research article

## GENDER REPRESENTATION IN THE RUSSIAN RECRUITMENT DISCOURSE (in job advertisements and CVs)

Anastasia V. Alikina

National Research University Higher School of Economics,  
Nizhny Novgorod, Russia

### *Abstract*

The article describes gender representation peculiarities in the Russian discourse of employment, revealing the role of gender stereotypes in responding to a job advertisement and the ways employers inform candidates about the gender of the employee desired. We used the methods of content analysis and semantic interpretation, as well as ethnographic and quantitative methods. The corpus for analysis includes job advertisements and resumes that reflect the peculiarities of the interaction of languages and cultures in the context of globalization. The subject of the current research is gender representation ways in job advertisements and resumes in the Russian employment discourse.

The results show that masculine gender predominance in the position names in job advertisements does not influence female candidates' desire to apply for a job. Moreover, the research suggests that female candidates tend to apply for the professional spheres that were conventionally regarded as those of males, i.e., IT or telecom. At the same time, the resistance of Russian employment discourse to the global feminist one was reviled, as no so-called feminitives have been found in its corpus. The study demonstrates the growing influence of English-based patterns on Russian employment discourse conventions, expressed by informal, personalized, and individual-focused interaction with a candidate in job advertisements. The findings also indicate that professional skills and gender specificity of a professional sphere influence the desire of a candidate to apply for a job rather than a masculine gender in the vacancy name. Moreover, to implicit the gender of a candidate, employers can use either visual or text opportunities of a job advertisement. Besides, some cases of gender specificity blurring have been detected in the professional spheres that were conventionally considered as the ones for females (domestic staff or beauty sphere) where male candidates now tend to be of demand.

**Key words:** discourse of employment, gender representation, gender stereotypes, global and local

### References

Aivazova, S.G. (2007) *Osnovnye metodiki raspoznavaniya i otsenki diskriminatsii zhenshchin na rynke truda* [Basic methods of recognizing and assessing discrimination against women in the labour market]. Available from: <https://wcons.net/assets/files/book-2007.pdf>. [Accessed 3d of July 2021] (in Russian).

Anisimova, S.A. (2021) *Problema diskriminatsii zhenshchin pri trudoustroistve v Rossii* [The problem of discrimination against women in employment in Russia]. Penza. Nauka i Prosvetshenie publ., pp. 31–38 (in Russian).

Berkutova, V.V. (2018) *Feminativy v russkom yazyke: istoricheski aspekt* [Feminatives in Russian: historical aspect]. *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*. 11(43), 6–22 (in Russian).

Bodrova, A.A. (2009) *Konstruirovaniye gendera v kinotekste* [Gender construction in films]: dissertation for the degree of candidate of philological science: 10.02.04. Nizhny Novgorod. (in Russian).

Chebit'ko, V.V. (2020) *Velikie i uzhasnye feminativy: zachem oni vse-taki nuzhny* [The great and terrible feminatives: why they are still needed]. Available from: <https://burninghut.ru/zachem-nuzhny-feminativy/> [Accessed 1st of July 2021] (in Russian).

Chernykh, O.Yu. (2011) *Semioticheskie sposoby neutralizatsii gendera v uchebnikakh dlya 1-go klassa* [Semiotic means of gender neutralization in the textbooks for the 1<sup>st</sup> form]. *Journal of psycholinguistics*. 2(14), 138–141 (in Russian).

Didenko, A.S., Sadchenko, V.T. (2018) *Feminativy v sovremennom russkom yazyke* [Feminatives in the modern Russian language]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 12(29), 205–207 (in Russian).

Dunyasheva, L.G. (2012) *Lingvokul'turnye osobennosti konstruirovaniya gendera v afroamerikanskom pesennom diskurse (na materiale zhanrov blyuz i REP)* [Lingua-cultural peculiarities of gender construction in Afro-American musical discourse (in blues and rep)]: dissertation for the degree of candidate of philological science: 10.02.04. Nizhny Novgorod. (in Russian).

Gaucher D., Friesen J.P. (2011) Evidence That Gendered Wording in Job Advertisements Exists and Sustains Gender Inequality. *Journal of Personality and Social Psychology* 101(1). University of Winnipeg, 109–128.

Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo reprezentatsii gendera*. [Language as a means of representing gender]: dissertation for the degree of doctor of philological science: 10.02.19. Tambov. (in Russian).

Gritsenko, E.S. (2008) *Lingvisticheskie sredstva pozitsionirovaniya idei i sub"ektiv v predvybornom diskurse (gendernyi aspekt)* [Linguistic resources of idea positioning and subject positioning in the electoral discourse (gender aspect)]. *Vestnik NGLU im. N.A. Dobrolyubova*. (3), 11–20 (in Russian).

Gritsenko, E.S., Kuzyutkina M.V. (2019) *Global'nye kommunikativnye normy v rossiiskoi sfere uslug: osobennosti vospriyatiya* [Global communication norms in the Russian service sector: peculiarities of perception]. *Journal of Psycholinguistics*. 1(39), 82–101 (in Russian).

Gritsenko, E.S. Sergeeva M.V. (2020) *Sovremennye tendentsii v kontseptualizatsii gendera i ikh otrazhenie v britanskoi tolkovoi leksikografii* [Current trends in gender conceptualization and their reflection in English Learner's dictionary]. *Russian Journal of Lexicography*. 18, 22–51 (in Russian).

Guseinova, I.A. (1999) *Tekhnologii ehliminirovaniya gendernogo faktora v deskriptivnykh reklamnykh tekstakh (na materiale zhurnal'noi pressy Rossii i FRG)* [Gender factor elimination technologies in descriptive advertising texts (journal press of Russia and FRG)]. *MGLU collection of scientific articles*. 446. Moscow, MGLU publ., pp. 67–78 (in Russian).

Hodel, L., Formanovich, M., Sczesny, S. (2017) Gender-Fair Language in Job Advertisements. *A Cross-Linguistic and Cross-Cultural Analysis issue*. 3, University of Bern. 384–401.

Kirilina, A.V. (1999) *Russkie posloviцы i pogovorki: ne tol'ko androtsentrizm* [Russian proverbs and sayings: not only androcentrism]. *Vestrik TGU*. 3, 41–43 (in Russian).

Kolesnikova, M.S. (2001) *Lingvokul'turologicheskaya problematika gendernykh issledovaniy v leksikografii* [Lingua-cultural problems of gender studies in lexicography]. Articles of the second international conference: Gender: language, culture, communication, pp. 70–73 (in Russian).

Ladygina, V.I. (2017) *Komu bez feminitivov zhit' khorosho?* [Who can live well without feminines?] *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 7(15). 483–485 (in Russian).

Laletina, A.O. (2007) *Metafora v kontseptualizatsii muzhestvennosti (na materiale angloyazychnykh zhurnalov ob obraze zhizni)* [Metaphor in the conceptualization of masculinity (in Russian-language lifestyle magazines)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2(2), 224–230 (in Russian).

Mosakova, E.A. (2012) *Diskriminatsiya zhenshchin pri naime na rabotu (sotsiologicheskii analiz)* [Discrimination against women in hiring (sociological analysis)]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii*. 1(141). 388–396 (in Russian).

Maslova, L.N. (2007) *Vyrazhenie soglasiya/nesoglasiya v ustnoi nauchnoi kommunikatsii (gendernyi aspekt)* [Expression of agreement/disagreement in oral; scientific communication (gender aspect)]: dissertation for the degree of candidate of philological science: 10.02.19. Moscow. (in Russian).

Navasardyan, M.A., Gysina, N.A., Voikina, E.A. (2019) *Gendernaya diskriminatsiya na rynke truda v Rossii: problemy i tendentsii*. [Gender discrimination in the labour market in Russia: problems and trends] *Sovremennye problemy ehkonomiki i menedzhmenta*, 225–227 (in Russian).

Osmonova, D.A. (2018) *Analiz feministicheskoi kontseptsii kak uslovie vozniknoveniya izucheniya gendernykh otnoshenii* [Analysis of the feminist concept as the condition of the initiation of studying gender relations]. *Colloquium journal*. 7(18), 62–65 (in Russian).

Sergeeva, M.V. (2007) *Dinamika gendernykh reprezentatsii v britanskoi tolkovoi leksikografii* [Gender representation dynamics in British Learner's dictionaries]: dissertation for the degree of candidate of philological science: 10.02.04. Nizhny Novgorod. (in Russian).

Sklyar, E.S. (2019) *Rol' feminitivov v russkom yazyke* [The role of feminines in the Russian language]. *Regional'ni Vestnik*. 11(26), 43–44 (in Russian).

Trudovoi Kodeks Rossiiskoi Federatsii. Stat'ya 3 [The Labour Code of Russian Federation. Clause 3]. Available from: <http://base.garant.ru/12125268/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/> [Accessed 8th of July 2021] (in Russian).

Vil'danova, G.A. (2015) *Ehyfemiya i printsip vezhливости v sovremennom angliiskom yazyke: gendernyi aspekt* [Euphemism and the principle of politeness in modern English: the gender aspect]. Moscow/Berlin. Direct Media publ. P. 162 (in Russian).

Vitlitskaya, E.V. (2005) *Lingvisticheskaya reprezentatsiya gendernykh stereotipov v reklame* [Linguistic representation of gender stereotypes in advertising]: dissertation for the degree of candidate of philological science: 10.02.19. Tambov. (in Russian).

Voronina, O.A. (1999) *Svoboda slova i stereotipnyi obraz zhenshchiny v SMI* [Freedom of speech and the stereotypical image of women in media]. Available from: <https://znamlit.ru/publication.php?id=706> [Accessed 27th of June 2021] (in Russian).

**Article history:**

Received: 19.06.2021

Accepted: 20.09.2021

**Bionotes:**

**Anastasia V. Alikina** – Lecturer at the faculty of Management and Business, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod.

**Contact information:**

603095, Nizhny Novgorod, 1V L'vovskaya str.

ORCID: 0000-0003-2395-1688

*e-mail:* alikina.ru@gmail.com

**For citation:**

Alikina, A.V. (2021) Gender representation in the Russian recruitment discourse (in job advertisements and CVs). *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp. 30-45. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-30-45 (in Russian)

УДК 159.9.072.422

ББК 88.4

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-46-59

Научная статья

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА  
В СОЧИНЕНИЯХ ШКОЛЬНИКОВ-ПОДРОСТКОВ:  
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ  
(на материале русского языка как родного)**

**Божович Елена Дмитриевна**

Психологический институт Российской академии образования,  
Москва, Россия

***Аннотация***

В статье анализируются условия и факторы использования учениками V, VII, VIII классов эмоционально-экспрессивных средств языка в письменной речи. На основе эмпирических материалов зафиксированы типы и количество этих средств в сочинениях школьников на заданную тему. Выявлены условия обучения и психологические факторы, влияющие на возрастные и индивидуальные различия в данном аспекте стилистического оформления текста сочинений школьниками-подростками. Установлено, что они используют широкий круг средств выразительности текста, но различия в их выборе и количестве в текстах письменных работ зависит от трех факторов: организационных условий обучения в школе, этапа подросткового периода детства и гендерной принадлежности испытуемых. Выяснено, что наиболее влиятельным из условий организации образовательного процесса оказывается совместное / раздельное обучение мальчиков и девочек. Наиболее ясно действие этого фактора проявляется в возрасте 13 – 14 лет (VIII класс). До этого периода тенденция к гендерным различиям в эмоциональности письменной речи подростков не обнаруживается. Анализ влияния некоторых личностных и когнитивных особенностей школьников на применение этих средств в письменной речи подростков позволил обнаружить статистическую связь между развитием воображения у подростков и эмоциональной окрашенностью текстов их сочинений. Эмоциональность как личностное и/или характерологическое качество фактически не определяет использование эмоционально-экспрессивных средств языка<sup>1</sup>.

***Ключевые слова:*** эмоционально-экспрессивные средства языка, письменная речь, подросток, гендерная принадлежность, индивидуально-психологические особенности, обучение

**Введение**

В процессе речевой деятельности носитель языка, как правило, имеет потребность не только сообщить что-то, но и выразить свое отношение к предмету сообщения. Известно, что практически во всех языковых системах есть пласт специальных стилистических средств, придающих выразительность речи (как устной, так и письменной). Эти средства в разных лингвистических трудах называют «изобразительно-выразительными», или

---

<sup>1</sup> В исследовании принимала участие выпускница МГППУ Ерохина Софья Александровна.

«экспрессивно-эмоционально-оценочными», или «эмоционально-экспрессивными»<sup>2</sup>. Все они входят в родовое понятие, обозначаемое термином «тропы».

В ходе изучения родного языка в школе учителя, решая задачу развития речи, постоянно требуют от детей не только грамотного построения высказывания, но и использования выразительных средств языка. Методические разработки обучения построению текстов сочинений и их стилистического оформления представлены в российском образовании достаточно широко [Система обучения... 1973; Лосева 1980; Солганик 2009 и мн. др.]. В процессе экспериментального обучения установлено, что знания об этом пласте лексики и фразеологии успешно усваиваются детьми, если включаются в более широкую систему анализа языкового знака – «форма – значение – функция» [Маркова 1974]. В традиционных же школьных программах раздел «Стилистика» ограничен краткими сведениями о функциональных стилях языка, а сами эмоционально-экспрессивные средства затрагиваются «по касательной» в курсе литературы.

Таким образом, овладение ребенком знаниями этих средств осуществляется в основном спонтанно в рамках повседневного речевого опыта и чтения. Однако понимание, а также употребление в речи любых тропов и лингвистическое знание о них строго не связаны; человек может не знать или не отдавать себе отчета в том, что в речи его собеседника или собственных высказываниях употребляются тропы и тем не менее понимать их значение [Алмаев 1997]. Поэтому метафора (в частности, целостный метафорический текст) может быть успешно использован в целях психодиагностики личностных особенностей подростков [Гинзбург 1997].

Наши предыдущие исследования показали, что языковая компетенция школьника в условиях традиционного обучения развивается неравномерно по отношению к разным подсистемам языка и наиболее «проблемными» из них с точки зрения обучения являются разделы фразеологии и стилистики [Божович 2016]. Однако низкий уровень стилистической компетентности был установлен при решении испытуемыми задач на готовом (заданном) языковом материале. Необходимы специальные исследования стилистического оформления школьниками собственных текстов.

### **Проблема исследования**

Основной вопрос настоящего исследования состоит в следующем: чем определяется стилистическое своеобразие сочинений, написанных подростками?

Мы ограничили материал данного исследования эмоционально-экспрессивными средствами языка в сочинениях школьников, хотя это лишь один аспект стилистики.

### **Гипотеза исследования**

Предполагалось, что в качестве важных факторов использования эмоционально-экспрессивных средств в сочинениях подростков могут выступать: а) их возраст; б) гендерная принадлежность; в) условия обучения; г) тема и семантика создаваемого учеником текста; д) особенности эмоциональной сферы и процессов образного отражения действительности.

Эта гипотеза основана на том, что выбор формы выражения мысли может определяться не только уровнем развития языковой компетенции, но и рядом возрастных и индивидуально-личностных особенностей носителя языка, что подтверждается массой дневниковых, эпистолярных и других материалов.

---

<sup>2</sup> Не касаемся сейчас того факта, что свойства выразительности может приобретать в контексте и слово нейтрального лексического пласта.



**Задачи исследования:**

- 1) выявить виды и количество используемых школьниками-подростками тропов в текстах сочинений;
- 2) выяснить, влияют ли факторы, предположительно обозначенные в нашей гипотезе, на различия в использовании этих средств языка при порождении подростками собственного текста.

**Исходные позиции исследования**

Напомним, что любой языковой знак выполняет ряд семантических функций:

- несет конвенциональное значение и в силу этого доступен пониманию носителя языка независимо от контекста и ситуации общения;
- *выражает значение, которое может варьировать в зависимости от* контекста высказывания, ситуации общения; адекватное понимание его на этом уровне тесно связано с опытом, мировоззрением, эрудицией субъекта, а следовательно, может различаться у разных категорий носителей языка;
- *может передавать субъективный смысл* – отношение говорящего и/или пишущего к предмету сообщения, что связано с индивидуальными личностными и/или характерологическими особенностями говорящего, пишущего.

Именно последняя функция осуществляется в значительной мере посредством тропов; они позволяют носителю языка выразить личностный смысл предельно лаконично и ярко, не прибегая к пространным формулировкам. Специфике тропов, в частности метафор, посвящено большое количество исследований [Телия 1996; Лакофф, Джонсон 2004; Black 1962; Серль 1990; Metaphor and thought... 1993; Tendahl 2009 и мн. др.]. Лингвистам это явление интересно как языковая реальность, тесно связанная с проблемами речеведения и эмоциональной сферы человека [Эмоциональная сфера... 2019].

В русле детской и педагогической психологии важно понять, какое место занимают тропы в языковой компетенции ребенка и в какой мере связаны с его когнитивной и эмоциональной сферами. Известно, что разные типы тропов и их семантика становятся достоянием ребенка довольно рано, до обучения, в ходе накопления речевого опыта. Но пока немного известно об их месте и степени распространенности в письменной речи школьников.

Языковая компетенция в общем и выразительные аспекты речи, в частности, не могут развиваться в отрыве от других высших психических функций. Поскольку тропы обычно несут в себе образный компонент, можно полагать, что овладение этой сферой языка и оперирование ею должно быть связано с образным отражением действительности, в частности, воображением. Мы обратились к этой функции, исходя из тезиса Н.И. Жинкина о том, что замысел еще не оформившегося и/или не завершенного высказывания представлен сознанию во внутренней речи как целая система кодов, среди которых есть и образно-вербальный код [Жинкин 1964; Жинкин 1982]. В этом коде соединяются наглядные представления, элементы интонации, отдельные слова и т.д. Предмет высказывания и его словесное обозначение не воспринимаются и не актуализуются в памяти изолированно от его существенных признаков, связей, отношений. Поэтому развернутость, детализированность, отчетливость и возможная яркость образа предмета могут влиять на выбор эмоционально-экспрессивных средств языка в письменной речи.

Поскольку практически все тропы имеют выраженную эмоциональную окрашенность, их использование в письменной речи школьников-подростков приобретает особый интерес, так как повышенная, даже обостренная эмоциональность является одной из основных черт этого возраста. В целом эмоциональная сфера человека изучалась в психологии очень основательно, начиная от исследований Ч. Дарвина, У. Джемса, Г. Ланге до более поздних работ крупных ученых XX в., таких как Л.С. Выготского, П.В. Симонова, П.М. Якобсона, Я. Рейковского, W.B. Cannon и мн. др. Однако эмоциональный аспект речевого поведения подростков и молодежи представлен в научной литературе довольно скупо; в основном отмечаются манера речи – ее интонационные характеристики, скорость, отрывочность / размеренность [см., например, Кон 1975], а из словесных знаков – междометия. Одновременно фиксируется масса невербальных знаков, сопровождающих речь – мимики, жестов, действий.

Вместе с тем, особую остроту в последние годы приобрел вопрос о распространенности в речи подростков и молодежи элементов, понижающих ее культуру: сленга, жаргонизмов, слов-паразитов и т.п. [Никитина 1998; Дупляткина 2018 и др.]. Причем классификацией и толкованием слов этого пласта сейчас занимаются не только исследователи речи, но и учителя, воспитатели, даже сами школьники в рамках ученических проектов, связывая их использование с эмоциональной сферой носителя языка. Но действительно ли эта лексика несет в себе эмоциональный заряд? Полагаем, что ее использование лишь косвенно обусловлено этапом эмоционального развития через потребность этой возрастной когорты следовать моде и противопоставить себя общепринятым культурным нормам.

Исследований же, направленных на изучение психологических факторов и педагогических условий использования школьниками общепринятых изобразительных средств языка, пока немного. Одно из современных и, на наш взгляд, интересных исследований проведено П.И. Ильиной [Ильина 2018] в контексте более широкой тематики – развития литературного творчества подростков. Эмпирическая часть указанной работы построена на материалах журнала «Костер», в котором публикуются тексты не только классиков детской литературы, но и произведения самих подростков. Однако заметим, что выбор публикаций в этом журнале, как и в любом периодическом издании, определяется редколлегией, поэтому селективность выборки в нем неизбежна. Кроме того, детское литературное творчество отнюдь не прямо связано с учебной деятельностью. Поэтому важно проанализировать использование эмоционально-экспрессивных средств языка подростками в обычных сочинениях по заданной учителем теме.

В ходе нашего исследования учитывалось, что подростковый возраст является периодом пубертатного развития, которое касается не только физиологических изменений. Еще в 1931 году Ш. Бюлер отделила психологическую реальность пубертата от его физиологических процессов [в сокращенном изложении см.: Бюлер 2008]. Сейчас это положение стало общепринятым. Ценность ее исследования состоит в том, что она психологически описала несколько фаз развития пубертата: «прелюдию», негативную, затем позитивную фазы, которые могут по-разному протекать у мальчиков и девочек. С этой стороны развития подростков связано наше предположение о том, что в использовании ими эмоционально-экспрессивных средств языка могут быть обнаружены гендерные различия.

Заметим, что исследований, посвященных различиям речевого поведения мужчин и женщин, сейчас довольно много. Работ же, направленных на выявление гендерных различий в речи детей и подростков, гораздо меньше, и в основном в них фиксируется количество определенных частей речи и их форм в высказываниях девочек и мальчиков. Эмоционально-экспрессивные средства языка в этом контексте затрагиваются лишь косвенно.

### **Контингент испытуемых**

В исследовании участвовали школьники V, VII и VIII классов двух учебных заведений: 1) экспериментальной московской школы с отдельным обучением девочек и мальчиков, но это разделение действует только на уроках, во внеурочное время дети свободно общаются; 2) сельской гимназии с совместным обучением девочек и мальчиков (поселок Внуково). Общий состав испытуемых – 163 человека (78 мальчиков и 85 девочек). В обеих школах обучение ведется по базовым государственным программам. Во всех классах, где проводились эксперименты, работают квалифицированные, опытные учителя русского языка и литературы.

### **Методы исследования**

В ходе эмпирической части исследования использовались две методики: 1) анализ продуктов деятельности (в данном случае – сочинений школьников); 2) интроспективный метод – опрос.

Первая методика: во всех классах, участвовавших в эксперименте, было задано сочинение на тему «О чем я мечтаю?». Причем в школе с отдельным обучением давалась дополнительная инструкция: «Напишите так, чтобы читатель не просто узнал, о чем вы мечтаете, но и понял бы вас эмоционально, почувствовал ваши переживания». Подобные педагогические приемы довольно часто применяются в традиционном обучении. В школе с совместным обучением дополнительной инструкции не было.

Таким образом, были введены две переменные: отдельное/совместное обучение и наличие/отсутствие косвенной стимуляции к использованию эмоционально насыщенной лексики.

При количественной обработке материала подсчитывался процент тропов по отношению к общему объему сочинения (числу слов в тексте). При обработке данных определялся усредненный объем текстов, что не влияло на количественный анализ полученных данных, поскольку на каждом году обучения общее число слов в сочинениях детей различалось незначительно.

Вторая методика: индивидуально-личностные качества испытуемых выявлялись с помощью специального опросника [Кадыров 1990]. Этот опросник в целом содержит шесть шкал. Для целей нашего исследования были использованы шкалы «Эмоциональность» и «Воображение».

Сопоставление данных, полученных по двум методикам, осуществлялось посредством их рангового анализа.

### **Результаты исследования и их обсуждение**

Начнем с результатов, полученных по первой методике.

Объем собранных сочинений от года к году обучения возрастает (среднее количество слов в сочинениях пятиклассников составляет 114, семиклассников – 141, восьмиклассников – 186). Индивидуальный анализ сочинений показал, что диапазон разброса процентных показателей использования тропов по отношению к общему объему текста значителен: в V классах 10–58 %, в VII – 3–46%, в VIII – 18–62%.

Причем выяснилось, что дополнительная инструкция, данная в одной из школ, оказала влияние на общую семантику текстов (условно говоря – семантическую тональность). В обеих школах выделились две их категории: сочинения – описания мечты, лиричные, эмоциональные, и сочинения – рациональные описания жизненной программы, в которых те или иные будущие достижения автора являются его мечтой. В школе с отдельным обучением мальчиков и девочек сочинения первой категории составляют 75,5 %, второй – 24,5 %. В школе с совместным обучением мальчиков и девочек первую категорию сочинений составляют 62,5%, вторую – 37,5.

Но инструкция практически не повлияла на распределение лексической экспрессивности сочинений. Среди тех и других работ есть лексически эмоционально насыщенные и эмоционально бедные. Соотношение этих средств в текстах двух категорий по совокупности и с учетом некоторых колебаний по классам  $\approx 26\text{--}45\%$  (сочинения – описание мечты) к  $\approx 23\text{--}37\%$  (сочинения – описание жизненной программы) независимо от школы, а следовательно, и от дополнительной инструкции. Различия количественного распределения эмоционально-экспрессивных средств в работах этих двух категорий статистически незначимы. Значит, можно задать общую тему сочинения и дать дополнительные указания к ее раскрытию, но невозможно навязать языковую форму выражения семантики текста.

Эти данные относятся к общей совокупности эмоционально-экспрессивных средств языка в ученических сочинениях. Дальнейший дифференцированный анализ собранного материала (по классам и типам тропов) показал, что в этой совокупности разные тропы обладают разной частотностью в текстах сочинений.

Выяснилось, что школьники используют почти все эти средства языка, за исключением параллелизма, иронии, литоты; а наибольшей частотностью в сочинениях характеризуются всего четыре их типа: метафора, эпитет, олицетворение, умолчание. Остальные тропы употребляются в текстах испытуемых крайне редко (только в некоторых работах) и составляют не более 1–1,2 % от усредненного объема сочинений (см таблицу 1).

*Таблица №1*

**Распределение эмоционально-экспрессивных средств языка в сочинениях подростков, в %**

Классы и кол-во исп-мых	Усредненный объем текстов (кол-во слов)	Эмоционально-экспрессивные средства языка			
		Метафоры	Эпитеты	Олицетворения	Умолчания
V (56)	114	25,4	57	7,9	11,4
VII (54)	141	28,4	42,6	2,8	10,6
VIII (53)	186	34,9	57,8	18,8	23,1

Тот факт, что метафоры и эпитеты в текстах сочинений школьников занимают доминирующее положение среди других выразительных средств языка, неудивительно: во-первых, они достаточно широко используются в речевой среде любого ребенка; во-вторых, они изучаются (хотя и очень ограниченно) в разделе «Лексика» по школьной программе. Иначе говоря, их использование обусловлено и спонтанно накапливаемым детьми речевым опытом, и знанием об этих лексических пластах. Олицетворения

знакомы детям по басням; незначительный процент этих средств в сочинениях обусловлен их спецификой – они характерны прежде всего для этого жанра, в связи с ним и прорабатываются в школе.

Умолчания же в школьном учебном курсе русского языка фактически не представлены, хотя могут затрагиваться в курсе литературы при анализе художественных особенностей конкретных литературных произведений и речи отдельных персонажей. Использование их школьниками определяется в основном речевым опытом, прежде всего – читательским. В обыденной речи умолчание едва ли фиксируются говорящим и слушающим как выразительное средство языка несмотря на то, что его семантика всегда воспринимается и понимается в контексте ситуации общения.

В сочинениях, конечно, есть и литературные штампы (*принц на белом коне, корабль с алыми парусами*), но есть и нестандартные (*моя мечта иногда отходит от меня в сторону, и я переключаюсь на жизнь; мой дневник пестрит второпях нацарапанными строчками*).

Итак, по выборке в целом можно утверждать, что частотность использования подростками эмоционально-экспрессивных средств языка в собственных текстах определяют методические условия обучения и речевой опыт, которые нивелируют индивидуальные различия в этом аспекте стилистики ученических сочинений.

А социопсихологические условия (раздельное / совместное обучение мальчиков и девочек) оказались действенным фактором различий в количестве и динамике использования этих средств языка (см. таблицу 2).

Таблица №2

**Распределение эмоционально-экспрессивных средств языка в сочинениях девочек и мальчиков, в %**

Класс и кол-во исп-мых	Усреднённый объем текстов (кол-во слов)	Школа с раздельным обучением мальчиков и девочек		Школа с совместным обучением мальчиков и девочек	
		Тексты мальчиков	Тексты девочек	Тексты мальчиков	Тексты девочек
V (56)	114	62,2	48,7	59,4	41,1
VII (54)	141	31,1	41,4	32,2	29,3
VIII (53)	186	30,3	57,6	34,4	49,8

Из таблицы виден динамический аспект этих различий. В той и другой школе в работах мальчиков-пятиклассников фиксируется преобладание в использовании тропов по сравнению с работами девочек; в VII классах школы с совместным обучением различия сглаживаются, и в целом снижается количество этих средств в текстах всех учеников. В школе же с раздельным обучением заметное снижение их количества происходит только в текстах мальчиков. Девочки остаются примерно на том же уровне применения эмоционально насыщенной лексики, что и в V классах. А в VIII классах в обеих школах происходит «скачок» по сравнению с VII классами в использовании этих средств в текстах, написанных девочками. Причем в школе с раздельным обучением их количество в сочинениях некоторых девочек-восьмиклассниц превышает 60%. Статистический анализ (по Фишеру) значимости различий между использованием этих средств в текстах мальчиков и девочек в VIII классах показал, что в школе с

раздельным обучением  $\phi_{\text{эмп}} = 3,836$ ; в школе с совместным обучением  $\phi_{\text{эмп}} = 2,310$ . В обоих случаях различия значимы на уровне  $P = 0,01$ .

В другие годы обучения значимых различий по использованию этих средств в работах мальчиков и девочек в обеих школах не зафиксировано; правда, в V классах показатель значимости приближается к уровню  $P = 0,05$ , но не достигает его.

Тенденция к эмоциональной насыщенности речи девочек, обучающихся в той и другой школе, объясняется особенностью их эмоциональной сферы в этом возрасте: остротой переживания событий своей жизни, отношений с окружающими, повышенным уровнем тревожности, возбудимости [Андреевко, Алекинова 2014; Диагностика эмоциональной... 2020 и др.] В школе с раздельным обучением девочек и мальчиков эмоционально-экспрессивная лексика может выполнять еще и компенсаторные функции по отношению к фрустрирующей потребности общения с представителями другого пола, несмотря на то что ограничения этой потребности касаются только уроков, во внеурочное время (на переменах и после занятий) мальчики и девочки свободно общаются друг с другом. Но и во время урока может получать удовлетворение эта потребность (обмен взглядами, СМС и т.п.). Заметим, что эти различия приходятся именно на VIII класс (13–14 лет) – этап «пики» подросткового возраста и активной фазы пубертата.

Не исключено, что эта потребность фрустрирует и у мальчиков, но они проявляют сдержанность в использовании общепринятых эмоционально-экспрессивных средств языка, и одновременно, судя по наблюдениям, в их речи в этот период возрастает количество жаргонизмов и самых грубых вульгаризмов, что, вероятно, связано с потребностью самоутверждения и притязаниями на маскулинность.

Обратимся к результатам работы по второй методике.

Как уже отмечалось, в качестве одного из важных факторов использования эмоционально-экспрессивных средств в сочинениях подростков могут выступать особенности эмоциональной сферы и процессов образного отражения действительности, в частности, воображения.

По шкале «Эмоциональность» в опроснике Б. Кадырова, фиксируются следующие особенности личности испытуемых: преобладающее настроение (в основном позитивное), смена настроений, способность заражаться настроением других, яркость впечатлений от произведений художественной литературы, эмоциональный отклик на музыку, потребность в общении, переживание симпатии или антипатии к другим и т.п. Каждому испытуемому предлагалось дифференцировано оценить применительно к себе каждое утверждение опросника (*да; пожалуй, да; когда как; пожалуй, нет; нет*).

Далее осуществлялся ранговый анализ данных, полученных по этой и предыдущей методикам. Ранговые ряды по уровню эмоциональности и по количеству употребления в текстах эмоционально-экспрессивных средств языка строились по нисходящей. Статистический анализ не подтвердил корреляции рангов ни по выборке в целом, ни по классам, ни по гендерной принадлежности.

Таким образом, если и возможна связь между эмоциональной окрашенностью письменной речи и эмоциональностью как индивидуальным качеством личности, то она не характерна для этого возраста. Использование школьниками-подростками этих средств языка является не столько вербальным выражением собственных эмоций, сколько выбором языкового знака для передачи нужного содержания в тексте и воздействия на читателя. Такой знак несет скорее номинативную и коммуникативную функции, чем функцию самовыражения.

Иная картина сложилась при сопоставлении количества эмоционально-экспрессивных средств языка в текстах испытуемых и уровня развития воображения у них.

По шкале «Воображение» методики Б. Кадырова фиксируются следующие аспекты когнитивной сферы испытуемых: использование внутренней наглядности при восприятии вербального материала, привлекательность для испытуемого фантастических образов, событий, описываемых в литературных произведениях, построение образов-представлений предметов, персонажей по их описанию, склонность к фантазированию и т.д. Форма опросника и способ обработки материала такой же, как по шкале «Эмоциональность».

Выяснилось, что сходство рангов по воображению и количеству эмоционально-экспрессивных средств в текстах школьников проявляется достаточно отчетливо на высоких уровнях развития воображения, которым соответствует и значительное количество этих средств языка в сочинениях школьников; в средних же и низких частях рангового ряда это соответствие все чаще нарушается. Однако от класса к классу нарастает количество детей, особенно девочек, со сходством рангов по уровню воображения и количеству эмоционально-экспрессивных средств в их текстах. Коэффициент ранговой корреляции по Спирмену составляет в целом по выборке 0,138, что соответствует  $P = 0,1$ . Этот показатель подтверждает связь лишь на уровне тенденции, но, возможно, при расширении выборки в повторном исследовании удастся получить более убедительные результаты статистического анализа.

Связь воображения и эмоциональности письменной речи обнаруживалась не только в этом, но и некоторых предыдущих наших исследованиях. Правда, в них не ставилась задача строгого статистического анализа по параметру гендерной принадлежности, однако некоторые моменты обращают на себя внимание. В частности, в ученической рецензии на роман Ч. Айтматова «Плаха» некоторые девочки-восьмиклассницы пишут, что *«видят»* страшное описание охоты с воздуха на животных, которые спасаются все вместе, *«забыв, кто из них хищники, кто их жертвы в обычной лесной жизни»*, или *«сразу такая картина перед глазами, что я прервала чтение, надо было выдохнуть»*. У мальчиков гораздо более рассудочная стилистика; интересно, что они широко используют риторический, на первый взгляд, вопрос, а отвечают на него как на полемический. Например, *«Один в поле не воин? Так ли? Авдий показал, что и один – воин. Другое дело, чем человек платит за верность своим убеждениям. Это убеждения самого Айтматова? Наверное – да, иначе он не стал бы писать «Плаху»*.

Еще некоторые примеры из другой письменной работы девятиклассников – сочинения по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Сочинения девочек изобилуют словами *«ужасающее преступление»*, *«непреодолимые душевные муки»*, *«чистая Сонечка, хотя пусть и по желтому билету живет»*, *«Дунечка – жертва любви к брату»* и т.п. В сочинениях же мальчиков опять преобладают квази-риторические вопросы, к примеру *«Герой, действительно, осознал тяжесть своего преступления потом, когда уже совершил его? По-моему, раньше, когда еще задумывал его, планировал. Достоевский выразил это не одними только размышлениями Родиона Раскольникова, его внутренними монологами. Есть ведь еще и его фамилия – Раскол (ьников). Это раскол между его нравственностью и теорией, которую он создал. С самого начала между ними как бы пропасть»*.

Пока мы предположительно объясняем эту связь механизмом внутренней речи, описанным Н.И. Жинкиным в указанных выше источниках. Замысел еще не полностью

оформившегося высказывания представлен сознанию как «образно-вербальный код», в котором образ внутренней наглядности может быть ярким, детализированным, эмоционально насыщенным, что мобилизует чувство языка и тем самым вызывает в памяти слово (эпитет, метафору), наиболее адекватно в субъективном эмоциональном плане обозначающее этот образ. Но сам образ может быть и более схематичным, в котором преобладают рациональные признаки и связи, что способствует выражению мысли без эмоциональной лексики и фразеологии, но, тем не менее, с применением стилистико-синтаксических приемов, которые, условно говоря, «интеллектуализируют» эмоционально-экспрессивное содержание текста.

### **Заключение**

Итак, использование школьниками-подростками эмоционально-экспрессивной лексики в собственных текстах обусловлено рядом внешних и внутренних, психологических, условий.

Одним из внешних факторов является система обучения, в которой раздел «Стилистика» предельно кратко представлен в программе русского языка как родного. Этим, скорее всего, объясняется то, что дети, фактически владеющие почти всем арсеналом этих средств, используют в текстах своих сочинений лишь ограниченный их круг. Множество других средств, знакомых им по речевому опыту и читательской деятельности, не находят места в их собственных текстах, вероятно, потому что они не попадают в поле внимания и размышления, так как не востребованы в обучении. Тексты детских сочинений не анализируются в классе с точки зрения их стилистики; на уроках обычно разбирается содержание текста, его орфографическая и пунктуационная грамотность.

Другим внешним же фактором использования подростками эмоционально-экспрессивной лексики в собственных текстах являются социопсихологические условия обучения – организация его как отдельного или совместного для мальчиков и девочек. Раздельное обучение стимулирует эмоциональную окрашенность письменной речи, причем в основном в выборке девочек (в частности, по компенсаторному механизму). Но этот фактор, пожалуй, более отчетливо проявляет общую тенденцию – эмоциональную окрашенность речи именно девочек, связанную, по нашим данным, с активностью функции воображения.

Внутренними факторами выбора и частотности использования этого пласта лексики является: а) самостоятельный выбор школьниками общей семантики текста (в нашем случае – раскрытия темы сочинения как описания своей мечты или как рационального жизненного плана); б) связь языковой компетенции с некоторыми когнитивными функциями (в частности, воображением).

Установлено, что выбор той или иной семантической тональности текста не определяет выбор и количество эмоционально насыщенной лексики в тексте.

Что касается связи объема эмоционально-экспрессивной лексики в сочинениях детей с конкретными когнитивными функциями, то в рамках данного исследования удалось установить связь их использования с воображением. Не исключено, что есть и другие высшие психические функции, влияющие на эмоциональную насыщенность текстов, порождаемых подростками; чтобы выяснить это, нужны дальнейшие исследования.



### Литература

- Алмаев Н.А.* Психологические основания выбора слов при построении речи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 25 с.
- Андреевко Т.А., Алекинова О.В.* Развитие эмоциональной отзывчивости старших школьников. СПб: Детство-Пресс, 2014. 96 с.
- Божович Е.Д.* Развитие языковой компетенции как психологической системы: дис. ... докт. психол. наук. М., 2016. 450 с.
- Бюлер Ш.* Что такое пубертатный период // Психологические теории подросткового возраста: Хрестоматия (Сост. М.К. Павлова). М.: АНО ПЭБ, 2008. С. 52–61.
- Гинзбург М.Р.* Использование метафоры изменения при работе со старшими подростками // Психологическая наука и образование, 1997, № 2, С. 17–40. URL: [http://psyjournals.ru/files/2517/psyedu\\_1997\\_n1\\_Ginzburg.pdf](http://psyjournals.ru/files/2517/psyedu_1997_n1_Ginzburg.pdf) (дата обращения 12.12.2018).
- Диагностика эмоциональной сферы детей и подростков: Сб. науч. тр. (Сост. Н.А. Литвинов). Южно-Сахалинск: изд-во ИРОСО, 2020. 52 с.
- Дупляткина Л.А.* Молодежный сленг, его влияние на речь подростков. URL: <https://infourok.ru/issledovatel'skaya-rabota-molodezhnyi-sleng-egovliyanie-na-rech-podrostkov-1073704.html> (дата обращения 30.11.2018)
- Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
- Ильина П.И.* Образные средства в письменной речи подростков: дисс. ... магистр. СПб, 2018. 102 с.
- Кадыров Б.Р.* Склонности и их индивидуально-природные предпосылки (на материале подросткового возраста): дисс. ... докт. психол. наук. М., 1990. 380 с.
- Кон И.С.* Какими они видят себя. М.: Знание, 1975. 92 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Лосева Л.М.* Как строится текст: пособие для учителей / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Просвещение, 1980. 96 с.
- Маркова А.К.* Психология усвоения языка как средства общения. М.: Педагогика. 1974. 239 с.
- Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 590 с.
- Серль Дж. Р.* Метафора // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 307–342.
- Система обучения сочинениям в 4-8 классах:* уч.-метод. пособие / Под ред. Т.А. Ладыженской. 2-е, изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1973. 367 с.
- Солганик Г.А.* Стилистика текста: уч. пособие. Изд. 9-е. М.: Academia, 2009. 253 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологические аспекты. М.: Школа: Языки русской культуры. 1996. 288 с.
- Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции / Отв. ред. Е.Р. Иоанесян. М.: Институт языкознания РАН. 2019. 288 с.
- Black M.* Models and metaphors: Studies in language and philosophy. Ithaca, (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1962.
- Metaphor and thought.* A. Ortony. (ed.). 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University. 1993.
- Tendahl M. A.* Hybrid Theory of Metaphor. N. Y. 2009.

**История статьи:**

Дата поступления в редакцию: 12.07.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

**Сведения об авторе:**

**Божович Елена Дмитриевна** – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии Психологического института Российской академии образования

**Контактная информация:**

125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

ORCID: <https://orcid.org/00000002-8015-9040>

*e-mail*: elenabozhovich@inbox.ru

**Для цитирования:**

Божович Е.Д. Эмоционально-экспрессивные средства языка в сочинениях школьников-подростков: психолого-педагогический аспект (на материале русского языка как родного) // Вопросы психолингвистики №3(49) 2021, С.46–59, doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-46-59

UDC 159.9.072.422

LBC 88.4

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-46-59

Research article

**EMOTIONAL-EXPRESSIVE MEANS OF LANGUAGE IN THE WRITTEN  
SPEECH OF TEENS:  
PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGIC ASPECT  
(A case study of the Russian language as a mother tongue)**

**Elena D. Bozhovich**

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

**Abstract**

The article analyzes the conditions and factors of pupils' use of emotional- expressive means of language in written speech in grades V, VII, VIII. Using empirical evidence, the types and amount of these means in the compositions of pupils on a given topic are registered. We have identified the learning conditions and psychological factors that influence the age and individual differences in this aspect of stylistic design of the essays by teenage students. It has been established that they use a wide range of expressive means of the text, but the differences in their choice and quantity in the texts of written works depend on three factors: organizational conditions of school education, stage of adolescence and gender of the subjects. It has been revealed that the most influential factor among the conditions of the teaching process is the mixed sex/separate education of boys and girls. The effect of this factor is clearest at the age of 13 – 14 (8th grade). Prior to this period, the trend of gender differences in the emotionality of the written speech of adolescents is not detected. There has been revealed a statistical relationship between the development of imagination in

adolescents and the emotional coloring of their texts in their essays. It was detected via the analysis of how some personal and cognitive characteristics of schoolchildren influence their use of the above means in the written speech. Emotionality as a personal and/or characteristic quality does not actually determine the use of emotionally expressive means of language.

**Keywords:** emotional-expressive means of language, written speech, teenager, gender differences, individual psychological features, training

### References

Almaev, N.A. (1997) *Psixologicheskie osnovaniya vy'bora slov pri postroenii rechi* [Psychological foundations of choosing words when building speech]: dissertation abstract for the degree of candidate of psychological sciences. Moscow. 25 p. (in Russian).

Andreenko, T.A., Alekinova, O.V. (2014). *Razvitie e'mocional'noj otzy'vchivosti starshix shkol'nikov* [Development of emotional responsiveness of senior schoolchildren]. Saint-Petersburg. Detstvo-Press. 96 p. (in Russian).

Bozhovich, E.D. (2016) *Razvitie yazy'kovoj kompetencii kak psixologicheskoy sistemy (na materiale russkogo yazyka)* [Development of language competence as a psychological system (on the material of the Russian language)]: dissertation for the degree of doctor of psychological sciences. Moscow. 450 p. (in Russian).

Byuler, Sh. (2008) *Chto takoe pubertatny'j period* [What is a pubertal period]. In: Pavlova, M.K. (ed.) *Psixologicheskie teorii podrostkovogo vozrasta: Xrestomatiya* [Psychological theories of adolescence: A Textbook]. Moscow, ANO PE'B Publ., pp. 52–61. (in Russian).

Litvinov, N.A. (ed.) (2020) *Diagnostika e'mocional'noj sfery' detej i podrostkov* [Diagnosis of the emotional sphere of children and adolescents]: collection of scientific papers. Yuzhno-Saxalinsk, IROSO Publ. 52 p. (in Russian).

Duplyatkina, L.A. (2015) *Molodezhny'j sleng, ego vliyanie na rech' podrostkov* [Youth Slang, his influence on teenage speech]. Available from: <https://infourok.ru/issledovatel'skaya-rabota-molodezhniy-slang-egovliyanie-na-rech-podrostkov-1073704.html>. [Accessed 30th November 2018]. (in Russian).

Ginzburg, M.R. (1997) *Ispol'zovanie metafory' izmeneniya pri rabote so starshimi podrostkami* [Using Metaphors of change when working with senior adolescents]. *Psychological Science and Education*. (2), 17–40. Available from: [http://psyjournals.ru/files/2517/psyedu\\_1997\\_n1\\_Ginzburg.pdf](http://psyjournals.ru/files/2517/psyedu_1997_n1_Ginzburg.pdf) [Accessed 12th December 2018]. (in Russian).

Il'ina, P.I. (2018) *Obrazny'e sredstva v pis'mennoj rechi podrostkov* [Figures in the written speech of adolescents]: dissertation for a master's degree. Saint-Petersburg. 102 p. (in Russian).

Ioanesyan, E.R. (ed.) *Emocional'naya sfera cheloveka v yazy'ke i kommunikacii: sinxroniya i diaxroniya: Materialy' mezhdunarodnoj konferencii* [Emotional Sphere of Man in Language and Communication: Sync and Diachrony: Materials of the International Conference]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ. 2019. 288 p. (in Russian).

Kady'rov, B.R. (1990) *Skлонnosti i ix individual'no-prirodny'e predposyl'ki (na materiale podrostkovogo vozrasta)* [The inconsistencies and their individually natural prerequisites (on the material of adolescence)]: dissertation for the degree of doctor of psychological sciences. Moscow. 380 p. (in Russian).

Kon, I.S. (1975) *Kakimi oni vidyat sebya* [What they see themselves]. Moscow. Znanie Publ. 92 p. (in Russian).

Lady'zhenskaja T.A. (ed.) (1973) *Sistema obucheniya sochineniyam v 4-8 klassax* [System of learning compounds in 4<sup>th</sup> – 8<sup>th</sup> grades]: Teaching manual. 2<sup>nd</sup> edition. Moscow. Prosvshhenie Publ. 367 p. (in Russian).

Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (1980) *Metafory`, kotory`mi my` zhivem* [Metaphors that we live by]. Translated from English by Baranov A.N., Morozova A.V. (2004). Moscow. Editorial URSS Publ. 256 p. (in Russian).

Loseva, L.M. (1980) *Kak stroitsya tekst* [How text is built]: manual for teachers. Solganik, G.Ya. (ed). Moscow. Prosveshhenie Publ. 96 p. (in Russian).

Markova, A.K. (1974) *Psixologiya usvoeniya yazy`ka kak sredstva obshheniya* [Psychology of language assimilation as a means of communication]. Moscow. Pedagogika Publ. 239 p. (in Russian).

Nikitina, T.G. (1998) *Tak govorit molodezh`* [So tells young people.]. Saint-Petersburg. Folio-Press Publ. 590 p. (in Russian).

Serl`, Dzh. R. (1990) *Metafora*. [Metaphor]. In: Arutyunova, N.D. i Zhurinskaja, M.A. (eds). *Teoriya metafory`* [The theory of metaphor] Moscow. Progress Publ., pp. 307–342. (in Russian).

Solganik, G.A. (2009) *Stilistika teksta* [Text Stylistics]: educational manual. 9<sup>th</sup> edition. Moscow. Academia Publ., 253 p. (in Russian).

Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij, kul`turologicheskie aspekty`* [Russian phraseology: semantic, pragmatic, cultural aspects]. Moscow. Shkola: Yazy`ki russkoj kul`tury` Publ. 288 p. (in Russian).

Zhinkin, N.I. (1964) *O kodovy`x perexodax vo vnutrennej rechi* [On code transitions in internal speech]. *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the study of language). (6), 26–38. (in Russian).

Zhinkin, N.I. (1982) *Rech` kak provodnik informacii* [Speech as a conductor of information]. Moscow, Nauka Publ. 159 p. (in Russian).

Black, M. (1962) *Models and metaphors: Studies in language and philosophy*. Ithaca, N.Y. Cornell University Press.

Ortony, A. (ed.) (1993) *Metaphor and thought*. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Tendahl, M. A. (2009) *Hybrid Theory of Metaphor*. N. Y.

© **Bozhovich E.D., 2021**

#### **Article history:**

Received: 12.07.2021

Accepted: 20.09.2021

#### **Bionotes:**

**Elena D. Bozhovich** – Doctor of Psychological Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Differential Psychology and Psychophysiology, Psychological Institute of Russian Academy of Education

#### **Contact information:**

Mokhovaya St, 9к4, Moscow, 125009

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8015-9040>

*e-mail*: elenabozhovich@inbox.ru

#### **For citation:**

Bozhovich, E.D. (2021) Emotional-expressive means of language in the written speech of teens: psychological-pedagogical aspect (Based on the material of Russian as a native language). *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp. 46–59. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-46-59 (in Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73

Научная статья

## О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГЕНДЕРА, ЕГО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

**Гриценко Елена Сергеевна**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,  
Нижний Новгород, Россия

### *Аннотация*

В статье рассматриваются особенности развития предметной области «язык и гендер» в англофонном контексте. Речь идет об отрицании бинарной структуры гендерного концепта, признании текучести и неопределенности гендерной идентичности, которая может не ограничиваться и не соотноситься с устоявшимися представлениями о мужественности и женственности, или представлять собой полное отрицание гендера. В дискурсивных практиках повседневности данная тенденция проявляется в создании новых слов и аффиксов, изменении референции и сочетаемостной специфики слов, составляющих ядро гендерного концепта, появлении новых коммуникативных норм и практик, фиксирующих право индивида на гендерную самоидентификацию, уход от гетеронормативности и тенденцию к дегендеризации общения. Материал исследования составили более 250 текстовых фрагментов, отобранных из англоязычных СМИ, академических и специализированных порталов, лексикографических онлайн-источников и коммуникативных практик повседневности.

**Ключевые слова:** английский язык, гендер, небинарная гендерная идентичность, мужественность, женственность, гетеронормативность, дегендеризация коммуникации.

### **Введение**

Понятие «гендер» было введено в научный оборот более пяти десятилетий назад и за время своего существования претерпело серьезные изменения. Созданный как инструмент для разграничения биологических и социальных проявлений принадлежности к определенному полу, в настоящее время гендер все чаще трактуется как параметр самоидентификации индивида, не связанный с полом. Концептуальные трансформации подобного рода характеризуют как научный дискурс, так и обыденные представления о гендере. Наиболее ярко данная динамика проявляется в англофонном культурном контексте.

Задача настоящей статьи – охарактеризовать современные тенденции в лингвистическом изучении гендера; показать, как реагирует английский язык на социальные и культурные гендерные трансформации, описать изменения, которые в нем происходят.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена рядом причин. Эпоху глобализации характеризует широчайшая экспансия английского языка, многие особенности которого переносятся в другие языки. Примером может служить отмеченный А.В. Кириловой рост частотности коллокации «мужчины и женщины»

в значении «люди» и употребление слова «мужчина» в контекстах, где ранее было бы использовано слово «человек» [Кирилина 2015]. Именно англоязычная культурная среда во многом определяет основы нового гендерного порядка. Можно с большой долей уверенности предположить, что происходящее в англо-американской культуре будет транслироваться в глобальном масштабе – через коммерческую рекламу, Интернет, сферу услуг, СМИ, образование. Вполне вероятно, что в ближайшее время гендерная тематика появится в аутентичных учебниках английского языка для российских школьников. Знание англофонного культурного контекста позволит критически осмысливать подобный материал, соотносить его с ситуацией в российском обществе, не допускать некритичного заимствования инокультурных практик и норм.

Учет изменений в концептуализации и репрезентации гендера в англофонной среде будет способствовать лучшему пониманию тенденций развития гендерно маркированной лексики русского языка и лингвистической составляющей «глобального дрейфа к постгендеризму» [Кирилина 2019: 14]. В аспекте практики преподавания английского языка гендерный фактор важен для формирования линвокультурных компетенций, без которых продуктивное общение в англоязычном социуме становится сегодня проблематичным.

### **Материал и методы исследования**

Материалом для анализа послужили тексты англоязычных СМИ, академических и специализированных порталов, язык городской повседневности, лексикографические онлайн-источники и научные публикации последних лет, в том числе 2-е издание книги *A Handbook on Language, Gender and Sexuality* (2014) и статьи из журнала *Gender and Language* за 2017–2020 гг. В ходе работы проведен фронтальный анализ аннотаций научных статей и углубленный анализ отдельных публикаций с целью выявления современных тенденций в лингвистическом изучении гендера, новых ракурсов языкового структурирования гендерного сообщества и проблематизации гендерного конфликта.

Для выявления новых форм репрезентации гендера и гендерной специфики англоязычных коммуникативных практик использовался контент-анализ информационных сообщений (BBC, FOX News, NBC News, CNN, USA Today, The Washington Post, TIMES, The Guardian, The Sun, Independent) за период с марта 2019 по март 2020 гг.; анализировались рекомендации по гендерно политкорректному использованию языка на сайтах американских университетов, элементы лингвистического ландшафта и артефакты повседневной культуры. Было отобрано более 250 текстовых фрагментов и графических изображений, проведена интерпретация их содержания с позиций современной гендерной теории.

### **Обсуждение результатов**

Развитие предметной области «язык и гендер» в англофонном контексте определяется рядом факторов, среди которых следует выделить (а) включение в сферу гендерных исследований сексуальности и появление квир-теории, оспаривающей естественность гетеросексуальности и гетеронормативности, и (б) стигматизацию традиционной маскулинности и перемещение фокуса на экспликацию средств, с помощью которых мужественность и ассоциируемая с ней гетеросексуальность конструируются как немаркированные категории.

Уход от эссенциализма, выразившийся в признании перформативности гендера и множественности проявлений мужественности и женственности, в настоящее время принимает новые формы. Речь идет об отрицании бинарной структуры гендерного концепта, повороте к изучению нетрадиционных гендерных идентичностей и способов их конструирования в глобальном контексте [Hall 2014; de Jesus, Caldas-Coulthard, 2018; Grey 2018; Comer 2018 и др.]. Наблюдается движение в сторону признания текучести и неопределенности гендерной идентичности, которая может не соотноситься с устоявшимися представлениями о мужественности и женственности или представлять собой полное отрицание гендера [Bucholts 2014; Cameron 2014; Cashman 2018; Rowlette 2019; Queen 2014; Milani 2014 и др.].

Изменения в концептуализации гендера фиксируются в дефинициях авторитетных словарей. Например, в энциклопедии «Британника» гендер трактуется как параметр самоидентификации и подчеркивается, что гендерная идентичность индивида может выходить за рамки бинарного конструкта: *Gender identity, an individual's self-conception as a man or woman or as a boy or girl or as some combination of man/boy and woman/girl or as someone fluctuating between man/boy and woman/girl or as someone outside those categories altogether* [Энциклопедия Britannika [http](http://)].

Дискурсивные практики повседневности демонстрируют многочисленные примеры выхода за рамки бинарной гендерной системы и наделяния индивида правом на определение собственной гендерной принадлежности. Так, если несколько лет назад в социальной сети Facebook англоязычным пользователям предлагался выбор из нескольких десятков вариантов гендера, сейчас при регистрации предусмотрено три опции – *female, male* и *custom*. В последнее поле пользователь может сам внести определение своей гендерной идентичности. В профиле Instagram дополнительно к опциям *male, female* и *custom* дается вариант *prefer not to say* («предпочитаю не отвечать»). Аналогичный формат используется в оценочных формах многих американских отелей, при регистрации на конференциях и т.п. Таким образом, наряду с возможностью самостоятельно определять свой гендер предусматривается опция отказа от гендерной категоризации.

В современной англофонной культуре сильны позиции трансгендерной идеологии. По некоторым данным, в США около 1,4 миллионов взрослых и подростков считают себя трансгендерами [Flores et al. 2016]. Общество, школа, а часто и семья поощряют «поиски себя» в форме рефлексии по поводу гендерной идентичности с самого раннего возраста. Характерным примером являются учебные фильмы ВВС для школьников 9–12 лет, где взрослые рассказывают детям о том, что существует более 100 видов гендерной идентичности, отвечают на вопросы, касающиеся пола и сексуальных отношений и т.д. [Over 100 Gender identities... [http](http://)].

Переживает подъем дрэг-культура – театрализованные перевоплощения мужчин в женщин с помощью утрированной одежды и макияжа. При этом если раньше подобные практики считались уделом взрослых, сегодня либеральное сообщество приветствует участие в дрэг-шоу детей [Desmond is amazing [http](http://)].

Названные социальные процессы вполне укладываются в каноны постфеминизма, для которого характерен акцент на вопросах идентичности, поворот от идей гендерного равенства к гендерному мейнстримингу – социальной политике, когда в основу принятия политических решений кладется принцип максимального учета интересов лиц, относящих себя к нетрадиционным гендерным группам.

Изменения гендерной концептосферы фиксируются на разных уровнях языка. Появился большой **пласт слов, обозначающих нетрадиционные типы гендерной идентичности**: *non-binary*, *bisexual*, *asexual*, *agender* (не идентифицирующий себя с тем или иным гендером, не имеющий гендера); *bigender* (индивид с неустойчивым гендером – тот, кто колеблется между традиционными мужской или женской идентичностями); *pangender* (гендерная идентичность, включающая множество различных проявлений, иногда меняющихся с течением времени); *demigender* (небинарная гендерная идентичность, имеющая частичную связь с одним из традиционных гендеров – наполовину женщина/мужчина); *gender fluid* (смешанная гендерная идентичность – индивид может ощущать себя то мужчиной, то женщиной); *genderqueer* (тот, кто ощущает себя не мужчиной и не женщиной); *gender non-conforming*, *gender variant* (тот, кто не соответствует ожидаемым представлениям о гендере); а также *neutrois* (*genderless*); *intersex*; *third gender*; *third sex*, *Two Spirit*, *transgender* (*Female to Male/ Trans Man*, *Male to Female/ Trans Women*) и т.д.

Хотя большая часть гендерных неологизмов – это имена существительные и прилагательные, представлены также глаголы, напр.: *misgendering* – «обращаться к кому-то, неверно трактуя гендер адресата» (напр., использовать неверное местоимение при обращении к трансгендерным женщине или мужчине).

Слова, обозначающие сходные идентичности, образуют синонимические ряды (ср. *agender*; *gender blank*, *gendervoid*, *gender free*, *genderless*, *non-gendered*, *null gender* и т.п.). Согласно закону синонимической аттракции это свидетельствует о коммуникативной значимости номинируемого фрагмента экстралингвистической реальности, его актуальности для языкового сообщества.

Хотя не все подобные лексемы регистрируются в базовых национальных словарях, они широко представлены на специализированных онлайн ресурсах (*gender.wikia.org*, *nonbinary.wiki* и др.), в англоязычной Википедии, блогосфере и СМИ. Они также регистрируются в Национальном корпусе современного американского варианта английского языка (СОСА), что позволяет считать их частью ментального лексикона, репрезентирующего «стоящие за языковыми единицами структуры представления экстралингвистического (энциклопедического) знания» [Кубрякова 1996: 97].

Результатом активной гендерной рефлексии стало появление в отдельных областях знания новых понятий и терминов. Например, в современной политологии и политической журналистике активно используется термин *homonationalism*. В широком смысле он означает практику манипулирования положительным отношением к правам гендерных меньшинств для продвижения национальных интересов государства. Данный термин был предложен в 2007 г. американской исследовательницей Дж. Пуар как концептуальный фрейм для понимания того, каким образом «принятие» ЛГБТ сообщества становится барометром для оценки вопросов национального суверенитета [Puar 2007]. Речь, в частности, идет о том, как отдельные государства используют тему отношения к ЛГБТ для оправдания ксенофобии и расизма (напр., путем ассоциации ислама и мигрантов из исламских стран с гомофобией и позиционирования западных обществ как эгалитарных). Таким образом, гендерное измерение приобретают новые фрагменты научной картины мира.

В речевой обиход вошли **гендерные аффиксы** *-x* и *cis-*. Первый передает значение гендерной нейтральности и широко используется для обозначения лиц с «небинарной» гендерной идентичностью: *Mx* (дополнительно к *Mr*: и *Ms.*), *Latinx* (наряду с *Latino* –



м.р. и *Latina* – ж.р.), *Womxn* и т.д. Аффикс *cis-* показывает, что гендерная идентичность человека совпадает с гендером, к которому его отнесли при рождении (*cisman*, *ciswoman*). Фактически эти слова обозначают мужчин и женщин в традиционном смысле слова. Добавление *cis-* (по аналогии с *trans-*) призвано снять немаркированность и удалить импликации, связанные с гетеронормативностью, которая в современной англофонной культуре признается неполиткорректной, ущемляющей интересы лиц, чей гендер не совпадает с традиционным.

Приведенные выше примеры относят к ЛГБТ неологизмам, однако их использование не ограничивается сферой ЛГБТ сообщества. Гендерно нейтральное *Latinx*, например, зарегистрировано в словаре Merriam-Webster с 2015 г. А осенью 2018 г. британские СМИ сообщали, что в Лондонском университете Голдсмит (входит в топ-100 университетов мира и топ-20 Великобритании) студенческий союз заявил о решении отказаться в публичных коммуникациях от слова *woman* и заменить его на *womxn* [Students replace word women with womxn because term “men” is offensive... http].

В английском языке появились **новые формы официальных обращений**. В 2017 г. словарь Merriam Webster в дополнение к общепринятым *Mr.*, *Miss*, *Mrs.* and *Ms* включил гендерно-нейтральное *Mx* – ‘a gender-neutral title of courtesy’ [Дефиниция местоимения Mx... http]. В актуальной коммуникации число таких форм может быть больше. Например, банк HSBC предлагает клиентам, которых не устраивают традиционные обращения, десять вариантов сокращенных гендерно-нейтральных форм: *M*, *Myr*, *Mx*, *Mre (mystery)*, *Msr (combination of Miss and Sir)*, *Ind (individual)*, *Pr (person)*, *Ser* и *Sai*. Это решение на сайте банка поясняют стремлением создать комфортные условия для клиентов, которые не ассоциируют себя с традиционными гендерами [Mr., Mrs., Mx or Misc?... http].

Растет число **гендерно-нейтральных местоимений**. К настоящему времени практически во всех авторитетных словарях зарегистрировано так называемое *singular they* (местоимение «они» в единственном числе), которое рекомендуется употреблять вместо местоимений *he* и *she* в случаях, когда пол референта не известен говорящему или если индивид, о котором идет речь, не идентифицирует себя с мужским или женским полом [Дефиниция местоимения They... http]. В 2019 г. словарь Merriam-Webster признал небинарное *they* словом года [Merriam Webster’s Words of the Year http].

Однако только им набор «небинарных» местоимений в современном английском языке не ограничивается. В октябре 2019 г. в словарь *Macmillan Dictionary* было включено местоимение *Ze (Zie)*: “a gender-neutral pronoun than can be used instead of she or he” [Дефиниция местоимения Ze... http]. На сайте Университета штата Висконсин размещен указатель по «уважительному» использованию местоимений, где даются соответствующие рекомендации и приведена таблица местоимений, состоящая из двух групп: *Traditional (he и she)* и *Non-binary (they, ey, Ze (zie) and hir* [GSCC Pronoun-guide http].

Вопрос местоимений становится ключевым в аспекте гендерной (само)идентификации. В Мичиганском университете (University of Michigan) был даже создан специальный комитет по местоимениям (Pronoun Committee), в соответствии с рекомендациями которого в октябре 2016 г. студенты получили право при регистрации на занятия указывать предпочитаемые местоимения. Кроме *he* и *she*, можно выбрать гендерно-нейтральное *Ze* или отказаться от выбора [Fitzgerald http].

Меняется **семантическое наполнение слов**, входящих в ядро гендерного концепта. Например, слово *family* традиционно включало мать и отца, жену и мужа. С признанием однополых браков ситуация изменилась, и в 2020 г. организаторы переписи населения США уже исходили из «современного» понимания семьи. Если раньше участникам переписи предлагалось выбрать одну из двух опций: «муж/жена» (*husband or wife*) или «гражданский партнер» (*unmarried partner*), то в ходе переписи 2020 г. учитывались однополые браки и союзы, а варианты для выбора включали: (1) '*opposite-sex husband/wife/spouse*' или '*same-sex husband/wife/spouse*' и (2) '*opposite-sex unmarried partner*' and '*same-sex unmarried partner*' [2020 census... [http](#)].

Меняется семантика и сочетаемость слов *man* и *woman*. Прослеживается несколько тенденций. Следствием стремления снять немаркированный статус данных слов стало появление двух субкатегорий мужчин и женщин – *cisgender* и *transgender*. Тенденция к коннотативной пейорации слова *man* (мужчина) связана с имеющей место в современном англоязычном социуме стигматизацией белых мужчин (*old white men*) и появлением концепта «токсичной маскулинности» (*toxic masculinity*). Трансгендерный дискурс ломает устоявшиеся нормы сочетаемости: все чаще встречаются заявления о том, что мужчины могут рожать детей (речь идет о транс-мужчинах, т.е. женщинах, идентифицирующих себя как мужчины), что у мужчин и мальчиков могут быть месячные [Horton... [http](#)].

О том, насколько серьезно общество относится к этим заявлениям, свидетельствует тот факт, что с прокладок Always производители убрали женский символ (зеркало Венеры) как не отвечающий требованиям инклюзивности.

Новые формы гендерной политкорректности могут касаться не только использования тех или иных слов, но также их произношения. Например, рекомендуется делать паузу между компонентами в словах *transman* и *transwoman*. Произношение без паузы считается неуважительным.

Меняется семантическое наполнение слов *mother* и *father*. В однополых семьях у ребенка может быть два отца, но не быть матери, или наоборот. Соответственно, референтом слова *mother*, например, может быть не только биологическая, приемная или суррогатная мать, но и жена/женщина – партнер биологической матери. В этой связи многие штаты в США меняют форму свидетельства о рождении. В прежних свидетельствах один родитель был указан как “*mother/parent*”, а второй как “*father/parent*.” В новых (негетеронормативных) формах свидетельств о рождении каждый из родителей сможет выбрать свой статус из трех опций “*mother/father/parent*”. В Калифорнии такие формы свидетельств были приняты еще в 2016 г.

Формируются **новые коммуникативные практики и нормы**. Одна из них связана с использованием так называемых «предпочитаемых местоимений» (*preferred pronouns*), когда человек в профессиональном и повседневном общении сообщает собеседнику о том, какие местоимения следует по отношению к нему/к ней употреблять. На сайтах многих американских университетов размещены рекомендации по политкорректному использованию местоимений. Профессора указывают «предпочитаемые местоимения» на личных страничках и в подписи при электронной переписке. Политики используют их как средство политического позиционирования (продемонстрировать либеральные взгляды и заручиться поддержкой ЛГБТ сообщества) [Pitofsky... [http](#)].

Признание права индивида на языковую гендерную самоидентификацию в форме предпочитаемого местоимения закрепляется судебными решениями. Например,

учитель школы в штате Теннесси (США) был уволен за то, что отказался называть свою ученицу трансгендера местоимением *he* [Armus... [http](#)]. А в Канаде отца, который продолжал называть свою дочь-трансгендера местоимением *she*, суд признал виновным в семейном насилии [Keenan... [http](#)].

В основе новой гендерной политкорректности лежит уход от гетеронормативности (*non-heteronormative language*). Речь идет об исключении из употребления слов, подразумевающих естественность (немаркированность) гетеросексуальности и гетеронормативности. Например, в онлайн-пособии по инклюзивному общению Мичиганского университета преподавателям рекомендуется в разговоре со студентами избегать фраз *ladies and gentlemen, your mom and dad*, поскольку они транслируют гетеронормативные установки – предполагают, что нормой является семья, состоящая из мужчины и женщины [Athey... [http](#)].

Признание обществом права индивида на свободное определение гендерной идентичности проявляется не только в обилии вариантов выбора (обращений, местоимений и т.п.), но и в отмене обязательной гендерной идентификации в свидетельствах о рождении, водительских правах, паспортах и других официальных документах. Подобные практики существуют в Канаде, Индии, Бангладеш, Австралии, Новой Зеландии, Пакистане, во многих штатах США. В рамках подобных социальных инициатив, традиционная гендерная дихотомия признается дискриминирующей, ущемляющей права человека, а возможность выбора третьего или гендерно-нейтрального варианта ответа в графе «гендер» (обычно, это маркер «X») трактуется как знак уважения к представителям «не-бинарного» (*non-binary*) сообщества.

Примером реализации языковой политики *дегендеризации* является решение, принятое в сентябре 2019 г. авиакомпанией Air Canada. Теперь вместо традиционного обращения к пассажирам *Ladies and Gentlemen* здесь используется гендерно нейтральное *Everybody* [Ma... [http](#)].

Принцип дегендеризации лежит в основе тенденции избегать употребления слова «женщина» в контекстах, где среди референтов могут быть лица женского пола, идентифицирующие себя как мужчины (транс-мужчины). К примеру, в брошюре Британской медицинской ассоциации по эффективной профессиональной коммуникации в качестве политкорректной альтернативы традиционным выражениям *expectant mothers* («будущие матери») и *pregnant women* («беременные женщины») рекомендуется словосочетание *pregnant people*, чтобы не задеть чувства этой категории пациентов [Donnelly... [http](#)].

Таким образом, если феминистские реформы второй половины XX века в английском языке были направлены на то, чтобы устранить андроцентризм и сделать женщин «видимыми» в языке, то новая гендерная политкорректность, напротив, нивелирует присутствие женщин в англоязычном коммуникативном пространстве [Cameron... [http](#)].

### **Заключение**

Описанные выше тенденции являются следствием повышенного внимания к вопросам сексуальности и правам гендерных меньшинств в современной западной культуре. Изменения в англоязычной гендерной картине мира, дегендеризация коммуникации, отмена ограничений на сочетаемость слов, отражающих особенности только одного пола и др. – следствие либерализации общественного сознания.

Сверхиндивидуализированное общество создает десятки определений новых гендерных идентичностей, подвергая сомнению само понятие «отклонений» в гендерном поведении.

Разумеется, гендерные исследования в англистике не ограничиваются изучением языка квир-сообществ. Хотя в целом для англоязычной академической среды характерны либеральные взгляды на гендер и большинство исследователей в той или иной форме принимают идеи небинарной гендерной категоризации [Cameron 2014], значительное количество работ по-прежнему посвящено анализу конструирования мужественности и женственности в различных временных и пространственных контекстах [Batic 2017, Cresswell 2017, Pawelczyk 2017, VanderStowe 2019, SturtzSreetharan 2017 и др.]. Отмечается и более «гибкий» подход к трактовке сущностной vs перформативной природы гендера. Подчеркивается, в частности, что гендер – это не только особенность поведения индивида, но и характерный параметр институтов: рабочее место, профессиональная среда нередко имеют гендерную специфику. В работах авторитетных исследователей (Eckert, McConnel-Ginet 2003: 87; Holmes 2014 и др.) обосновывается мысль о том, что гендер как совокупность представлений о культурных нормах и ожиданиях, связанных с мужественностью и женственностью, реально присутствует в сознании людей, определяя их поведение – и в этом смысле можно говорить о сущностном измерении гендера.

© Гриценко Е.С., 2021

### Литература

Кирилина А.В. Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России // *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages (Innsbruck, 1–4 October 2014). Ed. by Dennis Scheller-Boltz. Serie: Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 2015. P. 33–49.*

Кирилина А.В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам Национального корпуса русского языка) // *Вопросы психолингвистики. 2019. Вып. 2(40). С. 12–27.*

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва, МГУ, 1996.

Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, Routledge, 1990.

Batic V. Commodification of women through conceptual metaphors: the metaphor “woman as a car” in the western Balkans // *Gender and Language. 2017. Vol. 11 (1). P. 51–76.*

Cameron D. Gender and language ideologies // Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds.). *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, 2014. P. 281–297.

Cashman H. Narrating the intersection: body, time, space and transition in one queer life // *Gender and Language. 2018. Vol. 12(4). P. 416–436.*

Comer J. Equality on the sea’: interrogating LGBTQ privilege in the tourism discourse of Africa’s ‘gay capital’ // *Gender and Language. 2018. Vol.12 (4). P. 459–503.*

Cresswell C. Female agency in action: an examination of interactions in an online ‘Love and Relationships’ discussion forum // *Gender and Language. 2017. Vol. 11 (1). P. 365–388.*

*de Jesus F.L., Caldas-Coulthard, R.C.* Abjection and condemnation: media representations of a transgender criminal in Brasil // *Gender and Language*. 2018. Vol. 12(3). P. 372–397.

*Ekert P., McConnel-Jinet S.* *Language and Gender*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

*Flores A.R., Herman J.L., Gates G.J., Brown T.N.T.* How Many Adults Identify as Transgender in the United States? Los Angeles, CA: The Williams Institute, 2016. // URL: <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/publications/trans-adults-united-states> (дата обращения: 21.04.2020).

*Gray J.* Entre el alivio y el palo': a Spanish trans man's narrative of transitioning in middle age // *Gender and Language*. 2018. Vol. 12 (4). P. 437–458.

*Hall K.* Exceptional speakers: Contested and problematized gender identities // S. Ehrlich, M. Meyerhoff, J. Holmes (eds). *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, 2014. P. 221–239.

*Holmes J.* Language and gender in the workplace // Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds). *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, 2014. P. 433–451

*Milani T.* Queering masculinities // Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds.) *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, 2014. P. 260–278.

*Pawelczyk, J.* 'It wasn't because a woman couldn't do a man's job': uncovering gender ideologies in the context of interviews with American female and male war veterans // *Gender and Language*. 2017. Vol. 11 (1). P. 121–150.

*Puar J.* Puar, J.K. *Terrorist Assemblages: Homonationalism in Queer Times*. Duke University Press, 2007.

*Queen R.* Language and sexual identities // Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds.) *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, 2014. P. 203–219.

*Rowlett B.J.L.* The lines are blurred': same-sex relationships and the local practice of sponsorship in Cambodia // *Gender and Language*. 2019. Vol. 13 (1). P.23–47.

*SturtzSreetharan C.* Academy of devotion: performing status, hierarchy, and masculinity on reality TV // *Gender and Language*. 2017. Vol. 11 (2). P. 176–203.

*VanderStouwe, C.* 'Straight-ish': agency, constraints, and the linguistic negotiation of identity and desire in online personal advertisements among men seeking men // *Gender and Language*. 2019. Vol. 13 (91). P. 122–145.

### Источники

Дефиниция местоимения MX (онлайн-словарь Merriam-Webster). URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/MX> (дата обращения: 20.02.2020).

Дефиниция местоимения They (онлайн-словарь Merriam-Webster). URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/they> (дата обращения 20.04.2020).

Дефиниция местоимения Ze (онлайн-словарь Macmillan Dictionary). URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/ze?q=zie> (дата обращения: 20.04.2020).

Энциклопедия Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/gender-identity> (дата обращения: 28.03.2020).

*Armus T.* A Virginia teacher was fired for refusing to use a trans student's pronouns. Now, he's suing his school district (02.10.2019). URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2019/10/01/virginia-teacher-fired-not-using-transgender-pronouns-sues-school/> (дата обращения: 04.04.2020).

*Athey A.* UMich to profs: don't say 'ladies and gentlemen,' 'mom and dad' (10.11.2016). URL: <https://www.campusreform.org/?ID=8372> (дата обращения: 20.02.2020).

*Cameron D.* Call me woman // Language: a feminist guide. URL: <https://debutk.wordpress.com/?s=call+me+woman> (дата обращения: 23.04.2020).

*Desmond is amazing.* URL: <https://desmon-disamazing.com> (дата обращения: 28.03.2020).

*Donnelly L.* Don't call pregnant women 'expectant mothers' as it might offend transgender people, BMA says (27.01.2017). URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/01/29/dont-call-pregnant-women-expectant-mothers-might-offend-transgender/> (дата обращения: 04.04.2020).

*Fitzgerald R.* Students now may designate personal pronouns on class rosters (27.09.2016). URL: <https://record.umich.edu/articles/students-now-may-designate-personal-pronouns-class-rosters/> (дата обращения: 02.04.2020). GSCC-Pronoun-guide. URL: <https://lgbt.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/GSCC-Pronoun-guide.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

*Horton H.* Boys can have periods too, children to be taught in latest victory for transgender campaigners (16.12.2018). URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/12/16/boys-can-have-periods-schoolchildren-taught-latest-victory-transgender/> (дата доступа 20.04.2020).

*Keenan J.* Father Gagged, Found Guilty Of 'Family Violence' For Calling His Trans Daughter A 'She' (24.04.2019). URL: <https://thefederalist.com/2019/04/24/father-gagged-found-guilty-family-violence-calling-trans-daughter/> (дата обращения: 20.04.2020).

*Ma A.* Air Canada will no longer call passengers 'ladies and gentlemen,' and will use the gender-neutral term 'everybody' instead (15.10.2019). URL: <https://www.businessinsider.com/air-canada-stop-ladies-and-gentlemen-replace-gender-neutral-everybody-2019-10> (дата обращения 02.04.2020).

### **История статьи:**

Дата поступления в редакцию: 28.04.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

### **Сведения об авторе:**

Гриценко Елена Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

*Контактная информация:*

603024 Нижний Новгород, ул. Генкиной, дом 67 кв. 37.

ORCID: 0000-0001-8669-360X

*e-mail:* elena.s.gritsenko@gmail.com

### **Для цитирования:**

Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики №3(49) 2021, С.60–73, doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73

Research article

## NEW TRENDS IN THE LINGUISTIC STUDY OF GENDER, ITS CONCEPTUALIZATION AND REPRESENTATION IN MODERN ENGLISH

Elena S. Gritsenko

National Research University Higher School of Economics,  
Nizhny Novgorod, Russia

### *Abstract*

The article examines recent shifts in the English-based research on language and gender. It addresses the denial of gender binary structure, recognition of gender identity fluidity, which may transcend the established ideas about masculinity and femininity or constitute a complete rejection of gender. In the discursive practices of everyday life, these tendencies manifest themselves in the creation of new words and affixes, a change in the reference and combinability of the words that make up the core of the gender concept, as well as the emergence of new communicative norms and practices that legitimize individuals' right to gender self-identification, non-heteronormative language and degenderization of communication. Research sample includes 250 text fragments from the English-language media, academic and specialized portals, lexicographic online resources, and everyday communication.

**Keywords:** English, gender, non-binary gender identity, masculinity, femininity, heteronormativity, degenderization of communication

### References

Kirilina, A.V. (2015) *Semioticheskiye osobennosti gendernykh representatsii v sovremennoy Rossii* [Semiotics of gender representations in modern Russia]. In: Scheller-Boltz D. (ed.) *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference "Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages"* (Innsbruck, 1–4 October 2014). Serie: Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, pp. 33–49. (in Russian).

Kirilina, A.V. (2019) *Oboznacheniya genderno znachimoy lersiki v svete protivopostavleniya globalnogo I onechestvennogo* [The designations of gender-sensitive vocabulary in the light of the opposition of the global and domestic (based on the Russian National Corpus)]. *Journal of Psycholinguistics*. 2(40), 12–27. (in Russian).

Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z., Luzina, L.G., Pankrats, Yu.G. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Moscow State University publ. (in Russian)

Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, Routledge.

Bratic, V. (2017) Commodification of women through conceptual metaphors: the metaphor "woman as a car" in the western Balkans. *Gender and Language*. 11 (1), 51–76.

- Cameron, D. (2014) Gender and language ideologies. In: Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds.) *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, pp. 281–297.
- Cashman, H. (2018) Narrating the intersection: body, time, space and transition in one queer life. *Gender and Language*. 12(4), 416–436.
- Comer, J. (2018) Equality on the sea’: interrogating LGBTQ privilege in the tourism discourse of Africa’s ‘gay capital’. *Gender and Language*. 12 (4), 59–503.
- Cresswell, C. (2017) Female agency in action: an examination of interactions in an online ‘Love and Relationships’ discussion forum. *Gender and Language*. 11 (1), 365–388.
- Ekert, P., McConnel-Jinet, S. (2003) *Language and Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- de Jesus, F.L., Caldas-Coulthard, R.C. (2018) Abjection and condemnation: media representations of a transgender criminal in Brasil. *Gender and Language*. 12(3), 372–397.
- Flores A.R., Herman J.L., Gates G.J., Brown T.N.T. (2016) *How Many Adults Identify as Transgender in the United States?* Los Angeles, CA: The Williams Institute. Available from: <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/publications/trans-adults-united-states> [Accessed 21st April 2020].
- Gray, J. (2018) Entre el alivio y el palo’: a Spanish trans man’s narrative of transitioning in middle age. *Gender and Language*. 12 (4), 437– 458.
- Hall, K. (2014) Exceptional speakers: Contested and problematized gender identities. In: S. Ehrlich, M. Meyerhoff, J. Holmes (eds). *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, pp. 221–239.
- Holmes, J. (2014) Language and gender in the workplace. In: Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds.) *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, pp. 433–451.
- Milani, T. (2014) Queering masculinities. In: Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds.) *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, pp. 260–278.
- Pawelczyk, J. (2017) ‘It wasn’t because a woman couldn’t do a man’s job’: uncovering gender ideologies in the context of interviews with American female and male war veterans. *Gender and Language*. 11 (1), 121–150.
- Puar, J. Puar, J.K. (2007) *Terrorist Assemblages: Homonationalism in Queer Times*. Duke University Press.
- Queen, R. (2014) Language and sexual identities. In: Ehrlich S., Meyerhof M., Holmes J. (eds.) *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, pp. 203–219.
- Rowlett, B.J.L. (2019) ‘The lines are blurred’: same-sex relationships and the local practice of sponsorship in Cambodia. *Gender and Language*. 13 (1), 23–47.
- SturtzSreetharan, C. (2017) Academy of devotion: performing status, hierarchy, and masculinity on reality TV. *Gender and Language*. 11 (2), 176–203.
- VanderStouwe, C. (2019) ‘Straight-ish’: agency, constraints, and the linguistic negotiation of identity and desire in online personal advertisements among men seeking men. *Gender and Language*. 13 (91), pp. 122–145.

### Sources

*Definitsiya mestoimeniya Mx* (online-slovar’ Merriam-Webster) [Definition of Mx (Merriam-Webster online Dictionary). Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/MX> [Accessed 20<sup>th</sup> February 2020].



*Definitisia mestoimeniya They* (online-slovar' Merriam-Webster) [Definition of They (Merriam-Webster online Dictionary)]. Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/they> [Accessed 20th February 2020].

*Definitisia mestoimeniya Ze* (online-slovar' Macmillan Dictionary) [Definition of Ze (Merriam-Webster online Dictionary)]. Available from: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/ze?q=zie> [Accessed 20th February 2020].

*Entsaiklopedia Britannica* [Encyclopedia Britannica]. Available from: [www.britannica.com/topic/gender-identity](http://www.britannica.com/topic/gender-identity) [Accessed 28th March 2020].

Armus, T. *A Virginia teacher was fired for refusing to use a trans student's pronouns. Now, he's suing his school district* (02.10.2019). Available from: <https://www.washingtonpost.com/nation/2019/10/01/virginia-teacher-fired-not-using-transgender-pronouns-sues-school/> [Accessed 4th April 2020].

Athey, A. *UMich to profs: don't say 'ladies and gentlemen,' 'mom and dad'* (10.11.2016). Available from: <https://www.campusreform.org/?ID=8372> [Accessed 20th February 2020].

Cameron, D. *Call me woman*. In: *Language: a feminist guide*. Available from: <https://debuk.wordpress.com/?s=call+me+woman> [Accessed 2d April 2020].

*Desmond is amazing*. Available from: <https://desmon-disamazing.com> [Accessed 28th March 2020].

Donnelly, L. *Don't call pregnant women 'expectant mothers' as it might offend transgender people, BMA says* (27.01.2017). Available from: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/01/29/dont-call-pregnant-women-expectant-mothers-might-offend-transgender/> [Accessed 4th April 2020].

Fitzgerald, R. *Students now may designate personal pronouns on class rosters* (27.09.2016). Available from: <https://record.umich.edu/articles/students-now-may-designate-personal-pronouns-class-rosters/> [Accessed 2nd April 2020].

*GSCC-Pronoun-guide*. Available from: <https://lgbt.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/GSCC-Pronoun-guide.pdf> [Accessed 20th April 2020].

Horton, H. *Boys can have periods too, children to be taught in latest victory for transgender campaigners* (16.12.2018). Available from: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/12/16/boys-can-have-periods-schoolchildren-taught-latest-victory-transgender/> [Accessed 20th April 2020].

Keenan, J. *Father Gagged, Found Guilty Of 'Family Violence' For Calling His Trans Daughter A 'She'* (24.04.2019). Available from: [thefederalist.com/2019/04/24/father-gagged-found-guilty-family-violence-calling-trans-daughter/](http://thefederalist.com/2019/04/24/father-gagged-found-guilty-family-violence-calling-trans-daughter/) [Accessed 20th April 2020].

Ma, A. *Air Canada will no longer call passengers 'ladies and gentlemen,' and will use the gender-neutral term 'everybody' instead* (15.10.2019). Available from: <https://www.businessinsider.com/air-canada-stop-ladies-and-gentlemen-replace-gender-neutral-everybody-2019-10> [Accessed 2nd April 2020].

© Gritsenko E.S., 2021

**Article history:**

Received: 28.04.2021

Accepted: 20.09.2021

**Bionotes:**

**Elena S. Gritsenko** – doctor of philology, professor, Head of the Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod.

**Contact information:**

603024 Nizhny Novgorod, 67 Genkina Str., 37

ORCID: 0000-0001-8669-360X

*e-mail:* elena.s.gritsenko@gmail.com

**For citation:**

Gritsenko E.S. (2021) New trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation in modern English. *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp.60–73  
Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73 (in Russian)

UDC 81'23

LBC 100.3

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-74-85

Research article

## GENDER, GRAMMAR AND DISCOURSE: THE CASE OF GERMAN<sup>1</sup>

Ursula Doleschal

Alpen-Adria-Universität Klagenfurt, Institut für Slawistik, Klagenfurt, Austria

### *Abstract*

In this article, we try to show how the discourse about grammatical and natural gender has changed over time starting with grammars from the 16<sup>th</sup> and 17<sup>th</sup> century, where we find a neutral and symmetric presentation of the genders, through the 18<sup>th</sup> and 19<sup>th</sup> centuries, when this discourse radically changes, up to the end of the 20<sup>th</sup> century, where we again reach a neutral presentation which is less symmetrical, though.

**Keywords:** gender, German, grammar

## ГЕНДЕР, ГРАММАТИКА И ДИСКУРС: НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Урсула Долешаль

Alpen-Adria-Universität Klagenfurt, Институт славистики,  
Клагенфурт, Австрия

### *Аннотация*

В статье автор стремится показать, как лингвистические взгляды о связи грамматического рода с биологическим полом человека менялись с течением времени, начиная с грамматик XVI–XVII в.в., где мы находим нейтральное и симметричное представление мужского и женского рода, далее в XVIII–XIX в.в., когда эти рассуждения радикально меняются, и, наконец, в XX в., где мы снова имеем нейтральное соотношение мужского и женского рода, которое, однако, менее симметрично, чем в XVI–XVII вв.

**Ключевые слова:** гендер, немецкий язык, грамматика

### **Introduction**

In this article, we will speak about language ideologies. Language ideologies can be folk ideologies, but they can also arise within or be corroborated by theoretical linguistic literature. Linguistic theories, as all science, are not independent from their historical

---

<sup>1</sup> First published as: “Rod, gramatika i diskurs: slučaj nemačkog jezika”. In: V. Vasić (Hrsg.): *Diskurs i diskursi: zbornik u čast Svenki Savić*. Novi Sad: Faculty of Philosophy at the University of Novi Sad, 2010, pp. 107–119 (in Serbian).

context. And so, any theoretical description of language reflects – to a greater or lesser extent – the way of thinking of a historical epoch.

In this article, I will try to show how the discourse about grammatical gender as a linguistic category is intertwined with the discourse about natural gender, i.e., about women and men, and how this discourse is historically situated. My material consists of grammars and manuals of style of German from the 16<sup>th</sup> century until the end of the 20<sup>th</sup> century (cp. “Sources” below, and [Jellinek 1913–1914, Naumann 1986, Roessler 1997, Žepić 1998]).<sup>2</sup> The periodization will largely follow [Laqueur 1990].

The present analysis aims at answering the following questions:

1. How is grammatical gender defined in the grammars, i.e., is grammatical gender related to natural gender? If so, how is this relationship conceived of?
2. How is the derivation of nouns denoting men and nouns denoting women described?
3. What other aspects of the gender difference are negotiated in the grammars and manuals?

To this end, I have investigated all chapters in a grammar or manual of style where either the category of grammatical gender or natural gender is treated.

As Laqueur [1990] writes, natural gender (or sex), as a category that fundamentally distinguishes women from men, has a rather complex history in European thinking, as evidenced by the history of medicine. For many centuries the female sex (in the sense of sexual organs) was conceived of as a complementary category of the male sex. Both sexes were understood as different but of equal nature. This traditional view changed radically with the period of Enlightenment, i.e., in the 18<sup>th</sup> century. Laqueur shows this by the analysis of written and pictorial documents. In the present article, we will show the same thing by analysing the discourse of grammars.

### **The investigation**

The discourse about grammatical gender and its relation to natural gender has changed over time. In the first period under investigation, Renaissance and Baroque, grammatical gender is seen as a feature of both the noun and the adjective. The authors<sup>3</sup> classify nouns according to their agreement behaviour on the one hand; on the other hand – according to their semantic potential to designate beings of male or female sex. So, Clajus, e.g., arrives at seven genders. Five are defined on the basis of agreement by the article in that there are masculine nouns with the article *der* (*der Man* – ‘the.m man’), feminine nouns with the article *die* (*die Frawe* – ‘the.f woman’) and neutral nouns with the article *das* (*das Haus* – ‘the.n house’), common nouns agreeing both with the article *der* and *die* (*der* or *die* *Gevatter* – ‘the.m or the.f godfather’) and the gender called “general” which is ascribed to adjectives, as they take all three articles (*der* – ‘the.m’, *die* – ‘the.f’, *das* – ‘the.n’). The

---

<sup>2</sup> The selection of grammars, although aiming at representativity, is unfortunately far from complete and should be improved in the future.

<sup>3</sup> We refer to [Albertus 1573, Oelinger 1574, Clajus 1578, Ritter 1616, Gueintz 1641, Schottel 1663, Stieler 1691, Bödiker 1698].

sixth gender is the so called “epicaenum” (epicene) and comprises those nouns which have only one article but can refer to both sexes, as do designations of animals (*der Sperling* – ‘the.m sparrow’). And lastly, there is the “genus dubium”, the dubious gender, comprising those nouns which show variation as to their article (*der teil & das teil* – ‘the.m part & the.n part’).

As we can see from the cited passage, grammatical gender and natural gender are not strictly separated in this period of grammaticography, but, at the same time, the exact nature of their relationship is not explained, and neither is a dependency relation between the two discerned. Grammatical gender is somehow related to natural gender, in that the “general rules” of recognizing the gender of a noun comprise formulations as: “Virorum, officiorum virilium, mensium, ventorum, & quadrantum anni nomina sunt generis Masculini. (...) Mulierum, muliebrium officiorum, arborum, quibus γενικόν non additur, & pleraque fructum ac fluviorum nomina sunt generis Foeminini.” (‘The nouns/names of men, male offices, months, winds and points of the compass are of masculine gender (...) the nouns/names of women, female offices, trees without their generic noun, and most nouns/names of fruits and rivers are of feminine gender’).<sup>4</sup> This formulation is repeated in a more or less identical manner in the grammars of German until the 18<sup>th</sup> century.

If we look at the derivation of female nouns from male ones by the suffix *-inn*, we also find a quite laconic description stating that: “Auf *-inn* ausgehende sind alle Weibliches Geschlechts bedeutend den Nahmen, die Person oder Ankunft des Weibes, werden meisten Theils von der Hauptendung *-er* welche den Nahmen, die Ankunft oder Person des Mannes andeutet formiret.”<sup>5</sup> (‘[Those] ending in *-inn* are all of feminine gender denoting the name, the person or origin of the woman, are mostly formed from the main ending *-er* which indicates the name, the origin or person of the man’). Such a formulation implies parallelity of male and female. This parallelity can also be seen in other parts of the grammars, e.g., in the lexemes used for exemplifying the different forms of the adjective: “der geleerte man, die geleerte fraw, das geleerte mensch” (‘the.m learned man, the.f learned woman, the.n learned human’ [Oelinger 1574: 26]); “der Mann ist stark, die Frau ist stark, das Thir ist stark” (‘the man is strong, the woman is strong, the animal is strong’ [Schottel 1663: 262]), “Liebender, -de, -des; Geliebter, -te, -tes.” (‘loving -m, -f, -n’; ‘beloved -m, -f, -n’ [Gueintz 1641: 84] and [Stieler 1691: 62]): the same attributes are ascribed to men, women, and animals as well. We do not find any cases of stereotypisation. Moreover, the attributes are all a virtuous nature.

In the following period of Enlightenment, we notice a change in the discursive practice of grammaticography, which is certainly not accidentally paralleled by a change of view in medicine of that time [Laqueur 1990, ch. 5]. Let us first look at the influential work “Deutsche Sprachkunst” by Johann Christoph Gottsched [1749, 1762]. It is here that for the first time a philosophical passage of about one page is introduced trying to give reasons for the existence of the (now, since [Schottel 1663]) three grammatical genders of German. Gottsched ([1762], cited according to [Mitchell 1978: 197–198]) states that German has three genders because of the fact that human beings and animals distinguish two sexes but

<sup>4</sup> [Clajus 1578], cited according to [Weidling 1894: 26–27].

<sup>5</sup> [Schottel 1663: 355–356], as exemplary for the discourse of the 16th and 17th centuries.

there are many other things which are neither man nor woman and therefore he calls the third gender the “dubious” (“ungewiss”) one: “§9 Da Menschen und Thiere von zweyerley Geschlechtern; außer diesen aber, viele andere Dinge, weder Mann noch Weib sind, sondern ein unbestimmtes Geschlecht ausmachen: so hat man auch in den Wörtern der Sprachen dreyerley Geschlechter, nämlich das männliche, weibliche und ungewisse eingeführet.”

He argues that this is the term that should be preferred against “thingly” (“dinglich”), because when using words like *das Kind* (‘the.n child’), *das Thier* (‘the.n animal’) it remains unclear if we are speaking of a male or a female being. According to Gottsched, it is to be blamed on the inconsistency of the plebs who in the first place made the language that there is no unique relationship between the semantics and the grammatical gender of nouns in German, especially the fact that there are nouns denoting male or female beings (diminutives) which are of neuter, i.e., “dubious”, gender, as *Knäblein* (‘little boy’), *Töchterlein* (‘little daughter’), but also nouns for denoting unsexed things which have masculine or feminine gender.

It is interesting to note that although the argumentation starts from a natural classification of beings in sexed – male and female – and unsexed ones and relates this threefold classification to the grammatical classes found in language, it is nevertheless not argued that this relationship existed from the beginning and changed with the course of history. On the contrary, Gottsched seems to assume that an inconsistency between natural and grammatical gender has existed right from the beginning of the “making of language”, because, as he writes, it was the plebs who made language. Such a view is interesting from the point of view of a language ideology, because the categories of language are not seen as something created and imposed by god or any other higher instance.

Nevertheless, Gottsched believes that the relationship between natural and grammatical gender is “grounded in the essence of things.” This conclusion is based on the regularity of the relationship between the masculine gender and the male sex, which, as he states, is “without exception” (“Diese Regel hat gar keine Ausnahme; weil sie sich auf das Wesen der Dinge gründet (...)” [Gottsched 1749: 171–172, 1762, cited according to Mitchell 1978: 248]), although he immediately has to admit the inconsistent neuters as *Knäblein* (‘little boy’), *Söhnlein* (‘little son’). However, he plays this inconsistency in the masculine gender down, arguing that it is a consequence of certain syllables, whereas for the feminine he emphasizes the same inconsistency between female sex and grammatical gender, as evidenced by neuters as *Weib* (‘woman’). It is of course true from the point of view of contemporary linguistics that gender assignment by suffixes as *-lein* takes place on another level of linguistic structure than the neuter gender of a monomorphemic word as *Weib* (‘woman’) which was at the same time the basic word for designating a woman. Nevertheless, Gottsched’s highlighting of this one contrast in consistency between masculine/male and feminine/female shows that the two genders are not treated equally. This can also be deduced from the formulation of the rules for discerning gender themselves: these rules are formulated in a similar but not identical way as compared to earlier grammars. For the masculine gender the first rule is: “**Wörter, die männliche Namen, Ämter, Würden oder Verrichtungen bedeuten, sind auch männliches Geschlechtes.**” (Gottsched, op.cit., boldface in the original; ‘words that denote male names, offices, ranks or occupations are also of masculine gender’). For the feminine gender the rule sounds: “**Alle Namen und Benennungen, Ämter, Titel, Würden und Verrichtungen des Frauenvolkes**

**sind weibliches Geschlechtes**” (Gottsched, op.cit., boldface in the original; ‘all names and designations, offices, titles, ranks and occupations of womenfolk are of feminine gender’). Firstly, men and women are not introduced parallelly: men are designated only by the adjective “männlich” (‘male’), whereas women are named by a collective noun “Frauenvolk” (‘womenfolk’), which sounds somewhat condescending. Secondly, the examples that illustrate the two rules are given as a whole block for the masculine gender: “Z.E. der *Kaiser*, der *König*, der *Herzog*, der *Fürst*, der *Graf*, der *Herr*, der *Mann*” (e.g., ‘the emperor, the king, the duke, the prince, the earl, the lord, the man’). For the feminine gender, on the other hand, the examples are itemized according to the classes named (names and designations, offices, titles, ranks and occupations). Therefore, according to Gottsched, kinship terms as *Base* ‘cousin’, *Schwester* ‘sister’ etc. are designations, certain ranks, on the other hand, are “titles”, as *Äbtissinn* ‘abbess’ or *Gräfinn* ‘countess’, whereas nouns as *Dichterin*, *Poetinn* ‘poetess’ as well as again *Gräfinn* ‘countess’, *Prophetinn* ‘prophet’ and others are “ranks”. In the last place he has occupations, such as *Bäuerinn* ‘peasant’, *Köchin* ‘cook’ etc.

We can note another inconsistency here, which is this time due to the author, not to the language system: although he introduces the class “offices”, he, nevertheless, does not give any examples for this class, although, in our understanding, *abbess*, e.g., is an office rather than a title, and we would think that *poetess* means an occupation rather than a rank.

Gottsched [1762, cited after Mitchell 1978: 245–246] makes another attempt to systematize female personal nouns which leads to an inconsistency on the one hand and to ideologization of grammar on the other: He distinguishes between occupational terms for women “when these are really engaged themselves” (“wenn diese wirklich selbst in Diensten stehen”), such as *Kammerfrau* ‘lady-in-waiting’ and designations for women “where the womenfolk are not on duty themselves” (“wo das Frauenvolk nicht selbst die Dienste thut”). In this case, they “retain the name of their husbands with a feminine ending” (“behalten sie den Namen ihrer Männer, mit einer weiblichen Endung”), e.g., *Ministerinn* ‘minister-ess’, *Professorinn* ‘professor-ess’. The inconsistency lies in the fact that in another place (see above) he cites nouns with the same feminine ending as *Bäuerinn* ‘peasant’ and *Köchin* ‘cook’ as designations of occupations (i.e., the women are themselves in charge), as well as *Äbtissinn* ‘abbess’ who certainly does not “retain the name of [her] husband”.

These changes as compared to the presentation of gender in earlier grammars, although few, are significant in that they show clear attempts at a de-parallelization of the male and the female: 1) by introducing systematic differences in the description and making them seem larger and more general than they really are and 2) by presenting the masculine gender as something naturally regular and the feminine as something potentially aberrant. This significance is corroborated by the fact that a contemporary grammar by Aichinger [1754: 191–192] treats the phenomenon of feminization in a more differentiated and empirically adequate manner: “Thus we move<sup>6</sup> (...) the male offices, ranks, crafts and manners, within which a woman is either what the man is, too, e.g., *prince*, *princess*, *landlord*, *landlady*, *peasant*, *peasant-f*, *fool*, *fool-f*, *thief*, *thief-f*; or are just named after their husband, as:

<sup>6</sup> i.e., we feminize

*maire-f, vicar-f, judge-f, carpenter-f, shoemaker-f.*” (“Es werden demnach bewegt (...) Die männlichen Ämter, Würden, Handwerke und Lebensarten, in deren Ansehung ein Weib entweder auch ist, was der Mann ist, z.B. *Fürst, Fürstinn, Wirth, Wirthinn, Bauer, Bäuerinn, Narr, Närrin, Dieb, Diebinn*; oder nur nach ihrem Ehemanne genennet wird, als: *Bürgermeisterinn, Pfarrerinn, Richterinn, Schreinerinn, Schusterinn.*”) Aichinger’s example shows that Gottsched’s view is not the only way of grammatical thinking at that time (there are also other voices as [Meiner 1781, Becker 1836, Brugmann, cp. Naumann 1986: 187–200, Leiss 1994, 2000]), but a deliberate choice.

In his grammar “Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache” [1782] the distinguished linguist Johann Christoph Adelung extends the philosophical introduction to the category of gender we first found in Gottsched’s *Sprachkunst* to a treatise of five pages length in which he argues that 1) grammatical gender is a basic category of every language and that 2) the reason for the existence of grammatical genders lies in the imagination of the savage, who saw everything as animate or having a soul. As Gottsched, he does not start from a logical origin of gender; on the contrary, it is the nature of uncivilised people who first created language that is responsible for the chaotic distribution of nouns to the three genders. Adelung even hypothesises that because of the pervasiveness of sex in living beings, there were first only two grammatical genders, which were assigned to nouns based on their semantic content, so that nouns corresponding to “the concepts of liveliness, activity, strength, size, probably also the terrifying and awful became masculine; everything one thought of as receptive, fertile, gentle, suffering, agreeable became feminine.” (“Alles, was den Begriff der Lebhaftigkeit, Thätigkeit, Stärke, Größe, auch wohl des Furchtbaren und Schrecklichen hatte, ward **männlich**; alles, was man als empfänglich, fruchtbar, sanft, leidend, angenehm dachte, ward **weiblich**” [Adelung 1782: 346]). Only later, when people came to understand that most things were inanimate, the neuter gender came into being and was assigned to nouns “when the feelings were divided or the concept so dark that none of the former feelings overweighed the other” [Adelung 1782: 346]. It is interesting to note that Adelung relates grammatical gender to natural gender on the one hand, and, on the other, – to characteristics which we nowadays know as gender stereotypes. As we have seen, this is the first time in German grammaticography where such a relationship is established, and it is completely in line with cultural history [cp. Laqueur 1992: 175, 1990, ch. 5]. The deparallelization of the two sexes is also noticeable in the choice of examples for language phenomena and in a noticeable surplus of masculine examples: in order to illustrate the declension of nominalized adjectives Adelung [1782: 661] gives *der Weise* ‘the wise man’ and *die Schöne* ‘the beautiful woman’. In his work “Über den deutschen Styl” (‘on German style’, [Adelung 1787]), too, there is a chapter about forms of address, where only male persons are addressed, i.e., we find only masculine examples.

Gender stereotypes can be found in different places in the succeeding grammars: Becker [1824: 56], who does not subscribe to the view that grammatical gender in inanimate nouns is related to natural gender via stereotypes, still draws a parallel between active and passive word-formation suffixes and the masculine and feminine genders, but without becoming too explicit: “The difference between the active and the passive person first appears in the forms *teacher, educator* and *trainee, pupil*: in a wider sense it also includes the difference of the masculine and feminine genders.” (“Die Differenz der thätigen und leidenden Person erscheint zunächst in den Formen *Lehrer, Erzieher* und *Lehrling, Zögling*: in einem weitem



Sinn umfaßt sie auch die Differenz des männlichen und weiblichen Geschlechts.”) So, we see that the discourse relating natural gender to grammatical phenomena via stereotypes is a regular element of discourse in the 19th century.

This kind of discourse is revealed most consequentially in Jacob Grimm’s grammar of 1831 [Grimm 1890]. The chapter on gender is very large (over 50 pages) and starts with the same comparison Becker used, but in contradistinction to the former, the parallelism is explicated and stated as fundamental: “This difference reaches so far into the essence of the noun and its forms as does the one between the active, passive and medium in the verb. Both classifications may be compared in more than one respect; [...] the active shows itself as the masculine as the most important and initial form, the passive as the feminine as one which is derived from the former, the medium as the neuter as a mixture or combination of active and passive, male and female forms” (“Dieser unterschied greift so tief in das wesen des nomens und seiner formen wie der zwischen activum, passivum und medium in die des verbuns. Beide eintheilungen laßen sich in mehr als einer hinsicht vergleichen; [...] das activum erscheint wie das masculinum als die wichtigste und ursprünglichste form, das passivum wie das femininum als eine aus jenem abgeleitete, das medium wie das neutrum als eine mischung oder verbindung activer und passiver, männlicher und weiblicher formen.” [Grimm 1890: 307]). In the same passage Grimm also states that the three genders are in a way three languages, since a man says *pulcher sum* (‘I am beautiful.m’), a woman *pulchra sum* (‘I am beautiful.f’) and a child *pulchrum sum* (‘I am beautiful.n’). In such a way, we immediately relate the comparison between two grammatical categories – voice and gender – via metaphor to gender stereotypes and thus to natural gender. This system of metaphors as well as the comparison of the masculine with the active, the feminine with the passive, and the neuter with the medium is pervasive in Grimm’s grammar and emerges everywhere where the topic of gender is treated. Grimm introduces a lot of stereotypes which are very often also evaluative and demonstrate the higher rank of the masculine-male over the feminine-female. E.g., he thinks of the masculine as “the most vivacious, strong and initial form”, which, he argues, is corroborated by the fact that the masculine form usually ends in a strong, consonantal ending, which he terms “strict”, whereas the feminine usually ends in a “soft” -a. If the masculine form ends in a vowel, it is a short one, whereas feminine forms have long vowels, and this again shows the distinction of the masculine, since short vowels are obviously “older and more noble” than the long ones which are dependent on the former [Grimm 1890: 309]. Grimm’s discourse is typical of Romanticism and is not repeated in the following, modernistic and thus more rational, grammars (with the exception of the Duden grammars [1935, 1966], but in a very abridged form). Yet, his way of thinking has influenced generations of linguists in their thinking about the origin of gender until the end of the 20<sup>th</sup> century [Leiss 1994].

The period after Grimm is less emotional in grammaticography, but very emotional if manuals of style are taken into consideration, which become more and more important at the fin de siècle and afterwards (e.g. [Bennewitz 1920, Engel 1918, Wustmann]). Here, the use of the right gender for the designation of women but also for ships and other objects is discussed. Manuals of style argue for the use of feminine nouns for women and the reservation of masculine nouns for men (cp. [Doleschal 2002]). This is interesting, since in the 1970s women had to fight for the recuperation of the right to feminine nouns. In the time after 1945, the view on the relationship between grammatical and natural gender

changed radically and grammars now state that grammatical gender is a purely formal feature of nouns that has nothing to do with natural gender of human or other living beings, arguing that there are 1) nouns with feminine gender denoting men (e.g., die Waise ‘orphan’) and 2) that masculine nouns are gender-neutral and denote persons as such, e.g.: “it does not actually denote a male person, but rather (without regard of natural gender) just the subject of behaviour.” (“*Lehrer* ist, wer zum Beruf das Lehren gewählt hat; *Lehrerin* ist dazu die moderne weibliche Variante. Im Verhältnis der beiden Varianten ist das Masculinum das Grundwort. Es nennt eigentlich nicht eine männliche Person, sondern (ohne Rücksicht auf das natürliche Geschlecht) allein das Subjekt eines Verhaltens.” [Brinkmann 1962: 19–20]) It is also interesting to find that in the second half of the 20<sup>th</sup> century, the derivation of feminine nouns by the suffix *-in* which was presented as a fully productive process by all grammars up to the end of the 19<sup>th</sup> century and especially by the manuals of style is now seen as something difficult or “new” (cp. the quotation above).

Only from the 1980s on, the discourse on gender in German grammars ([Eisenberg 1986, Hentschel, Weydt 1990]) has again been free from ideological positions, while also describing the facts in a more adequate way than did the grammarians of the 16<sup>th</sup> and 17<sup>th</sup> centuries.

### Conclusions

Linguistic thought and linguistic description are bound to their time and reflect contemporary ideologies by setting up language ideologies. Although this relationship is not a deterministic one, i.e., other positions are also possible, the mainstream usually reflects the mainstream currents of thought. It is especially interesting to note that the change in discourse may be abrupt as we have noticed both for the 18<sup>th</sup> and the second half of the 20<sup>th</sup> century, and there is no need to refer to earlier views. What we have also seen is that the degree of ideologisation of grammatical discourse can vary greatly: Whereas during Renaissance and Baroque as well as during the Postmodern time we find rather neutral discussions of gender, the period of Enlightenment, Romanticism and Modernism are periods where the topic “gender” was highly ideologised.

### References

Doleschal, Ursula (2002). Das generische Maskulinum im Deutschen. Ein historischer Spaziergang durch die deutsche Grammatikschreibung von der Renaissance bis zur Postmoderne. *Linguistik online* 11/2. Available from: [http://www.linguistik-online.de/11\\_02/](http://www.linguistik-online.de/11_02/), 39–70.

Jellinek, Max Hermann (1913–1914). *Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von den Anfängen bis auf Adelung* (Vol 1–2). Heidelberg, Winter.

Laqueur, Thomas (1990). *Making Sex. Body and gender from the Greeks to Freud*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press.

Laqueur, Thomas (1992). *Auf den Leib geschrieben*. Frankfurt/New York: Campus. (German translation of 1990).

Leiss, Elisabeth (1994). Genus und Sexus. Kritische Anmerkungen zur Sexualisierung von Grammatik. *Linguistische Berichte* 152, 281–300.

Leiss, Elisabeth (2000). Gender in Old High German. In: Unterbeck, Barbara/Rissanen, Matti (eds.) *Gender in Grammar and Cognition*. Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 237–258.

Naumann, Bernd (1986). *Grammatik der deutschen Sprache zwischen 1781 und 1856. Die Kategorien der deutschen Grammatik in der Tradition von Johann Werner Meiner und Johann Christoph Adelung*. Berlin, Schmidt.

Roessler, Paul (1997). *Die deutschen Grammatiken der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Österreich*. Frankfurt a. M., Lang.

Žepić, Stanko (1998). *Deutsche Grammatiken kroatischer Verfasser in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts*. Frankfurt a. M., Lang.

### Sources

Adelung, Johann Christoph (1782): *Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen*. 1. Bd. Leipzig, Breitkopf.

Adelung, Johann Christoph (1787): *Über den deutschen Styl*. Berlin, Voß.

Aichinger, Carl Friedrich (1754): *Versuch einer teutschen Sprachlehre*. Wien, Kraus. (reprint 1972 Hildesheim, Olms).

Albertus, Laurentius (1573) *Teutsch Grammatick oder Sprachkunst*. Augsburg, Michael Manger. (Müller-Fraureuth 1895)

Basler, Otto (1935) *Der große Duden. Grammatik der deutschen Sprache; eine Anleitung zum Verständnis des Aufbaus unserer Muttersprache*. Leipzig, Bibliographisches Institut.

Becker, Karl Ferdinand (1824) *Die deutsche Wortbildung oder die organische Entwicklung der Sprache in der Ableitung*. Frankfurt a.M., Hermann.

Becker, Karl Ferdinand (1836) *Ausführliche deutsche Grammatik als Kommentar der Schulgrammatik*. Frankfurt a.M., Hermann.

Behaghel, Otto (1930 [1886]) *Die deutsche Sprache*. Leipzig, Freytag.

Bennewitz, A. (1920) *Die Schwierigkeiten unserer Muttersprache*. Leipzig, Gloeckner.

Blatz, Friedrich (1900) *Neuhochdeutsche Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der Deutschen Sprache*. 3. völlig neu bearbeitete Auflage in 2 Bänden. Karlsruhe, Lang.

Bödiker, Johannes (1698) *Grund-Sätze der Teutschen Sprache*. Berlin, Meyers Erben u. Zimmermann.

Braun, Heinrich (1765) *Anleitung zur deutschen Sprachkunst, zum Gebrauche der Schulen in den Churlanden zu Baiern*. München, Ott.

Brinkmann, Hennig (1962, 1971) *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Bd. 1. Düsseldorf, Schwann.

Clajus, Johannes (1578) *Grammatica germanicae linguae ex optimis quibusque autoribus collecta*. Leipzig. (Weidling 1894)

Drosdowski, Günther et al. (1984) *Duden-Grammatik*. Mannheim, Duden Verlag.

Drosdowski, Günther et al. (1995) *Duden-Grammatik*. Mannheim, Duden-Verlag.

Duden Grammatik (1935) (Basler 1935)

Duden Grammatik (1966) (Grebe et al. 1966)

- Duden Grammatik (1973) (Grebe et al. 1973)
- Duden Grammatik (1984) (Drosdowski et al. 1984).
- Duden Grammatik (1995) (Drosdowski et al. 1995).
- Duden Grammatik (1998) (Eisenberg et al. 1998).
- Eichler, Wolfgang/Bünting, Karl-Dieter (1976), *Deutsche Grammatik. Form, Leistung und Gebrauch der Gegenwartssprache*. Kronberg/Ts., Athenäum.
- Eisenberg, Peter (1986) *Grundriß einer deutschen Grammatik*. Stuttgart, Metzler.
- Eisenberg, Peter (1998) *Grundriß der deutschen Grammatik*. Bd. 1. Das Wort. Stuttgart, Metzler.
- Eisenberg, Peter (1999) *Grundriß der deutschen Grammatik*. Bd. 2. Der Satz. Stuttgart, Metzler.
- Eisenberg, Peter et al. (1998) *Duden-Grammatik*. Mannheim, Duden-Verlag.
- Engel, Eduard (1918) *Gutes Deutsch. Ein Führer durch Falsch und Richtig*. Leipzig, Hesse und Becker.
- Engel, Ulrich (1988) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg, Groos.
- Engelien, August (1902 [1867]) *Grammatik der neuhochdeutschen Sprache*. Berlin. [Reprint 1972, Hildesheim, Olms]
- Erben, Johannes (1965 [1958]) *Abriß der deutschen Sprache*. Berlin, Akademie-Verlag.
- Erben, Johannes (1972) *Deutsche Grammatik. Ein Abriß*. München, Hueber.
- Fleischer, Wolfgang et al. (Hg.) (1983) *Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache*. Leipzig, Bibliographisches Institut.
- Gottsched, Johann Christoph (1749) *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*. Leipzig, Breitkopf.
- Gottsched, Johann Christoph (1762) *Vollständigere und Neuerläuterte Deutsche Sprachkunst*. Leipzig: Breitkopf. (Mitchell 1978)
- Grebe, Paul et al. (1966) *Duden-Grammatik*. Mannheim, Duden-Verlag.
- Grebe, Paul et al. (1973) *Duden-Grammatik*. Mannheim, Duden-Verlag.
- Grimm, Jacob (1890 [1831]) *Deutsche Grammatik*. Dritter Theil. Neuer vermehrter Abdruck besorgt durch Gustav Roethe und Edward Schroeder. Berlin, Dümmler.
- Grimm, Jacob (1898 [1837]) *Deutsche Grammatik*. Vierter Theil. Neuer vermehrter Abdruck besorgt durch Gustav Roethe und Edward Schroeder. Berlin, Dümmler.
- Gueintz, Christian (1641) *Deutsche Sprachlehre*. Entwurf. Cöthen [reprint 1978, Hildesheim, Olms]
- Heidolph, Karl-Erich et al. (1981) *Grundzüge einer deutschen Grammatik*. Berlin, Akademie-Verlag.
- Hentschel, Elke/Weydt, Harald (1990) *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin, de Gruyter.
- Heynatz, Johann Friedrich (1774) *Briefe die deutsche Sprache betreffend*. Berlin, Mylius.
- Heynatz, Johann Friedrich (1770) *Deutsche Sprachlehre zum Gebrauch der Schulen*. Berlin, Mylius.
- Jung, Walter (1966) *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig, Bibliographisches Institut.

Meiner, Johann Werner (1781) *Versuche einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre oder Philosophische und allgemeine Sprachlehre*. Leipzig, Breitkopf.

Mitchell, P.M. (1978) *Johann Christoph Gottsched. Ausgewählte Werke. Achter Band. Deutsche Sprachkunst* bearbeitet von Herbert Penzl. Berlin, de Gruyter.

Müller-Fraureuth, Carl (1895) *Die deutsche Grammatik des Laurentius Albertus*. Straßburg, Trübner.

Oelinger, Albertus (1574) *Underricht der Hoch Teutschen Spraach*, Grammatica. Straßburg (reprint 1975, Hildesheim, Olms).

Paul, Hermann (1916–1920) *Deutsche Grammatik*. 5 Bde. Halle a.S., Niemeyer.

Ritter, Stephan (1616) *Grammatica germanica nova*. Marburg.

Schottel, Justus Georg (1663) *Ausführliche Arbeit von der teutschen Hauptsprache*. Braunschweig, Zilliger.

Stieler, Kaspar von (1691) *Der teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs oder teutscher Sprachschatz*. Nürnberg, Hofmann.

Sütterlin, Ludwig (1900) *Die deutsche Sprache der Gegenwart*. Leipzig, Voigtländer.

Sütterlin, Ludwig (1924) *Neuhochdeutsche Grammatik mit besonderer Berücksichtigung der neuhochdeutschen Mundarten*. 1. Hälfte. München, Beck.

Weidling, Friedrich (Hg.) (1894) *Die deutsche Grammatik des Johannes Clajus nach dem ältesten Druck von 1578 mit den Varianten der übrigen Ausgaben*. Straßburg, Trübner.

Weinrich, Harald (1993) *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim, Duden-Verlag.

Wilmanns, Wilhelm. (1899) *Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. II. Abteilung, Wortbildung*. Straßburg, Trübner.

Wilmanns, Wilhelm. (1909) *Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. III. Abteilung, Flexion*. 2. Hälfte: Nomen und Pronomen. Straßburg, Trübner.

Wustmann, Gustav (1908) *Allerhand Sprachdummheiten*. Leipzig, Grunow.

Wustmann, Gustav (1917) *Allerhand Sprachdummheiten*. Straßburg, Trübner.

Wustmann, Gustav (1943) *Allerhand Sprachdummheiten* von Werner Schulze. Berlin, de Gruyter.

Wustmann, Gustav (1966) *Allerhand Sprachdummheiten* von Werner Schulze. Berlin, de Gruyter.

Zifonun, Gisela et al. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd. 1. Berlin, IDS.

© Doleschal U., 2021

**Article history:**

Received: 19.07.2021

Accepted: 20.09.2021

**Bionotes:**

**Ursula Doleschal** – Univ.-Prof. Mag. Dr. in Alpen-Adria-Universität Klagenfurt, Institut für Slawistik.

**Contact information:**

Alpen-Adria-Universität Klagenfurt, Universitätsstraße, 65-67, 9020 Klagenfurt am Wörthersee, Austria

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1164-5635>

*e-mail*: [ursula.doleschal@aau.at](mailto:ursula.doleschal@aau.at)

**For citation:**

Doleschal, U. (2021) Gender, grammar and discourse: the case of German. *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp. 74–85. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-74-85

УДК 81'23

ББК 100.3

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-86-96

Научная статья

## ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

**Зинина Анастасия Михайловна**

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы  
Минина, Нижний Новгород, Россия

### *Аннотация*

В статье анализируется динамика гендерных репрезентаций в языковой картине мира и лексике китайского языка, описывается влияние идеологических трансформаций и глобальных процессов на формирование представлений о женственности и мужественности в современном Китае. В ходе исследования были проанализированы работы китайских лингвистов-гендерологов и выделены направления, где влияние западных теорий на гендерную лингвистику в Китае наиболее значимо. Языковые репрезентации социального статуса мужчин и женщин были рассмотрены в трех основных периодах: доимперский и имперский Китай, коммунистический Китай в XX веке, современный Китай в XXI веке. Основное внимание уделено современному китайскому языку в сфере Интернет-коммуникации, поскольку в настоящее время он является наименее исследованным. В качестве источников для отбора материала использовались Словарь интернет-языка Синьхуа (新华网络语言词典) и онлайн-словарь интернет-лексики 小鸡词典. Анализировались словарные статьи, слова и устойчивые выражения, содержащие морфемы 女 «женщина» и 男 «мужчина». Дополнительно в качестве примеров, отражающих различные тенденции в концептуализации гендера, использовались устойчивые выражения, встречающиеся в текстах песен, выступлениях артистов и других текстах популярной культуры.

**Ключевые слова:** китайский язык, гендерная асимметрия, женственность, мужественность, китайская языковая картина мира

### **Введение**

В условиях активного социально-экономического развития Китая происходят глубинные трансформации структуры общества, которые влекут за собой изменения в языковой картине мира носителей китайского языка. Так, в настоящее время можно наблюдать повышение социального статуса женщины, что отражается в появлении большого количества гендерных неологизмов. В течение длительного периода гендерные исследования в Китае были направлены на осмысление теорий и исследовательских методик, разработанных западными учеными, и их применение для анализа гендерных репрезентаций в китайском языке. На современном этапе гендерная лингвистика в Китае развивается в русле глобальных тенденций. Вместе с тем в фокусе внимания исследователей по-прежнему находится андроцентризм китайского языка и вторичный, «производный», статус женщины в китайской языковой картине мира.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы описать, как современный китайский язык отражает изменения в концептуализации гендера, обусловленные

сменой идеологии и социально-экономического контекста, а также рассмотреть, какое влияние на формирование представлений о гендере и их языковое отражение оказывают глобализационные процессы.

#### **Материал и методы исследования**

Материал исследования составили гендерно маркированные языковые единицы, представленные в Словаре интернет-языка Синьхуа [新华网络语言词典 2012] и онлайн словаре интернет-лексики 小鸡词典 [Цикпедия [http](http://)]. Для анализа отбирались словарные статьи, содержащие слова и устойчивые выражения, имеющие в своем составе иероглифы 女 «женщина» и 男 «мужчина», среди которых затем были отобраны слова и выражения, описывающие определенные черты представителей обоих полов. В качестве примеров, отражающих различные тенденции в видении гендера, использовались также устойчивые выражения, встречающиеся в песнях и других текстах популярной культуры. Основными методами исследования являются компонентный анализ, морфемный анализ, семантический анализ и сопоставление. Перевод и трактовка морфем производились с использованием словарных статей Большого китайско-русского словаря [Большой... [http](http://)].

#### **Обзор теоретических исследований, посвященных гендерным различиям в китайском языке**

Интерес к гендеру как объекту лингвистических исследований в Китае вырос в конце 70-х годов XX века и был обусловлен коренными изменениями китайского общества вследствие проведения политики и реформ открытости [Ван 2012]. Открывшийся доступ к результатам исследований лингвистов из Европы и Америки ознаменовал начало активных гендерных исследований в Китае. В этот период китайские лингвисты знакомятся с трудами западных коллег, осуществляют перевод зарубежных работ и сопоставление иностранных языков с китайским в аспекте гендерных языковых установок.

На современном этапе развития гендерной лингвистики в Китае активно ведутся исследования гендерных асимметрий и проявлений андроцентризма в китайском языке. Большой вклад в развитие гендерных исследований внес профессор Сунь Жуцзянь, руководитель института иностранных языков университета Хуацяо. В монографии «Гендерная лингвистика китайского языка» профессор Сунь обобщает опыт исследования гендерных асимметрий в китайском языке. В его исследованиях можно выделить три ключевых направления: исследование образов женщин и мужчин в китайском языке и культуре, анализ форм и причин гендерной дискриминации и выявление языковых различий в речевом поведении мужчин и женщин [Цит. по: Ван 2012].

Различия в речи мужчин и женщин проявляются в первую очередь на уровне фонетики. Основной причиной звуковых различий служит разница в длине голосовых связок, что обуславливает более высокий голос у женщин и более низкий голос у мужчин. Кроме того, существует ряд социокультурных и психологических факторов, оказывающих влияние на особенности произношения. На данный момент этот аспект китайской лингвистики является недостаточно изученным. Большинство исследований сфокусированы на рассмотрении явления *Нюй Гуо Инь* (女国音 «женский акцент»), которое было впервые описано китайским лингвистом Ху Миньяном.



Под *Нюй Гуо Инь* подразумевается более мягкое и менее слышимое произнесение переднезубных согласных [j], [q], [x] у девушек возрастной группы 15–30 лет в пекинском диалекте. Согласно Ху Минъяну, появление подобного альтернанта вызвано социопсихологическими причинами, поскольку более высокое и звонкое звучание признано более нежным и красивым [Ху 1988].

Гендерная асимметрия в лексике имеет различные формы. Она может, в частности, проявляться на уровне структуры письменного знака (логограммы). Графема 男 (nán, «мужчина») встречается в составе иероглифов достаточно редко, в основном она используется как самостоятельный иероглиф. Графема 女 (nǚ, «женщина») является структурным элементом значительного количества иероглифов, большая часть которых является именами собственными. Существует множество примеров, когда графема 女 (nǚ, «женщина») входит в состав иероглифа с негативным значением. Е.В. Абросимова выделяет три группы негативных лексических значений иероглифов с элементом 女 [Абросимова 2015]:

- низкий социальный статус женщины, как в иероглифах 妓 (jì, «работница публичного дома, певичка»), 婊 (biǎo, «проститутка»), 娼 (chāng, «певичка, публичная женщина»);

- отрицательные черты характера: 妒 (dù, «завидовать, ревновать»), 妨 (fáng, «вредить; причинять вред; приносить несчастье»), 奸 (jiān, «зло, пороки»), 媚 (mèi, «льстить, угождать, заискивать»);

- предосудительная внебрачная связь, как в иероглифах 奸 jiān «прелюбодеяние», 姘 pīn «иметь (вступать в) незаконную связь», 嫖 piáo «посещать публичные дома».

- При этом появление логограммы «женщина» в составе иероглифа не всегда свидетельствует о его негативном значении, передаваемые смыслы могут быть нейтральными и положительными, например: 奶 nǎi «молоко, молочный», 好 hǎo «хороший, приятный, красивый, добрый», 姓 xìng «фамилия, носить фамилию» и др. В словообразовании при сложении морфем для обозначения лиц мужского и женского пола *впереди в китайском языке всегда будет знак, обозначающий лицо мужского пола*: 男女 (nán nǚ, «мужчины и женщины»), 父母 (fù mǔ, «отец и мать»), 儿女 (ér nǚ, «сыновья и дочери»), 夫妻 (fū qī, «муж и жена, супруги»). Асимметрия наблюдается и на уровне лексем, указывающих на семейное положение человека, а также в наименовании профессий, должностей, в устойчивых идиоматических оборотах. Гендерная дискриминация прослеживается также и на уровне фразеологизмов [Абросимова 2015: 136–137].

- Активное изучение западными лингвистами «женского языка» и гендерных стратегий речевого поведения привлекло внимание китайских ученых к данным вопросам. Различия в стратегиях речевого поведения мужчин и женщин были описаны в работах Пан Сяоянь, пришедшей к выводу о том, что китайские женщины извиняются чаще, чем мужчины, используя при этом прямую стратегию извинения и наречия-усилителя (真 zhēn «действительно», 非常 fēicháng «чрезвычайно, очень», 十分 shí fēn «крайне, очень») [Пан 2004]. Результаты, полученные Пан Сяоянь, аналогичны выводам, которые сделала Робин Лакофф в работе «Language and Women's Place». Р. Лакофф выделила характерные для женщин стратегии речевого поведения, в частности, использование слов-интенсификаторов, супервежливость и гиперкорректность [Lakoff 1975].

В современной лингвистике прямая зависимость стратегии речевого поведения от гендера коммуникантов подвергается сомнению. Речевое поведение, являясь сложным умственным процессом, определяется множеством различных факторов. В частности, американские исследователи В. О'Барр и Б. Аткинс, проанализировав аудиозаписи выступлений свидетелей в суде, заключили, что приписываемое «женскому языку» активное использование формул вежливости и извинений встречается в равной степени как у мужчин, так и у женщин. При этом в речи женщин с более высоким уровнем образования и социальным статусом черты «женского языка» проявляются значительно реже, чем у мужчин [O'Barq, Atkins 1980]. К аналогичным выводам приходит Дуань Чэнган, изучавшая использование формул вежливости в речи продавцов и покупателей железнодорожных касс. Она установила, что пол покупателей не является фактором, определяющим частоту использования вежливых выражений, тогда как возраст и уровень образования служат значимыми факторами [Дуань 2008].

### **Отражение социального положения мужчины и женщины в китайском языке**

Положение мужчины и женщины в китайском обществе существенно различалось в разные эпохи. Большую часть своей истории китайское общество было патриархальным, однако начиная с XX века наблюдается постепенный отход от традиционного видения социального статуса мужчин и женщин. В настоящем исследовании рассматриваются три основных периода, отражающие различное положение мужчин и женщин в обществе: доимперский и имперский Китай, коммунистический Китай в XX веке и современный Китай XXI века.

- Социальный статус женщины в доимперском и имперском Китае был относительно низким, что нашло отражение в первую очередь в идиоматических выражениях, среди которых центральное место занимают устойчивые сочетания чэньюй. Чэньюй – это фразеологически связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырехсложных ритмических словосочетаний, насыщенных архаизмами, отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса [Чэнь 2007]. Андроцентризм китайского общества нашел отражение в чэньюй 重男轻女 (zhòng nán qīng nǚ, «ценить мужчин и презирать женщин; лелеять мальчиков (сыновей) и пренебрегать девочками (дочерьми)»), в устойчивом словосочетании 偏好儿子 (piānhào érzi, «предпочтение сыновьям»). Позиция подчинения, характерная для женщин, подчеркивается в чэньюй 夫唱妇随 (fūchàngfùsuí, «женщина во всем следует за мужем»). В патриархальном обществе в обязанности женщины входило лишь ведение домашнего хозяйства, мужчина всегда был выше женщины, о чем свидетельствуют следующие поговорки: 女人是枝花, 灶门口烧粑粑 («женщина – цветок, который жарит кукурузные пампушки», обязанность женщины – оставаться дома и готовить еду), 男人是天, 女人是地 («мужчина – небо, женщина – земля», женщина не может быть главной над мужчиной, как земля не может быть выше неба).

- Синьхайская революция и создание в 1912 году Китайской республики привели к коренным изменениям в структуре китайского общества и изменению социального положения женщины в сторону большего равноправия. Несмотря на то, что в ту эпоху многие женщины добровольно выбирали для себя роль домохозяйки – 全职太太 (quánzhí tàitai, «жена на полную ставку»), появились и работающие женщины – 半职太太 (bànzhí tàitai, «жена на полставки»). Женщина перестает рассматриваться как

низшее существо и становится партнером мужчины, стоит с ним на одном уровне как «держущая половину неба» (半边天 – bànbiāntiān, «половина неба»).

• В Китае XXI века под влиянием глобальных трендов наблюдается усиление роли феминистского движения. Важным концептом китайского языка становится понятие 女权 (nǚquán), изначально имевшее значение «права женщин», а сейчас используемое в значении «феминизм», как сокращение от 女权主义 (nǚquán zhǔyì, «феминизм»). В дискурсе Интернет-общения 女权 зачастую заменяется образным, созвучным по семантике словом 女拳 (nǚquán, «женский кулак»), что служит примером тенденции замены морфем при письменной коммуникации на омонимичные, благодаря чему расширяется поле значений слова, закрепляются имплицитные (скрытые) смыслы. В Интернет-коммуникации концепт 女拳 (nǚquán, «женский кулак») используется пользователями с целью буллинга представителей мужского пола, акцентируя внимание на том, что дискриминация женщин может вызвать ответную реакцию. На более глубоком уровне 女拳 как концепт отражает глобальную тенденцию изменения положения женщины и устранения гендерной асимметрии. В настоящее время влияние китайского движения 女拳 на Интернет огромно и за последние пять лет достигло своего пика. При этом некоторые исследователи отмечают, что активное продвижение 女拳 может провоцировать конфронтацию между мужчинами и женщинами, оказывать деструктивное влияние на институт семьи [Цикипедия <http>].

Укрепление позиций эгалитарной гендерной идеологии привело к трансформации социальных ролей и изменениям в концептуализации гендера, что отразилось в Интернет-коммуникации, поскольку язык Интернета является наиболее гибким и чувствительным к происходящим социальным изменениям, отличается динамичностью, непринужденностью, эмоциональностью и экспрессивностью [Чжан 2014; Гох 2010; Кондрашов 2004]. Поскольку язык цифровой коммуникации «не существует отдельно от общепотребительного языка и не заменяет его, а является дополнительным средством общения» [Цао 2012: 237–238], явления, характерные для сетевого общения, проникают и в другие сферы. В результате анализа гендерных репрезентаций в материале выборки были выделены следующие особенности репрезентации гендера в языковой картине мира современных китайцев:

Появление у женщины маскулинных черт. Активно используемый в интернет дискурсе термин 女拳 (nǚquán, «женский кулак»), в отличие от более нейтрального 女权 (nǚquán, «феминизм») наделяет женщину ярко выраженной маскулинностью и даже агрессией. Подобно этому слова 女汉字 (nǚhànzì, «пацанка, бой баба, мужеподобная девица») и 女强人 (nǚqiánggrén, «сильная женщина» – аналог английского *iron lady*), активно используются для обозначения сильных и решительных женщин, а также добившихся больших успехов в работе. Термин 女强人, образованный путем присоединения морфемы 女 (nǚ, «женщина») к слову 强人 (qiánggrén, «сильная личность»), также активно используется в феминистском дискурсе. Использование морфемы 女 (nǚ, «женщина») в сочетании с существительным усиливает акцент на гендерной принадлежности. Признание умственных и физических способностей женщины отражается в концепте 万能女主 (wànnéng nǚzhǔ, дословно «всемогущая хозяйка дома»), который подчеркивает успехи женщины в различных сферах жизни.

Сохранение традиционного видения женственности. Не теряют актуальности и традиционные представления о феминности, что проявляется в наличии большого количества слов и выражений, подчеркивающих женскую красоту, нежность и грацию.

Например, выражение 小仙女 (xiǎo xiānnǚ, «маленькая фея») называет девушек с миловидной внешностью, а 风一样的女子 (fēng yīyàng de nǚzi, «подобная ветру») используется для описания энергичных грациозных девушек, полных сил и энтузиазма. Слова 猪猪女 (zhūzhūnǚ) или 猪猪女孩 (zhūzhūnǚhái) в значении «девушка – свинка», используются для описания милой, оптимистичной и веселой девушки, не очень далекой и немного ленивой. Оба слова имеют позитивный оттенок: глупость и лень не осуждаются, а наоборот, придают девушке милый шарм. Однако в китайском языке присутствует и похожее выражение 猪精女孩 (zhūjīng nǚhái, «девушка-свинья»), которое используется в негативном значении, указывая на то, что девушка неаккуратна, не ухожена и толста. При этом следует отметить, что позитивные по своей форме выражения, подчеркивающие женственность, могут передавать и негативное значение. В качестве примера можно привести выражение 释迦女 (shìjiānǚ, «девушка – сахарное яблоко», «девушка – шакьямуни»). В данном случае девушка сравнивается с сахарным яблоком, которое хоть и выглядит сладким, но его вкус нравится далеко не всем. Внешняя красота и элегантность выражения контрастирует с негативным имплицитным значением, которое подразумевает, что при первой встрече девушка может показаться красивой, милой и женственной, но при более близком знакомстве обнаруживает множество негативных черт характера. Аналогично 草莓女 (cǎoméinnǚ, «девушка-клубника»), также используется для описания девушек, которые выглядят милыми, но при этом обладают капризным и вздорным характером. Следует отметить, что подобные «гастрономические» метафоры не подразумевают уничижительного отношения к женщине; в приведенных примерах женщина не рассматривается как объект или инструмент для удовлетворения потребностей мужчины. В этом прослеживается отличие от западных культур, где «гастрономические» метафоры ассоциируются с объективацией женщин [Гриценко 2011].

Высмеивание патриархального менталитета у женщин. Как производное от 女强人 (nǚqiángrén, «сильная женщина») в языке Интернет-общения появилось слово 女强奴 (nǚ qiáng nú, «сильная женщина – раб»), которое используется для описания самодостаточных женщин, как правило, с высоким уровнем доходов, сохранивших патриархальный менталитет. Данное выражение относится к финансово независимым женщинам, которые под влиянием традиционных представлений и из страха одиночества, полностью берут на себя работу по дому. Морфема 奴 (nú, «раб») передает саркастическое отношение к выбору женщины.

Уничижительное отношение к мужчинам. Возросшее влияние феминистского движения в Китае привело к появлению ряда устойчивых выражений, принижающих статус мужчин. Так, после выступлений популярной в Китае стендап артистки Ян Ли (杨笠) в Интернете набрали популярность такие выражения как 男的垃圾 (nán de lājī, «мужской мусор»), 男人还有底线? (Nánrén hái yǒu dǐxiàn? «Видят ли мужчины границы?»). Несмотря на то, что сама артистка отрицает свою приверженность к феминисткам, мужчины в её выступлениях описаны как не проявляющие уважения к женщинам, заносчивые и эгоцентричные [Ян Ли <http://>].

Появление феминных черт у мужчин. Характерная для глобальной гендерной идеологии тенденция размывания границ между мужским и женским приобрела гиперболизированные и несколько карикатурные черты в развитых азиатских странах. Эта тенденция проявляется, в частности, в образовании слов и фразеологизмов, акцентирующих внимание на появлении женственных черт у мужчин. В китайском

языке восприятие женственности как одной из форм мужской красоты выражено словом 男性美女 (nánxìng měinǚ, «красавица мужского пола»). Слово 女装 (nǚzhuāng, «женская одежда») в контексте Интернет-дискурса приобрело дополнительные значения и стало сокращением выражения 女装大佬 (nǚzhuāng dàlǎo, «знаток женской одежды»), используемого для обозначения мужчины, одевающегося как женщина. Распространение данного понятия связано с появлением выражения 生男生女都一样 (shēngnán shēng nǚ dōu yīyàng, «что мужчины, что женщины – всё одно»), которым описывается ситуация, когда пользователи выкладывают в сеть фотографии или записи стримов, где мужчины ходят в женской одежде наравне с женщинами. Выражение подчеркивает, что равенство между мужчинами и женщинами достигло такой степени, что внешне становится невозможно определить пол человека.

Антипатриархальные представления о мужественности находят отражение в китайской поп-культуре и, как следствие, активно обсуждаются в Сети. Например, название песни популярного китайского артиста Энди Лау 男人哭吧哭吧不是罪 (nánrén kū ba kū ba bùshì zuì, «плачь, мужчина, плачь, это не грех») закрепилось в речи Интернет-пользователей и стало символом принятия обществом того факта, что мужчины тоже имеют право на проявление слабости [Лау Энди [http](http://)].

Приведенные слова и выражения являются нейтральными и не передают негативного отношения к проявлению женственных черт у мужчин, что в целом характерно для восточного менталитета. Однако тенденция излишней феминизации мужчин встречает недовольство у некоторых категорий пользователей, в результате чего в Интернет-языке появляются гендерные неологизмы, которые высмеивают женственные качества в мужчинах. Так, в понятии 娘气 (niángqì, «женские замашки») присутствует оттенок недовольства, осуждения. То же наблюдается и в таких словах, как 娘炮 (niángpào) и 娘娘腔 (niángniāngqiāng), 娘炮 (niángpào, досл. «женская хлопущка»), которые переводятся как «женоподобный», «размазня», «слабак». Сохранение традиционного представления о том, что мужчина должен быть мужественным, отражается в гибридном выражении 男人很 man (nánrén hěn man), что означает «мужчина очень мужественный». В данном выражении проявляется характерная для Интернет-коммуникации в Китае тенденция смешения китайских иероглифов с английскими словами.

Появление гендерно нейтральных местоимений третьего лица единственного числа. Уход от бинарной концептуализации гендера под влиянием западной культуры отражается в появлении гендерно нейтральных местоимений. В июне 2021 года дизайнер Чжу Цзыпэн, руководитель арт-студии Razzle, опубликовал в Инстаграм пост, в котором представил новый иероглиф, который может стать аналогом гендерно нейтрального английского местоимения *they*. Предложенный дизайнером иероглиф сформирован путем соединения графемы 无 (wú «без/нет») с графемой 也, являющейся составной частью местоимений 他 (tā «он») и 她 (tā «она»). Чтение иероглифа соответствует чтению личных местоимений третьего лица единственного числа и в системе пиньинь должно записываться как *tā*. По мнению дизайнера, этот иероглиф может быть использован небинарными китаегворящими людьми [Чжу Цзыпэн [http](http://)]. Следует отметить, что появление гендерно нейтральных местоимений не является для китайского языка новым феноменом. Сторонники подобного видения гендера используют в письменной речи *X也* как местоимение третьего лица единственного числа, не указывающего на принадлежность к полу. Альтернативным вариантом написания местоимения является

запись латинскими буквами *TA*. Наличие гендерно нейтральных местоимений третьего лица прослеживается и в классическом письменном языке Вэньянь. К ним относится 之 (*zhī*, «его (её), их»), занимающее позицию дополнения и являющееся показателем прямого или косвенного объекта действия. Местоимение 其 (*qí*, «тот; этот, это; он, она, они; я, мы; ты, вы») используется как субститут подлежащего в придаточном предложении. Диалекты современного китайского языка под воздействием глобальных трендов ассимилируют гендерно нейтральные местоимения. Например, в шанхайском диалекте 伊 (*yī*, «она; он») является гендерно нейтральным, хотя применительно к женщинам оно используется чаще, чем применительно к мужчинам.

### Выводы

Анализ лексики, используемой в Интернет-коммуникации как области наиболее чувствительной к изменениям социальной среды, показал, что изменения в концептуализации гендера, происходящие в Китае, соответствуют общемировым тенденциям. В китайском языке появились гендерно нейтральные местоимения третьего лица, высмеивается патриархальный менталитет, создаются слова и выражения, используемые для уничижения мужчин. Влияние западной культуры прослеживается в изменениях восприятия мужественности и женственности: появились лексемы для описания феминности мужчин и маскулинности женщин, а также размывания границ между мужественностью и женственностью. Однако, хотя антипатриархальные взгляды усиливают позиции в современном китайском обществе, нельзя говорить о полном отходе от традиционных представлений.

© Зинина А.М., 2021

### Литература

- Абросимова Е.В.* Гендерная асимметрия в китайском языке // Вестник НАСА. 2015. №1. С. 135–141.
- Ван М.* Гендерные исследования в китайской лингвистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. №4 (36). С. 49–57.
- Гох О.В.* Лексика с переносным значением в интернет-языке // Альманах современной науки и образования. 2010. № 11 (42). Ч. 1. С. 142–144.
- Гриценко Е.С.* Метафора и гендер в процессах категоризации и концептуализации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (27). С. 13–17.
- Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования гендера: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2005. 404 с.
- Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 155 с.
- Кирилина А.В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Московский государственный лингвистический университет. М., 2000. 369 с.
- Кондрашов П.Е.* Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кубанский государственный университет. Краснодар: 2004. 189 с.
- Чэнь Ш.* Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза. Автореф... к. п. н., Иркутск, 2007. 23 с.

Lakoff R. Language and Women's Place. New York: Harper and Row, 1975.

O'Barr W., Atkins B. «Women's language» or «powerless language»? // Women and Language in Literature and Society / McConnel-Ginet S. et al. New York: Praeger, 1980.

王磊. 新华网络语言词典. 北京: 商务印书馆, 2012. (Ван Л. Словарь интернет-языка Синьхуа. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 2012.)

段成钢. 汉语礼貌语言使用的性别与年龄差异研究//语言教学与研究. 2008. (3). P. 57–63. (Дуань Ч. Исследование вежливой речи в китайском языке в аспекте гендера и возраста // Речевое обучение и исследование. 2008. № 3. С. 57–63.)

潘小燕. 汉语道歉言语行为的性别差异研究//西南交通大学学报. 2004. (1). P. 89–92. (Пан С. Исследование гендерного различия в речевом поведении извинения в китайском языке // Вестник Юго-западного университета Цзяо Тун. 2004. № 1. С. 89–92.)

胡明扬. 北京话“女国音”调查. 语文建设. 1988. (1). P. 26–31. (Ху М. Исследование «Нью Гуо Инь» в пекинском диалекте // Строительство филологии. 1988. № 1. С. 26–31.)

曹进. 网络语言转播导论. 北京: 清华大学出版社, 2012. (Цао Ц. Введение в интернет-коммуникацию. Пекин: Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2012.)

张玉玲. 网络语言的语体学研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2014. (Чжан Ю. Исследование стиля интернет-языка. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2014.)

#### Источники

Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] URL: <https://bkrs.info/>  
Лау Энди [Электронный ресурс] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%94%B7%E4%BA%BA%E5%93%AD%E5%90%A7%E4%B8%8D%E6%98%AF%E7%BD%AA/3755230>

Цикипедия. Словарь интернет лексики китайского языка. [Электронный ресурс] URL: <https://jikipedia.com/>

Чжу Цзыпэн [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/p/CQt6kFDr05d/>

Ян Ли [Электронный ресурс] URL: <https://www.bilibili.com/s/video/BV1xy4y1e7cd>

#### История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19.07.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

#### Сведения об авторах:

**Зинина Анастасия Михайловна** – преподаватель кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

#### Контактная информация:

603002, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

ORCID: 0000-0002-8002-3768

e-mail: [anastassiakhomenko@yahoo.com](mailto:anastassiakhomenko@yahoo.com)

#### Для цитирования:

Зинина А.М. Динамика гендерных репрезентаций в интернет-общении (на материале китайского языка) // Вопросы психолингвистики №3(49) 2021, С. 86–96, doi:10.30982/2077-5911-2021-49-3-86-96

UDC 81'23

LBC 100.3

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-86-96

Research article

## DYNAMICS OF GENDER REPRESENTATION IN ONLINE COMMUNICATION IN CHINESE

Anastasiia M. Zinina

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,  
Nizhny Novgorod, Russian Federation

### *Abstract*

The article describes changes in the vision of gender of the Chinese that are currently taking place due to globalization and the increased role of the feminist movement in the world. The article aims to describe words and phrases that reflect the contemporary gender vision of native Chinese speakers as well as to analyze the influence of global agenda on the formation of ideas about femininity and masculinity. The paper reviews the theoretical studies of Chinese scientists in the field of gender linguistics, determines the areas where the influence of Western theories is the most significant. The article describes the social status of men and women in three main periods: pre-imperial and imperial China, communist China in the 20th century, modern China in the 21st century. However, the main focus of the article is on the modern Chinese language, as there is a lack of studies in this field. Gender representations reflected in the Xinhua Internet Dictionary (新华网络语言词典) and the online dictionary 小鸡词典 were selected as the research material. We selected words and set phrases containing such characters as 女 “woman” and 男 “man”, studied their description provided by vocabulary entries, reviewed gender representation in media.

**Keywords:** the Chinese language, gender asymmetry, femininity, masculinity, Chinese linguistic world picture

### References

- Abrosimova, E.V. (2015) Gender asymmetry in the Chinese language. *Vestnik NASA*. (1), 135–141 (In Russian)
- Cao, J. (2012) *Wangluo yuyan zhuanbo dalun*. Beijing, Qinghua daxue chubanshe. (In Chinese)
- Chen, Sh. (2007) *Metodika obucheniya studentov ponimaniyu i interpretatsii kitaiskikh idiom chehn'yui na prodvinitom ehtape yazykovogo vuza* [Methodology for teaching students to understand and interpret Chinese idioms in Chengyu at an advanced stage of a language university]. Avtoref... k. p. n. Irkutsk. 23 p. (In Russian)
- Duan, Ch. (2008) Limao yuyan shiyong de xingbie yu nianling chayianjiu. *Yuyan jiaoxueyuyanjiu*. (3), 57–63. (In Chinese)
- Gokh, O.V. (2010) *Leksika s perenosnym znacheniem v internet-yazyke* [Vocabulary with a figurative meaning in the Internet language]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 11 (42), 142–144. (In Russian)
- Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]: Diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19/ Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Tambov. 404 p. (In Russian)



- Gritsenko, E.S. (2011) Metaphor and gender in categorization process. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2 (27), 13-17. (In Russian)
- Hu, M. (1988) Beijinghua nvguoyin diaocha. *Yuwen jianshe*. (1). (In Chinese)
- Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN. 155 p. (In Russian)
- Kirilina, A.V. (2000) *Gendernye aspekty yazyka i kommunikatsii* [Gender aspects of language and communication]: Diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19 / Moscow State Linguistic University. Moscow. 369 p. (In Russian)
- Kondrashov, P.E. (2004) *Komp'yuternyi diskurs: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Computer discourse: sociolinguistic aspect]: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19/ Kuban State University. Krasnodar. 189 p. (In Russian)
- Lakoff, R. (1975) *Language and Women's Place*. New York: Harper and Row.
- O'Barr W., Atkins B. (1980) «Women's language» or «powerless language». New York: Praeger.
- Pan, X. (2004). Hanyu daoqian yanyu xingwei de xingbie chayi yanjiu. *Xinan daxue tongbao*. (1). (In Chinese)
- Wan, L. (2012) *Xinhua wangluo yuyan cidian*. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese)
- Wan, M. (2016) Gender studies in Chinese linguistics. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 4 (36), 49–57. (In Russian)
- Zhang, Y. (2014) *Wangluo yuyan de yutixue yanjiu*. Beijing: Zhingguo shehui kexue chubanshe. (In Chinese)

© Zinina A.M., 2021

**Article history:**

Received: 19.07.2021

Accepted: 20.09.2021

**Bionotes:**

**Anastasiia M. Zinina** – Lecturer at Foreign Language Professional Communication Department at Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

**Contact information:**

1, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, Russia, 603002

ORCID: 0000-0002-8002-3768

*e-mail*: anastassiakhomenko@yahoo.com

**For citation:**

Zinina, A.M. (2021) Dynamics of gender representation in online communication in Chinese. *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp. 86–96. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-86-96 (in Russian)

УДК8 11.111>373.2-055.1/3:796

ББК Ш 100.62

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-97-108

Научная статья

## ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЙМИНГА В ТАНЦЕВАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Щурина Евгения Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,  
Нижний Новгород, Россия

### *Аннотация*

В статье анализируются особенности репрезентации гендера в названиях команд на соревнованиях по современным танцам. Материал исследования составили 1260 названий команд – участниц танцевального чемпионата Project 818, проходившего в Москве в период 2017–2019 гг. В работе использовались методы семантического анализа, включенного наблюдения и этнографии речи (интервью, опрос). Результаты исследования показали, что в названиях команд преобладают гендерно-нейтральные смыслы, а среди гендерно маркированных названий доля «женских» выше, чем «мужских». Выявлено также отсутствие связи между гендерной маркированностью названия и фактическим составом команд: в командах с выраженными «женскими» именами могут присутствовать мужчины и наоборот – в командах с «мужскими» названиями могут выступать девушки. При этом гендер не является определяющим параметром при выборе названия команды: предпочтение, как правило, отдается оригинальности и звучности имени, а не заложенным в нем гендерным смыслом.

**Ключевые слова:** гендер, нейминг, мужественность, женственность, дегендеризация

### **Введение**

В современном гуманитарном знании наблюдается устойчивый интерес к изучению различных проявлений гендера в языке с позиций социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии. Особое внимание при этом уделяется не только языковым формам, но и личности коммуникантов, создающих эти формы, а также контексту, в котором гендер проявляет себя лингвистически.

Языковое конструирование гендера в отечественной лингвистике изучалось на материале лексикографии и фразеологии [Колесникова 2002, Сергеева 2007, Васькова 2007], национального корпуса русского языка [Кирилина 2019], паремиологии [Кирилина 1999, Коновалова 2005], музыкального дискурса [Дуняшева 2012], ономастики [Зайцева 2017, Кузнецова 2012, Леонович 2017, Оцомиева-Тагирова 2018, Соловьев 2020], вербального и невербального поведения коммуникантов [Стернин 2002, Крейдлин 2004, Толстова 2016]. Репрезентация мужественности и женственности исследовалась в рекламе [Городникова 1990, Томская 2002, Гусейнова 2000], средствах массовой информации и элементах городского языкового ландшафта [Кирилина 2000; Купцова 2013], профессиональном [Матасова, Семухина 2018], образовательном [Черных 2012] и политическом дискурсах [Гриценко 2005]. При этом российскими исследователями гендер обычно трактуется как бинарная система – противопоставление мужественности и женственности, тогда как в современной зарубежной лингвистике

общепринятым является уход от гетеронормативности и отказ от бинарной концептуализации гендера [Гриценко, Сергеева 2020]. В англоязычной коммуникации тенденция дегендеризации проявляется в замене гендерно маркированных обращений на метагендерные (*Dear Guests* или *Good morning Everyone* вместо традиционного *Ladies and Gentlemen*), практике выбора предпочитаемых местоимений (*xe/xem, ze/zim, sie/hir* вместо гендерно-маркированных *he/his* и *she/her*), выборе имен и названий (небинарные имена для детей *Nonbinary. wiki*).

Нейминг (от англ. *naming* – присвоение имени, названия) является одним из маркетинговых инструментов, используемых для позиционирования товара или услуги на рынке. Нередко в названиях организаций, товаров, услуг используются гендерно маркированные слова или сочетания слов, призванные вызвать у потребителей определенные ассоциации и, таким образом, повлиять на их выбор (напр., косметика для девочек «*Маленькая Фея*», спа-салон «*Черная Королева*», барбершоп «*Бородач*» и т.п.).

Исследования репрезентации гендера в ономастике немногочисленны и затрагивают такие сферы, как спорт [Кузнецова 2012], медиевистика [Зайцева 2017], драматургия [Леонович 2017], топонимия и урбанонимия [Соловьев 2020]; при этом только в работе А.О. Кузнецовой рассматриваются вопросы, связанные собственно с практиками нейминга.

Т.И. Зайцева описывает особенности проявления гендерных смыслов в заголовках научных публикаций по истории стран Западной Европы (X–XVI вв.), подчеркивая взаимосвязь между репрезентацией гендера, историческими особенностями описываемой эпохи и гендерными установками, господствовавшими в тот период в научной среде [Зайцева 2017]. Л.М. Леонович анализирует особенности использования гендерно-маркированной и гендерно-нейтральной лексики в австралийском, американском и канадском вариантах англоязычного драматургического дискурса [Леонович 2017]. В исследовании З.М. Оцомиевой-Тагировой, посвященном выявлению особенностей репрезентации гендера в аварской микропонимии, установлено, что гендерно-маркированные топонимы отражают не только фактическую информацию о самом пространстве, но и о его функционально-смысловом значении в представлении людей, населяющих соответствующую местность [Оцомиева-Тагирова 2018]. А.О. Кузнецова описывает особенности конструирования гендерных смыслов при выборе названий женских, мужских и смешанных команд алтимат-фрисби (спортивной игры, появившейся в США в конце 1960-х годов). Проведенный ею анализ показал, что гендерные маркеры чаще присутствуют в названиях мужских команд, в то время как в смешанном и женском дивизионах предпочтение отдается названиям, отражающим личностные качества спортсменов, а не гендерные смыслы [Кузнецова 2012].

Исследований, посвященных конструированию гендера в дискурсе танцевальной субкультуры, до настоящего времени не проводилось, хотя танцевальная сфера как коммуникативное пространство, объединяющее представителей разных языков и культур, представляет несомненный интерес для лингвистического анализа.

### **Материалы и методы исследования**

Материал исследования составили 1260 названий команд-участниц танцевального чемпионата Project 818 [Project...http], проходивших в Москве в 2017–2019 гг. В работе

рассматривались названия команд различных возрастных категорий: *Babies (малыши)* – от 3 до 6 лет, *Kids (дети)* – от 7 до 12 лет, *Juniors (подростки)* – от 13 до 17 лет, *Adults (взрослые)* – 18 лет и старше. Эти возрастные категории установлены правилами данного танцевального соревнования, при этом для категории *Adults* есть номинации по различным стилям: *Hip-Hop (хип-хоп)*, *Jazz-Funk (джаз-фанк)*, *Jazz/Contemporary (джаз/контемпорари)*, *High Heels (хай хилс)*.

Исследование проводилось с использованием этнографических методов (интервью с тренерами танцевальных команд г. Нижнего Новгорода), непосредственного (прямого) наблюдения и семантической интерпретации. Для отбора языкового материала (названий команд) использовались программы выступлений с официального сайта чемпионата и его аккаунта в социальной сети Вконтакте [Группа...http]. Для определения гендерного состава команд были просмотрены видео с Youtube-канала чемпионата [Youtube...http].

### Гендер в названиях современных танцевальных направлений

Современные уличные танцевальные стили, ставшие популярными в середине 1990-х годов, пришли в Россию из США; из английского языка были заимствованы и их названия. К числу наиболее популярных танцевальных стилей (направлений) относят хип-хоп (*hip-hop*), брейкинг (*breaking*), джаз-фанк (*jazz-funk*), хай хилс (*highheels*), хаус (*house*), дансхолл (*dancehall*), вог (*vogue*), вакинг (*waacking*), контемпорари (*contemporary*), тверк (*twerk*), крамп (*krump*) и др. Хотя исполнять их в настоящее время могут как мужчины, так и женщины, некоторые стили традиционно ассоциируют с маскулинностью или феминностью, что, как правило, связано с историей зарождения и становления того или иного танцевального направления. Например, *breaking* (известный также как *break-dance* – «брейкданс»), включенный в программу Олимпийских игр в Париже в 2024 году, зародился в молодежной среде США в 1970-х годах и практиковался изначально мужчинами. Это отчетливо выражено в самом стиле, включающем в себя элементы акробатики и спортивной гимнастики, исполнение которых требует выносливости и мышечной силы. Стиль *high heels* (от англ. «каблуки, обувь на каблуке»), появившийся в XXI веке, напротив, всегда характеризовался как женское танцевальное направление – в первую очередь из-за необходимости танцевать в обуви на каблуках. Однако в последнее время и в первом, и во втором направлениях выступает все больше танцоров обоих полов, что говорит о либерализации гендерных представлений.

Условиями чемпионата не определяется гендерный состав команд, и даже в такой номинации, как *Lady Styles* (от англ. «женские стили») могут выступать команды со смещенным составом участников. В целом можно говорить о том, что современная танцевальная субкультура является пространством, где практически отсутствует гендерная дискриминация, а толерантное отношение к представителям нетрадиционных гендерных групп было характерно для танцевального сообщества задолго до того, как движение за права ЛГБТ+ получило глобальное распространение. В качестве примера можно привести зародившиеся в 1970-х годах в США танцевальные направления *vogue* и *waacking*, у истоков которых стояли представители гендерных меньшинств. В то время нетрадиционная ориентация вызывала осуждение в обществе, однако танцевальные клубы были местом свободы от гендерных предрассудков, а

танцевальные стили *вог* и *вакинг* ассоциировались с гендерной непредубежденностью и толерантностью.

Гендерная дифференциация в дискурсе танцевальной субкультуры может проявляться в том, как называют себя танцоры того или иного стиля. Для этой цели в английском языке используется метагендерный суффикс *-er*: *hopper* (хоппер), *voguer* (вогер), *waacker* (вакер), а также слово *dancer* (от англ. «танцор»): *hip-hop dancer* (танцор стиля хип-хоп), *house dancer* (танцор стиля house) и пр. В русском языке представлена категория грамматического рода, поэтому в обозначениях принадлежности к стилю используются гендерно маркированные аффиксы: *хоппер* – *хопперша*, *вакер* – *вакерша*, *хаусер*–*хаусерша* и т.п. Однако в настоящее время девушки-танцоры чаще выбирают мужской вариант имени, объясняя это принципом языковой экономии, эстетическими и стилистическими предпочтениями:

*«Вакерша» – очень длинное слово и звучит громоздко. А вот «вакер» коротко, емко и приятно на слух* (Марина, г. Нижний Новгород).

*«Хоперша» звучит для меня грубо; чисто психологически эта форма слова немного обесценивает и принижает <...> чувствуется снисхождение в этом слове. Вариант «хопер» предпочтительнее, так как окончание этой формы с «р» дает более уверенное и законченное звучание, «р» добавляет резкость слову, делая его более презентабельным для восприятия* (Елена, г. Нижний Новгород).

*Предпочитаю называть себя «вогерка» или «вогер». Мне в принципе не нравится суффикс «ша» при создании феминитива – он как будто удешевляет слово* (Ирина, г. Нижний Новгород).

Для названия танцевальных групп детского и подросткового возраста используют собирательные метагендерные существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-ят*, *-ятк*: *хопперята*, *хаусята*, *вакирятки* и т.п.

Наименования танцоров могут также создаваться путем добавления гендерного маркера к усеченному обозначению стиля. Так, в мужском стиле *breaking*, о котором упоминалось выше, для создания никнеймов существуют такие гендерно маркированные термины, как *b-boy* (танцор брейкинга мужского пола, например, *b-boy Storm*), *b-girl* (танцор брейкинга женского пола, например, *b-girl Booba*). Эти названия могут использоваться параллельно с метагендерными *breaker* (брейкер) и *break-dancer* (брейкдансер). Для наименования самого танцевального направления танцоры используют не только гендерно-нейтральное «брейкинг», но и гендерно-маркированное «бибоинг» (*b-boying*). Как правило, данный термин используют, если хотят подчеркнуть, что брейкинг – это «мужской» стиль, стиль сильных и выносливых:

*«Брейкинг» может танцевать кто угодно, а «бибоинг» – только мужской пол. При этом нет деления на мужской и женский стили. С одной стороны, это же уличный танец – говори как хочешь. С другой, парни вряд ли скажут «я танцую бигерлинг». Это очевидно из значения самого слова. Однако в последнее время все говорят «брейкинг» или иногда сокращают до «брейк»* (Алексей, руководитель сети танцевальных студий, г. Нижний Новгород).

### **Гендер в названиях команд**

Название команды – один из главных способов ее позиционирования и продвижения как на танцевальных мероприятиях, так и в сети Интернет. Это инструмент

конструирования групповой идентичности, в том числе гендерной. В России ежегодно проводятся десятки крупных танцевальных чемпионатов, где в различных танцевальных номинациях соревнуются более сотни команд. Танцевальные школы выставляют сборные команды, а также команды, сформированные по возрастным категориям и танцевальным стилям, что влияет на выбор названия.

Анализ отобранного материала, показал, что подавляющее большинство имен не содержат «мужских» или «женских» маркеров (*GADGETS, SNICKERS, КИНГСТЭПЕРЫ, BOOMKIDS, PONKI*). Гендерные смыслы присутствуют в наименованиях 82 команд, при этом преобладают «женские» названия: *ДЕВЧАТА, The Duchess, BELKA, DRAMA QUEENS* и др. Названия с «мужскими» маркерами представлены единичными наименованиями: *JOKER'S EMPIRE, WARRIORS, DEAD BOY, STEPBROTHERSCREW, КОМЭНДА*. В последнем примере гендерный смысл имплицитно ассоциируется фонетической ассоциацией с английским существительным *men* («мужчины»).

Подавляющее большинство гендерно маркированных названий представлено английскими словами или англо-русскими гибридами с использованием латиницы и/или кириллицы. Исследование показало, что репрезентация гендера в таких названиях чаще всего реализуется гендерно маркированными лексемами: *girls (TDF GIRLS), gayls* (девушка на языке патуа, о. Ямайка – *BLESSED GYALS*), *ladies (CHIKIBRO LADIES), woman (WOMAN TALKS), moms (CRAZY MOMS)*, в том числе именами собственными (*Grace Kelly, BARBARA'STEAM, BARBIE Q*). Кроме того, гендер может индексироваться категорией грамматического рода (*NASHLAS', POTERYALAS' CREW*). При этом ресурсы английского и русского языков используются одновременно для придания имени большей оригинальности и необычности, а также для индексации приверженности глобальной танцевальной субкультуре.

Анализ языкового материала показал, что наибольшее количество «женских» названий представлено в танцевальных номинациях *high-heels* и *jazz-funk*, которые исторически являются гендерно маркированными. При этом гендерная маркированность названия не является показателем реального гендерного состава команды. Так, команда *SEVEN HEELS*, участвующая в номинации *highheels* и танцующая на высоких каблуках, является смешанной: в ее составе есть мужчина, танцующий на каблуках. С другой стороны, «мужская» по названию команда *STEP BROTHERS CREW* по своему составу полностью женская. Лишь в единичных случаях названия «привязаны» к гендерному составу команды: примером может служить команда *M-ART GIRLS & SPEKTR DL*, где танцуют девушки и приглашенный танцор-мужчина с ником *SPEKTR DL*.

В названиях детских команд гендерные смыслы практически не присутствуют. Обычно выбор падает на слова из детского медийного пространства – имена популярных персонажей (*SCOOPY-DOO*) и даже названия сладостей (*SNICKERS, SKITLS KIDS*).

Как отмечалось выше, подавляющее большинство проанализированных названий (1178 ед.) являются гендерно нейтральными. В них используются как одушевленные собирательные существительные типа *kids, team, crew, family, fam, project (WAKE UP KIDS, ACTIVE STYLE JUNIOR STEAM, GRAVITY TEAM, BMI KIDS CREW, NICHOSI CREW, A'FAMILY CREW, LITTLE GINGER FAMILY, LIL'FAM, ISTINA FAM)*, так и

неодушевленные, в том числе абстрактные существительные (*DANCE PROJECT, FRIDAY'S PROJECT, UNIVERSE, NON-STOP, FLAMECOM, ZACHER CAKE*), а также аббревиатуры (*DNA – ДНК*). В качестве названий также используются словосочетания (*РАДИ ВОГА, TANTSORY IZ DEREVNI, LET'S BE*) и предложения (*WHAT THE FUNK?!, YES, BOSS, THIS IS HOT!*).

Широкое использование английского языка и латиницы представители танцевальной субкультуры объясняют тем, что на роль судей танцевальных чемпионатов обычно приглашают зарубежных танцоров, которым легче работать с английским языком. Также команды активно продвигают себя на международном уровне в социальных сетях Facebook, Instagram и TikTok, где английский язык используется как лингва франка. Помимо этого, в танцевальной субкультуре английский язык обладает высоким престижем, поэтому наличие транслитерированных или английских слов в названии команды улучшает её имидж.

Опрос, проведенный в рамках исследования, подтвердил, что главным мотивом при выборе названий является не гендерная идентичность, а оригинальность, запоминаемость, звучность и ассоциативный потенциал слов и словосочетаний:

*Мы выбираем название исходя из того, что видим во время постановки номера, что происходит внутри нашей команды, какие взаимоотношения нас связывают...* (Кристина, тренер команды Karizma Stew, г. Нижний Новгород).

*Для детских команд важно звучное, веселое название, особенно если оно выбрано всеми вместе, на общем голосовании. Даже если в команде у меня одни девочки, они могут выбрать что-то яркое и огненное, и вовсе не «девчачье»* (Анастасия, тренер детских танцевальных команд, г.Нижний Новгород).

*При выборе названия для команды предпочтения отдаю английским, так как звучание больше нравится <...> Гендерными различиями не руководствуюсь, стараюсь передать дух команды, внедрить смысл, который нас бы объединял и отражал тот посыл, который мы несём* (Анна, тренер hip-hop команды SokolCrew, г. Нижний Новгород).

*У меня есть команда студенческая – Хаос (читается как «хаос»). Мне очень нравится идея контролируемого хаоса, индивидуальности каждого и вероятности некоторой неправильности. Мы все разные, как частицы, но вместе обретаем коллективное единение и силу. Английская S в конце – как множественное число и как некоторая недосказанность – на каком все-таки языке написано слово* (Дарья, тренер vogue, Хаос, г. Нижний Новгород).

Таким образом, мотивы для выбора названий могут быть самыми разными: музыкальная композиция (*MAKEMEFEEEL*), идея танцевальной постановки (*ОНИ ЧУВСТВУЮТ КОЖЕЙ*), особенности костюма (*PINK PUG CREW* – у команды футболки с изображением мопса), принадлежность к танцевальной школе – *DANCE-COOL KIDS, DANCE-COOL FUTURE, DANCE-COOL CREW* (танцевальная школа DANCE-COOL).

### **Выводы**

Проведенный анализ показал, что в дискурсе танцевальной субкультуры гендер не играет определяющей роли при выборе названий команд-участниц танцевальных чемпионатов. Подавляющее большинство названий гендерно-нейтральны, что

отражает современную глобальную тенденцию дегендеризации. Количество названий, передающих гендерные смыслы, невелико, при этом чаще в гендерно-маркированных названиях кодируется женственность; маскулинные названия представлены единичными наименованиями.

Гендерно-маркированное название команды может не совпадать с фактическим гендерным составом команды. Такое несоответствие порой допускается намеренно с целью эпатаживать публику, выделиться на фоне остальных участников. Кроме того, несоответствие между названием и гендерным составом команды можно рассматривать как отражение современных трансформаций гендерного концепта и размывания границ между мужским и женским в современной танцевальной субкультуре.

© Щурина Е.А., 2021

### Литература

*Васькова О.А.* Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии): дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.12 – Теория языка. Москва, 2006. 177 с.

*Городникова М.В.* Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе (на материале брачных объявлений)// Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. трудов. Вып. 446. Москва, 1999. С. 36–44.

*Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования гендера: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.12 – Теория языка. Нижний Новгород, 2005. 405 с.

*Гриценко Е.С., Сергеева М.В.* Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в британской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. № 18. 2020. С. 22–51.

*Гусейнова И.А., Томская, М.В.* Гендерный аспект в текстах современной рекламы (на материале журнальной прессы ФРГ)// Филологические науки. № 3. 2000. С. 81–92.

*Дунашева Л.Г.* Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе (на материале жанров блюз и рэп): дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 – Германские языки. Нижний Новгород, 2012. 234 с.

*Зайцева Т.И.* Стилистические особенности гендерного дискурса в современной отечественной медиавестистике (по материалам заголовков научных публикаций) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (17). 2017. С. 65–79.

*Кирилина А.В.* Русские пословицы и поговорки: не только андроцентризм // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 3 (15). 1999. С. 41–43.

*Кирилина А.В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 – Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. Москва, 2000. 369 с.

*Кирилина А.В.* Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. № 2 (40). 2019. С. 12–29.

*Колесникова М.С.* Методологические проблемы лексикографического анализа в гендерных исследованиях // Гендер: язык, культура, коммуникация: Докл. второй



- междунар. конф., Москва 22–23 ноября 2001 г. МГЛУ. Москва, 2002. С. 207–214.
- Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в коммуникации: гендерный аспект кинесики // Вопросы филологии. № 2 (17). 2004. С. 81–89.
- Кузнецова А.О.* Индексация гендерных смыслов в наименованиях команд алтимат фрисби // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 19. Н. Новгород, 2012. С. 54–60.
- Купцова Г.И.* Контакт языков в лингвистическом ландшафте Москвы (на материале текстов, нанесенных на детские игрушки) // Вопросы психолингвистики. № 17. 2013. С. 204–207.
- Леонович Л.М.* Гендерные маркеры в текстах названий современных англоязычных драматургических произведений // Эволюция и трансформация дискурсов. Сборник научных статей. 2017. С. 176–182.
- Матасова О.В., Семухина Е.А.* Гендерный аспект профессиональных наименований (на материале языка французских и немецких СМИ) // Наука и общество. № 1 (30). 2018. С. 122–128.
- Озомиева-Тагирова З.М.* Отражение гендера в аварских топонимических названиях // Филология: научные исследования. 2018. № 2. С. 171–182.
- Сергеева М.В.* Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 – Германские языки. Нижний Новгород, 2007. 182 с.
- Соловьев А.Н.* Мемориальные названия в честь женщин в западнорусской урбанонимии // Поливановские чтения. № 14. 2020. С. 205–211.
- Стернин И.А.* Общение между мужчинами и женщинами. Воронеж, 2002. 34 с.
- Толстова М.А.* Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 4 (24). 2016. С. 68–75.
- Черных О.Ю.* Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 4. 2012. С. 307–314.

#### **Интернет-источники**

- Группа танцевального чемпионата Project 818 [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/project818>. (Дата обращения: 25.07.2021)
- Project 818 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.project818.com/champ2021/rules/>. (Дата обращения: 25.07.2021)
- Youtube-канал Project 818 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCeIP0S2amo6r3zJzYPbEqOg>. (Дата обращения: 27.07.2021)
- Nonbinary Wiki [Электронный ресурс]. URL: [https://nonbinary.wiki/wiki/Main\\_Page](https://nonbinary.wiki/wiki/Main_Page). (Дата обращения: 30.07.2021)

#### **История статьи:**

Дата поступления в редакцию: 19.07.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

**Сведения об авторе:**

Щурина Евгения Алексеевна – аспирант, НИУ ВШЭ – Нижний Новгород.

**Контактная информация:**

603093, г. Нижний Новгород, ул. Родионова, 17-68

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-3918>

*e-mail*: shchurina.evg@yandex.ru

**Для цитирования:**

Щурина Е.А. Гендерные аспекты нейминга в танцевальной субкультуре // Вопросы психолингвистики. 2021. №3(49), С. 97–108, doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-97-108

UDC 811.111'373.2-055.1/3:796

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-97-108

Research article

**GENDER ASPECTS OF NAMING IN DANCE SUBCULTURE**

**Evgeniia A. Shchurina**

National Research University Higher School of Economics,  
Nizhny Novgorod, Russia

**Abstract**

The article addresses the issue of gender representation in the names of teams in modern dance competitions. The research material consists of 1260 names of teams that participated in the Project 818 dance championship held in Moscow in the period 2017–2019. The applied methods include semantic interpretation, observation, and ethnography of speech (interviews, surveys). The results of the study have shown that gender-neutral meanings prevail in the names of the teams as well as among the gender-labeled names, with the share of “female” names being higher than that of the “male” ones. It has also been revealed that there is no connection between the gender marking of the name and the actual composition of teams: men can member the teams with pronounced “female” names, and vice versa. At the same time, gender is not a determining parameter when choosing a team name: preference, as a rule, is given to the originality and sonority of the name rather than the inherent gender meanings.

**Keywords:** gender, naming, masculinity, femininity, degenderization

**References**

Chernykh, O. Yu. (2012) *Semioticheskiye sredstva konstruirovaniya genera v pedagogicheskom diskurse* [Semiotic means of constructing gender in pedagogical discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. (4), 307–314. (in Russian)

Dunyasheva L. G. (2012) *Lingvokul'turnyye osobennosti konstruirovaniya gendera v afroamerikanskom pesennom diskurse (na materiale zhanrov blyuz i rep)* [Linguocultural peculiarities of gender construction in African American song discourse (based on blues and rap genres)]: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04 – Germanskiye yazyki. Nizhny Novgorod, 234 p.

Gorodnikova M.V. (1999) Gendernyy faktor i raspredeleniye sotsial'nykh roley v sovremennom obshchestve (na materiale brachnykh ob'yavleniy) [The gender factor and the distribution of social roles in modern society (based on marriage announcements)]. In: *Gender factor in language and communication: Collection of scientific works*. Vol. 446., Moscow, MGLU, 36–44. (in Russian)

Gritsenko E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]: Dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.12 – Teoriya yazyka. Nizhny Novgorod, 405 p. (in Russian)

Gritsenko, E.S., Sergeeva, M.V. (2020) Sovremennyye tendentsii v kontseptualizatsii gendera i ikh otrazheniye v britanskoy tolkovoy leksikografii [Modern trends in the conceptualization of gender and their reflection in the British explanatory lexicography]. *Russian Journal of lexicography*. (18), 22–51. (in Russian)

Guseinova, I.A., Tomskaya, M.V. (2000) Gendernyy aspekt v tekstakh sovremennoy reklamy (na materiale zhurnal'noy pressy FRG) [Gender aspect in the texts of modern advertising (based on the material of the magazine press of the Federal Republic of Germany)]. *Philological Sciences*. (3), 81–92. (in Russian)

Kirilina, A.V. (1999) Russkiye posloviytsy i pogovorki: ne tol'ko androtsentrizm [Russian proverbs and sayings: not only androcentrism]. *Tambov University Review. Series: Humanities*. No. 3 (15). 41–43. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2000) *Gendernyye aspekty yazyka i kommunikatsii* [Gender aspects of language and communication]: Dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19 – Obshcheye yazykoznanie, sotsiolingvistika, psikholingvistika. Moscow, 369 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2019) Oboznacheniya genderno znachimoy leksiki v svete protivopostavleniya global'nogo i otechestvennogo (po materialam natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Designations of gender-significant vocabulary in the light of the opposition of the global and domestic (based on the materials of the national corpus of the Russian language)]. *Journal of psycholinguistics*. No. 2 (40). 12–29. (in Russian)

Kolesnikova, M.S. (2002) Metodologicheskiye problemy leksikograficheskogo analiza v gendernykh issledovaniyakh [Methodological problems of lexicographic analysis in gender studies]. In: *Gender: Language, Culture, Communication: Reports of the Second International Conference, 22–23 November 2001, Moscow*, Moscow, 207–214. (in Russian)

Kolesnikova, M.S. (2002) Leksikograficheskiye aspekty sovremennykh gendernykh issledovaniy [Lexicographic aspects of modern gender studies]. In *Gender kak intriga poznaniya: Gendernyye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikatsii* [Gender as the intrigue of cognition: Gender studies in linguistics, literary criticism and communication theory]. Rudomino, 22–36. (in Russian)

Kreidlin, G.E. (2004) Muzhchiny i zhenshchiny v kommunikatsii: gendernyy aspekt kinesiki [Men and women in communication: the gender aspect of kinesics]. *Voprosy filologii*. 2 (17). 81–89. (in Russian)

Kuptsova, G.I. (2013) Kontakt yazykov v lingvisticheskom landshafte Moskvyy

(na materiale tekstov, nanesennykh na detskiye igrushki) [Contact of languages in the linguistic landscape of Moscow (based on texts applied to children's toys)]. *Journal of psycholinguistics*. (17), 204–207. (in Russian)

Kuznetsova A.O. (2012) Indeksatsiya gendernykh smyslov v naimenovaniyakh komand altimat frisbi [Indexation of gender meanings in the names of the ultimate frisbee teams]. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. (19), 54–60. (in Russian)

Leonovich, L.M. (2017) Gendernyye markery v tekstakh nazvaniy sovremennykh angloyazychnykh dramaturgicheskikh proizvedeniy [Gender markers in the titles of modern English-language dramatic works]. In: *Evolyutsiya i transformatsiya diskursov. sbornik nauchnykh statey* [Evolution and transformation of discourses. Collection of scientific articles]. 176–182. (in Russian)

Matasova O.V., Semukhina E.A. (2018) Gendernyy aspekt professional'nykh naimenovaniy (na materiale yazyka frantsuzskikh i nemetskikh SMI) [Gender Aspect of Professional Names (Based on the Language of French and German Media)]. In: *Nauka i obshchestvo*. 1 (30), 122–128. (in Russian)

Otsomiyeva-Tagirova, Z.M. (2018) Otrazheniye gendera v avarskikh toponimicheskikh nazvaniyakh [Reflection of gender in Avar toponymic names]. *Philology: Scientific Researches*. (2), 171–182. (in Russian)

Sergeeva, M.V. (2007) *Dinamika gendernykh reprezentatsiy v britanskoy tolkovoy leksikografii* [Dynamics of Gender Representations in British Explanatory Lexicography]: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.04 – Germanskiye yazyki. Nizhniy Novgorod. 182 p. (in Russian)

Soloviev, A.N. (2020) Memorial'nyye nazvaniya v chest' zhenshchin v zapadnorusskoy urbanonimiiyu [Memorial names in honor of women in Western Russian urbanonymy]. In: *Polivanov's Readings*. (14), 205–211. (in Russian)

Sternin I.A. (2002) *Obshcheniye mezhdu muzhchinami i zhenshchinami* [Communication between men and women]. Voronezh, 34 p. (in Russian)

Tolstova, M.A. (2016) Gender v traditsionnoy kul'ture skvoz' prizmu slovary [Gender in traditional culture through the prism of a dictionary]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (24). 68–75. (in Russian)

Vaskova, O.A. (2006) *Gender kak predmet leksikograficheskogo opisaniya (na materiale frazeologii)* [Gender as a subject of lexicographic description (based on phraseology): dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.12 – Teoriya yazyka. Moscow, 177 p. (in Russian)

Zaitseva, T.I. (2017) Stilisticheskiye osobennosti gendernogo diskursa v sovremennoy otechestvennoy mediyevistike (po materialam zagolovkov nauchnykh publikatsiy) [Stylistic features of gender discourse in modern Russian medieval studies (based on the titles of scientific publications)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3 (17). 65–79. (in Russian)

#### **Internet sources**

VK group dance championship Project 818., [electronic resource] URL: <https://vk.com/project818> (retrieval date: 25.07.2021)

Project 818., [electronic resource] URL: <http://www.project818.com/champ2021/rules/> (retrieval date: 25.07.2021)

Youtube channel Project 818 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCeIPOS2amo6r3zJzYPbEqOg>. (retrieval date: 27.07.2021)

Nonbinary Wiki., [electronic resource] URL: [https://nonbinary.wiki/wiki/Main\\_Page](https://nonbinary.wiki/wiki/Main_Page) (retrieval date: 30.07.2021)

© Shchurina E.A., 2021

**Article history:**

Received: 19.07.2021

Accepted: 20.09.2021

**Bionotes:**

**Evgeniia A. Shchurina** – post-graduate student, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod.

**Contact information:**

603093, Nizhny Novgorod, 17, Rodionova St., 68

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-3918>

*e-mail*: [shchurina.evg@yandex.ru](mailto:shchurina.evg@yandex.ru)

**For citation:**

Shchurina, E.A. (2021) Gender aspects of naming in dance subculture. *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp. 97–108. Available from: doi:10.30982/2077-5911-2021-49-3-97-108 (in Russian)

## ГЕНДЕР И ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Кирилина Алла Викторовна

Московская международная академия, Москва, Россия

### *Аннотация*

В статье рассматриваются происходящие на рубеже XX–XXI веков трансформации в понимании глобалистского тренда к отказу от бинарной модели гендера и его соотносительности с полом, а также от фундаменталистской патриархатной модели гендера и их взаимодействие в нашей стране. Охарактеризована также история развития и основные особенности, результаты и проблемы гендерной лингвистики в России.

**Ключевые слова:** гендер, гендерная лингвистика, глобализация, небинарная модель гендера, патриархатный фундаментализм

Гендерная лингвистика в начале третьего тысячелетия характеризуется рядом черт, для объяснения которых мы выделим две группы факторов:

1. *Внешние факторы* – это изменения прагматического контекста гендерных исследований в мире и связанное с ними изменение социальной и научной концептуализации гендера, то есть новое понимание объекта исследования, возникшее под влиянием происходящих в мире перемен.

2. *Внутренние факторы* – это специфика развития гендерной лингвистики в России.

Обе группы не имеют непреодолимой границы и тесно друг с другом связаны.

Гендерная лингвистика как часть междисциплинарных гендерных исследований существует уже около пятидесяти лет, и за это время прошла «путь от признания гендера как аналитической категории, обозначающей половую роль, сформированную в процессе социализации, до интерпретации гендера как изменчивого социального конструкта, производимого в социальных структурах и воспроизводимого в рутинных взаимодействиях» [Здравомыслова, Темкина 2015: 23].

Понятие «гендер» в значении «социокультурный пол» применяется с конца 50-х – начала 60-х гг. XX века. Первоначально оно отражало социально-философский пафос обоснования и утверждения идеи о природной и социокультурной составляющей в современной модели человека, предполагая и некоторый параллелизм этих составляющих.

Начальный период развития и гендерной лингвистики, и гендерных исследований в целом ознаменован созданием *дуальных* описательных и объяснительных моделей гендера. И Новое женское движение, возникшее на волне студенческой революции 1968 г., и социальная философия постмодернизма, и формирующаяся в то время феминистская лингвистика на этом этапе были сосредоточены на доказательствах социальных причин неравенства между полами и акцентировали в первую очередь

дискриминацию женщин, в том числе – в языке и коммуникации [Бовуар 1997; 1949; Janssen-Jurreit 1975; Borneman 1991 (впервые в 1971); Coats 1986; Lakoff 1973; Samel 1995]. В этот период наряду с алармистскими трудами [Trömel-Plötz 1978; 1982a; 1982b; Pusch 1981; 1990] были сформулированы важные междисциплинарные положения гендерной теории [Lakoff 1973; Goffman 1976; Scott 1986; Samel 1995 и др.]. В самых общих чертах они сводились к следующему: гендерные отношения – важный аспект социальной организации; гендер не столько индивидуальная, сколько социальная категория.

Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах:

- 1) культурные символы;
- 2) нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах;
- 3) социальные институты и организации;
- 4) самоидентификация личности.

Термин *гендер*, таким образом, использовался для описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским», то есть «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин» [Пушкарева 1999: 16]. В этот период речь шла преимущественно о женских исследованиях (*women's studies*); важную роль сыграло феминистское движение.

Однако параллельно происходили и эпистемологические изменения в гуманитарном знании, связанные с развитием постструктуралистских/ постмодернистских теорий, в связи с чем менялись и познавательные установки. Все это стало эпистемическим фоном для концепции гендеризма И. Гоффмана [Goffman 1994; 1977]. Названный автор показал, что биологический пол является лишь отправным моментом для социально значимого разделения общества на два класса и для создания разных норм для членов того или иного класса. Для описания социальных аспектов пола И. Гоффман вводит термины *гендеризм* и *гендерный дисплей* (проявление), к которому он относит все культурные составляющие пола – гендерные стереотипы, полоролевые нормы и полоролевую идентичность. Основными движущими силами гендеризма он назвал *институционализацию* и *ритуализацию пола*. Социализация – вхождение личности в общество, ее адаптация в нем – происходят через социальные институты семьи, школы, религии, политики, средств массовой информации и рынка труда. Гендер развивает благодаря этому точные признаки мужского и женского, которые в то же время и создают обоснование различного отношения общества к мужчинам и женщинам, что и создает *гендеризм* – идеологизированную и пронизывающую всю жизнь систему социальной значимости пола.

Гендер, по И. Гоффману, является также составляющей многих ритуалов. Вся ритуальная жизнь общества пронизана дихотомией «мужское – женское». Имена, формы обращения, голоса, прически, одежда, самопрезентация ритуализуют гендерную идентичность. Совершение ритуальных действий регламентируется обществом; ритуальные нормы, известные всем участникам коммуникации, формируют круг ожиданий людей и их готовность вести себя в соответствии с этими ожиданиями, которые символизируют и реконструируют общественный порядок.

Концепция И. Гоффмана заложила основы немарксистского научного подхода к проблеме гендера.

В дальнейшем, в 80-е годы XX в., утверждалось понимание гендера не только как так называемого *женского вопроса*, но и как проблемы всестороннего исследования женственности и мужественности и связанных с ними социальных и культурных ожиданий. Кроме того, в 1980-е годы оживились и обновились конструктивистские идеи (см., например, [Einführunginden Konstruktivismus 1992]), оказавшие решающее влияние на развитие всех гуманитарных дисциплин и имеющие сегодня статус пан-методологии гуманитарного знания.

Таким образом, в историческом ракурсе к началу 90-х гг. XX века различают три этапа формирования гендерных исследований (подробнее см. [Кандиоти 1992]):

1. «Алармистский» этап. Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность традиционной патриархатной эпистемологии. Такая постановка вопроса получила свое развитие в первую очередь в постмодернистских трудах.

2. Этап «феминистской концептуализации». Его главной целью была разработка отчетливых ориентиров в феминистской теории и практике. В этот период создаются несколько направлений феминистски ориентированной науки (феминистский психоанализ, феминистская лингвистика), не скрывающих своей идеологической ангажированности. Активно осваивается постмодернистская теория для обоснования феминистского мировоззрения и исследований.

3. «Постфеминистский» этап характеризуется появлением «мужских исследований» и осмыслением проблем анализа того, как гендер присутствует, конституируется и воспроизводится в социальных процессах. В область гендерного анализа включаются оба пола, их отношения и взаимосвязи с социальными системами разного уровня (см. [Кирилина 2000: 39 и след.]). Проверены гипотезы и выявлены заблуждения феминистской критики языка [Kotthoff 1996].

На рубеже третьего тысячелетия произошло резкое ускорение глобализационных процессов, усилилась идеология формирования глобальной идентичности, а также ярче проявилось влияние идей постмодернизма и радикального конструктивизма – последний оказался очень плодотворным для гендерной теории и завершил теоретическую легитимацию понятия гендера, которое вне конструктивизма не имело бы смысла.

В 1990-е годы возникло направление, исследующее только мужественность, было сформулировано положение о том, что маскулинность множественна, имеет разные проявления в любом обществе; главное из этих проявлений получило название *доминирующей / гегемонической / главенствующей мужественности* (hegemonic masculinity) [Theory & Society 1993]. 1990-е годы называют периодом постфеминизма, так как в это время значительно нивелировался феминистский алармизм в западном обществе<sup>1</sup> (заметим, однако, что под влиянием все более явственно проявляющегося

---

<sup>1</sup> Характеризуя прагматический контекст гендерных исследований в Европе и Америке, необходимо отметить западоцентричность выводов, принятых в описываемом научном пространстве и часто некритично переносимых на почву других языков, стран и культур. Эту особенность гуманитарного научного дискурса необходимо постоянно иметь в виду при обсуждении развития гендерной лингвистики, что, разумеется, совсем не означает отторжения любой зарубежной концепции. Мы лишь должны помнить слова Серио: «В



фактора глобализации начался более интенсивный феминистский дискурс на постсоветском пространстве, захвативший и бывшие социалистические страны, называемые ныне странами восточной Европы).

Сегодня, на рубеже XX–XXI вв., следует констатировать ревизию научных представлений о гендере.

В период миллениума гендерная лингвистика преподнесла научному сообществу немало сюрпризов вследствие мощной трансформации модели человека, которая происходит сегодня прежде всего по линии гендера и детства. Одна из существенных черт смены технологий и глобализации – не только изменение модели человека, но и повышенная, по сравнению с предыдущими периодами, наблюдаемость этого процесса.

Человек мыслится и становится все более динамичным и независимым от самой «изначальной природы» гомо сапиенс. Это связано как со спецификой эпохи, так и с политическими факторами. Новые научные открытия и новые технологии меняют и биологическое, и социальное в человеке.

Политический, социальный заказ акцентирует общественное внимание на тех или иных сторонах жизни и поведения человека, усиливая или подавляя их, в том числе через создание и внедрение новых метафор, новых категоризаций, новых видеорядов, новых дискурсов и т. д. Вызванные этим трансформации наиболее заметны в отношении гендера и детства.

Главные инновации (и это типично для современности) бытуют в форме потоков, то есть существуют и распространяются в виде процессов, происходящих внутри каких-либо областей, переходят их границы, но все же не охватывают их целиком. К ним мы относим следующее:

1) глобалистское признание человека изменчивым, «множественным», выходящим за пределы дихотомии пола (мужское / женское), акцентуация множественности гендера;

2) одновременное сосуществование и столкновение глобалистских и традиционных концепций гендера / пола;

3) глобалистское рассмотрение категорий «пол» и «гендер» как полностью автономных друг от друга, в том числе релятивизация и даже негативизация понятия биологического пола в свете усиления радикального конструктивизма;

4) усиленное разрушение (деконструкция) прежней ритуализации пола и изменение его институционального статуса через:

– внедрение «обязательной» характеристики сексуальности индивида и связанной с ней идеи множественности гендера;

– усиленную гендеризацию детства;

– дискурсивное включение детства в поле сексуальности;

– глубокая ревизия идеи мужественности, направленная на элиминирование «мужественности господствующей» (hegemonic masculinity), объявление ее агрессивной и «токсичной»;

5) усиление религиозной и иных патриархатно-фундаменталистских интерпретаций пола;

---

лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции» [цит. по: Кубрякова 1995: 168].

б) ярко выраженная и усиливающаяся политизация гендерной проблематики.

**Кирилина А.В.** Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия

---

В это же время социальная философия снова регистрирует смену эпистемы и развитие постнеклассических познавательных установок [Степин 2009], в большей степени учитывающих ускорившуюся динамику развития социальных процессов. Ускорились и изменения в концептуализации гендера. На рубеже веков активизируются ЛГБТ – движения и связанная с ними квир-теория; в планетарном масштабе распространяется глобалистский (американизированный) взгляд на гендер, растет теоретический радикализм, критикуются эссенциалистские (сущностные) модели гендера, радикализуется конструктивизм (см, например, труды Дж. Батлер, которая даже биологический пол относит к перформативным сущностям [Butler 1988; 1990; 1993; 1995]). Гендерные отношения политизируются; формы сексуального поведения, которые ранее считались патологией и девиацией, легитимируются, декриминализируются и получают статус варианта нормы, включаются в общественный дискурс как составляющая *социально поощряемого разнообразия (diversity)*.

Тем самым продвигается *идея исключительно социальной основы пола*<sup>2</sup>.

С конца XX века усиливается интерес к трансгендерным явлениям и легитимизации ЛГБТ; появляется так называемая *квир-теория*, изучающая ненормативную сексуальность в условиях ее подавления и выступающая за ее окончательную легитимацию, которая, по сути, уже произошла. Некоторые исследователи рассматривают либерализацию гендерных норм как третий этап западной демократизации (после признания равноправия чернокожих граждан (первый этап) и женщин (второй этап)).

Отдельно отметим репрезентацию детства в аспекте гендера: сегодня происходит дискурсивная сексуализация ребенка; усиливается гендерная ориентированность товаров для детей (подробнее см. [Кирилина 2013; 2015а; 2015б; Купцова 2016; 2018; Kirilina, Kuptsova 2019]); институционализируется информирование детей и подростков о возможностях различных сексуальных ориентаций. В ряде стран легитимируется усыновление детей однополными парами; в детской и юношеской литературе акцентируются нетипичные формы семьи [Чех 2013]; популяризируется и даже насаждается трансгендерность не только среди взрослых, но и среди детей<sup>3</sup> (см. также [Гриценко 2019]).

---

<sup>2</sup> Разумеется, подобный радикализм подвергается критике (см., например [Камерон 2005: 626]): «возросшее культурное значение таких феноменов, как транссексуализм, трансвестизм, и то, что теоретики гомосексуализма называют «genderfuck» (якобы разрушительная игра с гендерными различиями), может рассматриваться как новая теоретическая задача для феминистской мысли, поскольку эти феномены могут указывать на изменения, происходящие в формах (особенно городских и западных) гендерных отношений. Что же будет подразумеваться, если на вопрос Симоны де Бовуар «А есть ли женщины?» прозвучит ответ: «Да, но некоторые из них – (биологические) мужчины?»». Однако работа Д. Камерон впервые была опубликована в 1997 г. В настоящее же время, как отмечалось выше, биологический пол радикально релятивизируется, и мужские / женские биологические проявления объявляются свойствами также и противоположного пола (явление трансгендерности создает основу для подобных утверждений). Трансгендерность при этом весьма поощряема социально: в докладе Е.С. Гриценко на IV международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» (г. Москва, 25–26.11.2019) подробно излагается, как в США насаждаются новые гендерные нормы даже для детей, поощряется ранняя трансгендерность и наказываются взрослые родственники за создание ребенку препятствий в смене пола (см. [Гриценко 2019]).

<sup>3</sup> В США открываются специальные магазины для детей-трансгендеров [В США открылся магазин для юных трансгендеров <http://>]; объявлено о выпуске кукол, пол которых ребенок может конструировать и менять самостоятельно: производитель Барби Mattel выпустил новую линейку гендерно нейтральных кукол *Creatable World* («Созидаемый мир»). Игрушки призваны бороться со стереотипами. В комплект вошли шесть

Названные явления политизируются и распространяются в глобальном масштабе. Отметим и – пусть весьма слабую еще – тенденцию к оправданию педофилии под видом борьбы с ней<sup>4</sup>, а также изменение медицинских норм, приближающих легитимацию педофилии [Тачмамедова 2019 [http](#)]. Все это значительно трансформировало научные представления о гендере, и без того тяготевшие к идеям деконструкции<sup>5</sup>.

В начале XXI в. в западной науке окончательно отбрасывается как мейнстрим *дуальная, бинарная модель гендера* и признается легитимным все большее число видов гендера. В настоящее время их насчитывают около 60, но определить точное / окончательное число не представляется возможным в виду непрерывного роста числа гендерных конструктов.

Множественность гендера дополняется признанием его динамичности и текучести: допускается, что в течение жизни человек может неоднократно сменить гендер или вообще считать себя свободным от него (как *азеркины*<sup>6</sup>), что ознаменует переход к постгендеризму – прекращению социального конструирования гендера как связанного с полом маркера и трансформации его в маркер индивидуальной стилизации лица, с полом не связанный<sup>7</sup>.

Таким образом, глобалистский этап развития гендерных исследований ознаменован полным переосмыслением понятия *гендер*. Из дихотомического / дуального / бинарного социокультурного концепта, отражавшего наличие в мире двух видов людей, он превратился в чрезвычайно политизированный маркер сексуальной ориентации (*агендер, бигендер, трансгендер* и т.д.), а также в маркер самоидентификации как таковой.

Названные тенденции, однако, не утвердились полностью в планетарном масштабе и сосуществуют – часто в противоборстве – с более традиционными взглядами. Современное социальное созидание (конструирование) гендера характеризуется,

кукол разных рас, фигуры и роста. К ним можно подобрать различную одежду, парики и обувь. Это позволит изменить пол и образ кукол. «Особенность новой модели в том, что ее образ не продиктован гендерными нормами», – уточнила компания [Olohan 2019 [http](#)].

<sup>4</sup> Яркий пример – публичная (освещаемая в блоге) имитация подготовки вступления в брак со взрослым мужчиной двенадцатилетней норвежки по имени Теа [Bloggen er fjernet: [http](#)]. Хотя заявленная цель акции – предотвращение ранних браков, в свете видеохроники подготовки ребенка к браку она представляется весьма сомнительной.

<sup>5</sup> «...В западной научной традиции доминирующим методом стала дерридеанская деконструкция гендера, понимаемая как анализ традиционных бинарных оппозиций, в которых левосторонний термин претендует на привилегированное положение, отрицая притязание на такое же положение со стороны правостороннего термина, от которого он зависит. Цель анализа [Easthope 1988: 187–188] здесь «состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а скорее в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения» [цит. по: Кирилина 2000: 31].

<sup>6</sup> *Азеркины* (от англ. *other* – другой, иной) – индивиды, считающие себя не людьми, а животными, сказочными созданиями, инопланетянами и т. д. Подобные существа не имеют пола. Причисление же их гендеру окончательно выводит последний за рамки полового диморфизма и делает гендер маркером идентичности.

<sup>7</sup> *Постгендеризм* интерпретируется как «общественное, политическое и культурное движение, приверженцы которого выступают за добровольное устранение гендера у человеческого вида посредством применения передовых биотехнологий и вспомогательных репродуктивных технологий» [Википедия [http](#)], которые позволяют устранить различия в репродуктивных функциях мужчин и женщин, позволив и тем, и другим практиковать отцовство и материнство, а также вынести вынашивание и деторождение за пределы человеческого организма, что приведет к исчезновению пола и гендера в обществе. Существование пола и гендера и связанных с ними различий в социальных когнитивных и физических различиях сторонники постгендеризма считают негативным явлением.

таким образом, множественностью тенденций и совершается при помощи вербального и невербального кодов.

Область гендерных исследований представляет собой поле бурных дискуссий, а также отражает целый ряд моментов, описываемых термином *постгендеризм* связанных с формированием новой – плюралистической и изменчивой, динамичной – модели человека с тенденцией трансгуманизму<sup>8</sup>. Для глобального дрейфа к постгендеризму характерен демонтаж прежних норм институционализации и ритуализации гендера, в том числе устранение визуальных различий в гендерных репрезентациях, реформирование официального языка, документов о статусе лица [Кирилина 2015а; 2015б] и т.д.

Изменения происходят по линии институционализации и ритуализации пола; меняется институциональный дискурс: даже по сравнению с реформированием официальных языков в странах Европы и Америки в 1980–1990-х гг. ужесточаются нормы политкорректности, происходит новое реформирование языка: – в официальном дискурсе слова «отец» и «мать» заменяются на «родитель один» и «родитель два»; из документов о статусе лица убирают обозначение пола или вводят недудальное (подробнее см. [Кирилина 2015а]); или институционально внедряют третий пол, как это произошло в марте 2019 г. в Германии. Признание третьего пола сопровождалось международным обсуждением возможностей местоименного фонда языка (не только немецкого) в плане создания дополнительных средств выражения (см. дискуссию в журнале *Sprachdienst* № 1/2020). Аналогичная картина наблюдается в США (см. [Гриценко 2019]). В связи с растущим числом видов гендера (сегодня в разных источниках их число варьирует от пятидесяти восьми до трехсот) актуализируется проблема гендерной специфики политической корректности (в гротескном виде это представлено в выступлении депутата бундестага Штеффена Кенигера [Steffen Königer German AfD Politician about Gendermania (English Subtitles): [http<sup>9</sup>](http://)], в котором все отведенное политику для выступления время оказалось затраченным на приветственное обращение с упоминанием всех видов гендера). И это лишь небольшая часть нового реформирования языка, а также создания и внедрения новых дискурсов.

Меняются гендерно значимые нормы социальных институтов: расширяется понятие нормы. Например, заключение брака во многих странах легитимировано сегодня не только для однополых пар, но и для (однополых) множеств партнеров, например, в Колумбии 12 июня 2017 г. впервые зарегистрирован брак между тремя мужчинами [Первый брак между тремя мужчинами заключили в Колумбии: [http](http://)]. Признание недудального родительства также имеет место: как при суррогатном

---

<sup>8</sup> «Трансгуманизм (от лат. *trans* – сквозь, через, за и *homo* – человек) – философская концепция, а также международное движение, поддерживающее использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты считают нежелательными – страданий, болезней, старения и смерти» [Википедия [http](http://)]. В РФ также действует общественная организация *Российское Трансгуманистическое Движение* (РТД), определяющее трансгуманизм как рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Трансгуманизм также способствует ревизии гендерных идеологий и утверждению динамической модели человека.

<sup>9</sup> Благодарим Е.С. Гриценко за указание на источник.

материнстве и биологическом донорстве, так и при родительстве однополых супругов, прибегающих к помощи третьего лица, относящегося к иному, нежели они, полу; заключение браков между двумя сменившими пол лицами и смена пола целыми семьями. Наконец, в начале 2020 года в Канаде из уст президента Федерации женщин Квебека (FFQ<sup>10</sup>) Габриель Бушар (трансгендерной женщины) прозвучал призыв запретить сексуальные отношения между мужчинами и женщинами «из-за их жестокости» [Блог [tjadovo\\_j\\_rus](http://tjadovo_j_rus): [http](http://tjadovo_j_rus)]. В художественной форме запрет на гетеросексуальные отношения предсказан в книге В. Пелевина «iPhuck 10»: люди, их практикующие, получили негативно коннотированное название «свиноуки»; в обществе же преобладает киберсекс.

Некоторые признаки довольно быстрого дрейфа в этом направлении можно наблюдать уже сегодня в виртуальной среде, в рекламе секс-кукол роботов и даже в реальной действительности [Смирнова 2019: [http](http://)]; первое же заведение такого рода открылось в Испании в 2017 г. [В Барселоне открылся первый европейский бордель с силиконовыми куклами: [http](http://)]; 1 мая 2018 г. в Москве открылся «Dolls Haus» – бордель с куклами [Матвеева 2018: [http](http://)]: в материале сообщается, что, согласно прогнозам, к 2033 г. 10 % сексуальных контактов будет происходить между людьми и андроидами – и эти контакты предсказаны В. Пелевиным в произведении «S.N.U.F.F.». Мы столь подробно осветили вопрос, поскольку доскональная социальная регистрация сексуальности, практикуемая в последние годы в мире, не останется без последствий, и все ее составляющие должны рассматриваться в комплексе как звенья одной цепи. Например, данные о сексе с не-людьми вполне согласуются с акциями последнего десятилетия, направленными на представление женщин жертвами мужского насилия: всемирная акция «*MeToo*»; введение в общественный дискурс негативно коннотированного понятия «токсичная мужественность» для стереотипных проявлений мужественности, а также широко насаждаемые по всему миру институциональные меры по изменению мужественности и ритуалов ее отображения. Глобалистские концепции гендера, как уже отмечалось, характеризуются прежде всего акцентуацией сексуальности и сексуальной ориентации с выходом за рамки бинарной оппозиции мужское / женское с легитимизацией и даже усиленной акцентуацией недуральных норм (гомо)сексуальности / субкультуры *квир*.

Столь широкая активность в поддержке и транснациональном распространении глобалистских, множественных моделей гендера, скорость и массовость этого процесса – явный признак социального заказа господствующих властных групп:

– стремительное признание однополых браков по всему миру: в 1979 г. в Нидерландах впервые в мире однополые пары смогли получить некоторые права, следующие два десятилетия ознаменовалось (частичным, но широким – в 20 странах) признанием прав однополых союзов. С 1999 же года прошла волна легализаций гомосексуальности на разных уровнях: в 2001 г. в тех же Нидерландах вступил в силу первый в мире закон об однополых браках, после чего процесс пошел лавинообразно [Хронология легализации однополых союзов: материал из Википедии: [http](http://)];

– декриминализация гомосексуальности в большом количестве стран, особенно с начала 80-х гг. XX в.;

---

<sup>10</sup> FFQ – многочисленная и влиятельная женская организация франко-канадской общины, да и всей Канады.

– депатологизация / депсихиатризация гомосексуальности (началась в США, в 1992 г. Всемирная организация здравоохранения перестала считать ее болезнью, а затем и отдельные страны: Великобритания (1994), Япония (1995), Россия (1999), Китай (2001) и др.). Некоторые источники приписывают эти процессы давлению усилившихся гей-лобби [Гомосексуальность и психическая норма: материал из Википедии: [http](http://)];

– широкое моделирование гомосексуальности (и в целом “нетрадиционных” отношений) в произведениях литературы и искусства;

– изменение модели института семьи – усыновление детей гомосексуальными парами и т. д.;

– поощрение гомосексуальной тематики в литературе и искусстве (выдвижение на премию Оскара большого числа фильмов о гомосексуалистах; значительное количество наградений<sup>11</sup>), повсеместное и очень быстрое распространение дискурса гомосексуальности, ее институционализация, включение гомосексуальности в школьные курсы сексуального просвещения и т.д.

В конце второго десятилетия XXI века вследствие этих процессов происходит новый качественный скачок, в результате которого в западных странах утверждается небинарная модель гендера (на сегодняшний день – более 60 видов), институционализируется третий пол. Криминализируется отрицательное отношение к гомосексуальности; некоторые обозначения подвергаются исключению или меняют коннотацию (например, вместо *гомосексуалист* требуется говорить *гомосексуал*).

Не менее значимы быстрые и также широко распространяемые изменения в формах ритуализации гендера, особенно в отношении мужественности: известные медийные личности появляются в женских платьях (например, см. в коллекции Гуччи весной 2020 г. [Стешин 2020: [http](http://)<sup>12</sup>]).

<sup>11</sup> Фильмы «Мой личный штат Айдахо» (США, 1991) – Кубок Вольпи Венецианского фестиваля; «Филадельфия» (США, 1993) – «Серебряный медведь» Берлинского кинофестиваля, «Золотой глобус» и «Оскар»; «Покажи мне любовь» (Швеция, 1998) – отмечен на нескольких европейских кинофестивалях, в том числе в Берлине и Карловых Варах, удостоен приза ФИПРЕССИ и премии молодежного жюри на киевском МКФ «Молодость»; «Монстр» (США, 2003) – «Серебряный медведь», «Золотой глобус» и «Оскар»; «Загадочная кожа» (США, 2004) – прокатный рейтинг NC-17, присваиваемый порнофильмам; «Парни не плачут» (США, 1999) – «Золотой глобус» и «Оскар»; «Горбатая гора» (США, 2005) – удостоен «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля, четырех премий ВАФТА, включая номинацию «лучший фильм», четырех «Золотых глобусов», включая ту же номинацию, и трех «Оскаров», включая категории «лучший сценарий» и «лучший режиссер»; «Я люблю тебя, Филипп Моррис» (Франция, 2008); «Харви Милк» (США, 2008) – удостоен «Оскара»; «Одинокий мужчина» (США, 2009) – приз за лучшую мужскую роль, Венецианский кинофестиваль, 3 номинации премии «Золотой глобус»; «За канделябрами» (США, 2013) – 11 премий «Эмми»; «Жизнь Адель» (Франция, 2013) – удостоен «Золотой пальмовой ветви», номинирован на «Золотой глобус»; «Том на ферме» (Канада, 2013); «Кэрол» (2016). И это далеко не все фильмы.

О роли искусства и культуры в распространении социального заказа пишет Б. Коннелл. Согласно Б. Коннеллу, исследуя лингвистический материал на предмет обнаружения культурной специфики доминирующей маскулинности (или фемининности), наука может в качестве результата получить, скорее, реконструкцию гендера на основании данных языка. Это замечание относится также и к кросскультурным исследованиям, так как «традиционный компаративистский метод базируется на допущении целостных “сепаратных” культур, в то время как такое допущение сегодня не является более состоятельным. Европейский империализм, глобальный капитализм при гегемонии США, а также современные средства коммуникации привели все культуры в тесное взаимодействие, расширили сферу действия некоторых культур и маргинализировали большинство» [Connell 1993: 601 – перевод наш. – А. К.]. Проблемы этноцентризма и глобальной истории, разумеется, актуальны не только для гендерных исследований, но и для них также.

<sup>12</sup> Дефиле названо «Мужское множественное число» и, как пояснили представители модного дома, посвящено

Отмечается, однако, и принудительное насаждение антимужественности: «Нельзя с безразличием смотреть на проходящий на наших глазах антропологический сдвиг: речь идет о новом месте мужчин в мире, где разделение полов перестало быть очевидным, – считает Марсель Гоше (Marcel Gauchet), который посвятил этой острой теме 200-й номер журнала «Деба». Всеобщее внимание сейчас, естественно, сосредоточено на усилении женщин на всех уровнях или на до сих пор сохраняющемся неравенстве в их отношении. Но разве эта «женская революция» могла не отразиться на противоположном поле? Здесь наблюдаются большие перемены. Мужественность перестала быть чем-то очевидным и перешла в категорию систематических сомнений» [Бастье 2018: <http>]. Другие исследователи и общественные деятели говорят о криминализации мужественности и выступают против этого процесса (см., например, интернет-выступления Джордана Питерсона).

Все названные факты и процессы ведут к глубокому переосмыслению проблемы гендера, смысла и развития не только гендерных исследований, но и антропологической модели в целом.

Помимо концептуальных инноваций в понимании гендера и его отражения в языке, развиваются методология и методы исследования гендерно значимой коммуникации: мы наблюдаем переход от универсализма (60–70-е гг. XX в.) к партикуляризации и контекстуализации гендера, результатом чего стала разработка методологии **интерсекциональности – множественности пересечений** (*расы / этничности, гендера, класса*, то есть ключевых характеристик социального разделения).

Выделяют *аддитивное* и *трансверсальное* толкование интерсекциональности [Walby 2012; Здравомыслова, Темкина 2015].

При аддитивной интерсекциональности анализ по признаку пола дополняется анализом по классовому, этническому и другим возможным признакам. Каждый из механизмов социального разделения исследуется автономно. Действие механизмов рассматривается как кумулятивное.

Трансверсальный («пересекающий границы») интерсекциональный анализ, напротив, сосредоточен на синкретическом сочетании нескольких механизмов, производящих различия и неравенства, которые изменяются, конституируют друг друга и трудно различаемы в своей взаимосвязи [Walby 2012]: «сплавленные» социальные разделения рассматриваются как контекстуально сформированное единое целое и не редуцируются до какой-то одной характеристики (класс, раса, гендер). Сочетание механизмов, действующих различным образом, создает синергетический эффект (например, возраст меняет определение женственности, одновременно женственность влияет на позиционирование в категориях возраста; практики профессионального успеха меняют конструирование и возраста, и женственности).

---

«токсичным стереотипам, формирующим мужскую гендерную идентичность». Перед показом моделей был создан и представлен широкой публике «Манифест против токсичной маскулинности». Все это говорит о политической, агитационной составляющей замысла и действия. Добавим, что создание подобного рода демаскулинизирующей коллекции далеко не первое. Ее особенность в радикализме: если в предыдущих случаях просто снижалась функциональность одежды и повышалась ее разноцветность (по И. Гоффману, ритуализация мужской одежды состоит в большей функциональности и меньшей пестроте, а также ношении, как правило, одного предмета женской одежды – юбки (в комплекте, например, со смокингом, как это сделал на вручении Оскара актер Билли Портер)). В дефиле Гуччи манекенщики одеты уже не частично, а полностью в женскую одежду.

В результате описывается некоторая «интерсекциональная локальность», например, профессионально преуспевающая женщина средних лет, или пожилая больная женщина, или молодой мужчина-офицер в условиях боевых действий и т.д.). На первый план выходит множественность пола.

Глобализация, таким образом, обусловила две мощные тенденции – распространение глобальных (то есть американизированных) идеологий, теорий и практик, а также определенное сопротивление этим идеям и практикам на уровне отдельных стран и регионов, затронутых глобализацией. Диапазон этого сопротивления широк: от локализации глобального, до полного неприятия глобалистского давления.

Далеко не во всех странах и научных сообществах безоговорочно принимается глобалистская концепция гендера, хотя и в плане научном, и в плане политическом она нередко рассматривается (да и насаждается) как единственно верная, а взгляды ее противников оспариваются или рассматриваются как ненаучные.

Вместе с тем широкое распространение гендерного глобализма и влияние его представителей, а также нередко имеющих статус признанных авторитетов ставит ученых, представляющих иные точки зрения, в невыигрышное положение. Однако это тема для отдельного обсуждения.

Очертив в самом общем виде прагматический контекст мировых гендерных исследований, перейдем к состоянию гендерной лингвистики в нашей стране. И в этом случае также необходимо отразить как прагматический контекст ее развития, так и результаты, достигнутые с момента ее формирования в России, а также вклад отечественных ученых в общую теорию гендера.

В России возникновение гендерных исследований как отдельного направления относится к середине 1990-х гг., когда в научное описание был введен термин *гендер*. Отечественное языкознание, однако, и ранее рассматривало проблему половой дихотомии в языке в рамках других лингвистических дисциплин. Отличительная черта ранних советских исследований – марксистские пресуппозиции, то есть изначальное признание социальной обусловленности многих явлений, в том числе и отражающих взаимосвязь пола и языка; признание человека биосоциальным существом. Решение женского вопроса также рассматривалось с марксистских позиций: равноправие достигается путем вовлечения женщин в производительный труд и обретения ими экономической независимости при признании политического равноправия (о дискурсивных практиках вовлечения женщин в трудовую деятельность в СССР см. в [Кирилина 2002]).

Полемики, типичной для западной феминистской лингвистики, в нашей стране не возникло; до недавнего времени не получил распространения и феминистский дискурс, что также может объясняться преобладанием марксистской теории в гуманитарных науках и социальной реальностью в СССР. Советский период характеризуется также ярко выраженной практической направленностью: большое количество трудов связано с потребностями автороведческой криминалистической экспертизы – с диагностикой и стремлением установить идентификационные признаки мужской и женской речи. Наконец, отметим и отличную от западной политическую ситуацию – равноправие с 1918 г., отсутствие в истории России гонений на ведьм, доступ к образованию и профессии, более широкий, чем был в начале и середине XX века в европейских странах.



Советский период характеризуется отсутствием понятия *гендер*, но никак не отсутствием интереса к фактору пола в языке. Особенно большое число трудов отмечается в сфере описания агентивных имен существительных женского рода, их исторического развития (подробный обзор см. в [Кирилина 1999]). При отсутствии феминистского дискурса в СССР существовало *per se* многое из того, что было объектом дискуссий на западе: «В России на протяжении длительного периода времени фактор пола рассматривался в лингвистическом описании наряду с иными прагматическими категориями описания. Теория власти Фуко и ярко выраженные феминистский дискурс и проблематика в российской лингвистике отсутствовали по причинам как политического, так и социального характера. Отсутствие полемического накала можно отнести к экстралингвистическим факторам, повлиявшим на ход гендерных исследований в лингвистике СССР, а затем и в России: они не сложились в отдельное научное лингвистическое, а затем междисциплинарное направление. Этот процесс начался позднее под несомненным идеологическим влиянием запада» [Кирилина 2000: 88].

Формирование гендерной лингвистики как научного направления началось в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ). Во многом благодаря усилиям ректора МГЛУ И.И. Халеевой в конце 90-х гг. XX в. состоялась институционализация гендерной лингвистики и формирование научного сообщества. С 1999 по 2007 г. продуктивно работала лаборатория гендерных исследований в МГЛУ: проведен ряд крупных международных конференций (1999, 2001, 2003) и семинаров, организован годовой семинар для лингвистов, в течение ряда лет читался спецкурс «Гендерная лингвистика» для слушателей факультета повышения квалификации МГЛУ, что позволило ознакомить с гендерной проблематикой широкий круг лингвистов страны, открыть консультинг; собрать библиографию защищенных по гендерной проблематике диссертаций; подготовить выпуск альманаха «Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации» (2002); опубликовать научные сборники [Халеева 1999; Гендер как интрига познания 2002], монографии и учебные пособия [Кирилина 1999; 2004], антологию [Гендер и язык 2005], материалы трех международных конференций (2002, 2003, 2006), начать освоение гендерной проблематики в отдельных областях филологического знания – от перевода [Гончаренко 1999] до социолингвистики [Городникова 1999; 2002] и лингвокультурологии [Томская 2006 и др.], а также разработать и внедрить тематику квалификационных работ, провести и защитить диссертационные исследования [Зыкова 2004; Коновалова 2005; Васькова 2006; Захарова 2006; Маслова 2007 и др.].

Гендерная лингвистика была включена в исследовательские программы Минобрнауки, что дало возможность реализовать ряд научных проектов; защищено значительное количество кандидатских и докторских диссертаций.

За годы активной деятельности лаборатории:

- 1) обобщены философско-методологические основы изучения гендера в языкознании;
- 2) разработана методология лингвокультурологических исследований гендера;
- 3) экспериментально выявлены и описаны гендерные компоненты этнических представлений;
- 4) выполнено значительное число научных проектов;

5) исследованы гендерные аспекты профессиональной устной научной коммуникации, Интернет-коммуникации, лексикографии и др.

Таким образом, при консолидирующей роли МГЛУ произошла институционализация гендерной проблематики и ее диверсификация в различных университетах страны – в Нижегородском государственном лингвистическом университете, где Е.С. Гриценко [Гриценко 2003; 2005; 2019 и др.; Boxer, Gritsenko 2005; Гриценко, Лалетина, Сергеева 2008; Гриценко, Лалетина и др. 2011; Бодрова 2010 и др.] разрабатывает проблематику гендера в англоамериканской лингвокультуре; в Пермском государственном национальном исследовательском университете гендерная лингвистика развивается в рамках Пермской социо- психолингвистической школы профессора Т.И. Ерофеевой и ее учеников [Автухович 2012; Гаранович 2010; 2011; 2019а; 2019б; 2020; Доценко 2000; Дьяконова 2002; Загоруйко 1999; Зубарева 2007; Ерофеева Е. В. 2005; 2010; Ерофеева Т. И. 2004; 2008; 2009; 2010; 2015; 2016а; 2016б; Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В. 2010; Усманова 2006; Черноусова 2008], в Воронежском государственном университете под руководством И.А. Стернина [Адонина 2007; Гётте 2004; Стернин 2011; 2019 и др.] реализуется психолингвистическое изучение гендера. Кроме того, отметим и отдельные труды видных отечественных лингвистов, не всегда причисляющих себя к гендерологам, – И.Т. Вепревой [Вепрева 2012; Вепрева, Пазио-Влазловская 2018; 2019], Д.О. Добровольского [Добровольский, Кирилина 2000]. В.А. Ефремова [Ефремов 2009], глава Л.Л. Федоровой в настоящей монографии и др.

Именно в сфере гендерной лингвистики началось освоение конструктивистской методологии [Гриценко 2005]; впервые изучена гендерная специфика устной научной коммуникации в формате дискуссии [Маслова 2007] и роль гендера в научной концептуализации [Томская, 2009а,б]; рассмотрены концепты мужественности и женственности, изучен образ русской женственности во фразеологии [Телия 1996]; экспериментально доказана социолингвистическая вариативность гендерных стереотипов в языковом сознании русских в зависимости от социальных параметров говорящих (гендер, возраст, специальность, уровень образования) [Гаранович 2011]; проведен гендерный анализ лексикографических трудов [Кирилина 1999; 2000; Васькова 2005; Сергеева 2007; Ефремов 2009; 2010 и др.], текстов учебников для начальной школы [Черных 2012] и др.

Ранее мы подробно рассматривали развитие доглобализационного этапа развития гендерной лингвистики в СССР и России [Кирилина 1998; 1999; 2000; 2003; 2009], установив целый ряд ее особенностей:

- невысокий интерес к феминистской идеологии и реформированию языка;
- интерес к лингвокультурологической составляющей и обоснование неодинаковой степени андроцентризма языков и культур; сопоставительные лингвокультурологические исследования; анализ лексикографических описаний мужественности и женственности;
- «инвентаризация» языков народов России в плане возможностей выражения гендерных аспектов бытия;
- быстрое развитие социо- и психолингвистических исследований и формирование научных школ; формирование русской терминологии предметной области (при этом первоначальный термин *лингвистическая гендерология* не закрепился, уступив место термину *гендерная лингвистика*);

– малое число исследований коммуникации в сравнении с гендерным анализом явлений языка;

– начало разработки методологических принципов анализа гендерных аспектов языка и коммуникации.

Стремительное развитие цифровых технологий также внесло свой вклад: стало возможно практически мгновенно распространять по всему миру различные идеи, общественные инициативы и практики. Это привело к ускорению социального конструирования моделей, отвечающих интересам господствующих политических сил. Социальное конструирование гендера с глобалистских позиций также ускорилось и приобрело черты концепции, распространяемой в планетарном масштабе – прежде всего, под влиянием американизации. Распространение одной идеи как доминирующей свойственно не только гендерной теории, но и многим другим концепциям: Д. Камерон отмечает повсеместное насаждение американизированных концепций преподавания языков [Cameron 2002], Б. Ридингс указывает на американизацию университетов мира [Ридингс 2010]. То же мы наблюдаем в российской повседневности и далее в научном дискурсе: «Отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [Юревич 2005: [http](#)]; «наши социогуманитарии как “интеллектуальные посредники” <...> свое традиционное предназначение в качестве *производителей* нового знания ... начинают утрачивать» [Там же]. В значительной мере это проявилось и в интерпретации гендера, способствуя некритичному переносу ряда дискуссионных идей на отечественную почву.

Параллельно ширилось нигилистическое отношение к советскому периоду истории и негативизм по отношению к происходившим в нем процессам, в том числе и к явно прогрессивным. Все это происходило на фоне прекращения собственной эвристики в пользу заимствования западных теоретических интерпретаций советского общества [Юревич 2005; 2015].

Зависимость научного, академического дискурса – дискурса «производства истины» – от культуры, эпохи, социального заказа доказана в философии и социологии науки (см. подробнее [Кун 2004; Фуко 2004; Юревич 2005; 2015; Berger, Luckmann 1967; Einführung in den Konstruktivismus 1992; Galtung 1981; Merton 1973 и др.]), и это факт должен обязательно быть учтен при осмыслении научных идей и выводов, касающихся сегодняшних перемен в языке и обществе, так как исходные пресуппозиции и убеждения интерпретаторов накладывают отпечаток на описание и представление объекта исследования. Можно отметить появление заимствованных из иностранных источников времен холодной войны интерпретаций гендерных отношений в СССР и России, в которых отсутствует дружественная пресуппозиция и явно присутствует социальный заказ грантодателей<sup>13</sup>.

Глобалистские тренды в интерпретации гендера встречают и открытое противодействие, поскольку вступают в противоречие с представлениями многих народов России о гендерных нормах.

---

<sup>13</sup> Разумеется, это никоим образом не означает, что мы объявляем ангажированными всех зарубежных или скептически настроенных отечественных русистов. Напротив, мы признаем их значительный вклад в русистику и гендерную лингвистику, считая, однако, некоторые их утверждения весьма дискуссионными и отражающими определенные политические обстоятельства.

В конце 1990-х гг., гендерные исследования развивались в РФ в значительной мере в ключе освоения западных концепций 1970-1980-х гг. и не вызывали отторжения. Кроме того, в этот период еще в значительной мере сохранялись остатки советских гендерных норм, не предполагавших объективацию женщин в той мере и с теми дискурсивными практиками, в какой и с какими это происходит сегодня. В 1990-е годы, рассказывая студентам о феминистской лингвистике Германии, мы каждый раз замечали скептицизм студентов обоих полов по отношению к этой теме. Сегодня же такого скептицизма нет, напротив, появились феминистские сайты и попытки феминизации языка – и это следствие как заимствованных дискурсов, так и изменения социальной ситуации и ухудшения положения женщин; их дискурсивная дискредитация и объективация наблюдалась в СМИ уже в 1990-е гг.

Происходит дифференциация адресованности по полу адресанта в ранее нейтральных сферах. Так, например, школьные принадлежности по содержанию и визуальному оформлению явно подразделяются теперь на гендерные группы (*Прописи для девочек*). В научно-популярном дискурсе обнаруживаются даже мизогинические тенденции (ср.: название книги «Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека» [Никонов 2005]).

Еще одна особенность современного развития отечественных гендерных исследований – это «накал страстей». Вследствие политизированности и радикализма глобалистских концепций, продвигаемых весьма настойчиво, предметная область «гендер» становится объектом не только несогласия, но и квазинаучного негативизма, отторгающего и дискредитирующего гендерные исследования как таковые, а не только их глобалистские интерпретации. Все это чрезвычайно вредит развитию нашей научной области и мешает исследованию тех процессов, которые объективно происходят и нуждаются в наблюдении и анализе. Так, выступая 29 ноября 2017 г. на заседании Общественной палаты, клинический психолог и эксперт Роскомнадзора Ж. Тачмамедова заявила о псевдонаучности гендерных исследований, назвала имена видных исследователей гендерной проблематики и обвинила их в распространении ЛГБТ-идеологии и работе на западные гранты [Психолог: гендерная идеология – лишь наукообразная оболочка идеологии ЛГБТ: [http](#)]. При всей неоднозначности некоторых трудов по гендерологии высказывания Ж. Тачмамедовой, а также их этическую составляющую, никак нельзя назвать приемлемыми. Напротив, дискредитация добросовестных исследователей наносит непоправимый ущерб отечественному гуманитарному знанию и мешает созданию культурно специфических гендерных теорий, а также обновленной аргументации для полемики с западными коллегами. Дискуссии же необходимы, поскольку мы снова нередко сталкиваемся сегодня с антироссийскими настроениями в гуманитарных научных интерпретациях.

Наряду с глобалистскими тенденциями отметим и отечественные процессы, меняющие гендерные аспекты жизни общества.

---

<sup>14</sup> Это, в частности, возвращение к досоветским радикально патриархатным образцам и нормам, например, лишение женщин водительских прав в современной Туркмении [В Туркмении начали массово лишать женщин водительских прав: [http](#)]; недавний запрет для женщин посещать бассейн «Анжи арена» в Дагестане [Запрет посещения бассейна для женщин в российском регионе объяснили: [http](#)]; “дело” несовершеннолетней чеченской школьницы Хеды (Луизы) Гойлабиевой, против ее воли выданной замуж в мае 2015 г. [Борисов: [http](#)] и др. Возрождение или оживление средневековых традиций, ярко выраженного неравноправия способствует и возрождению соответствующих дискурсивных практик: достаточно указать

Прежде всего – это возрождение патриархатного фундаментализма в России и бывших советских республиках<sup>14</sup>, что связано и с деиндустриализацией, и с возрождением религиозности и поощрением религиозных гендерных догм, и миграцией из исламских регионов, где гендерные отношения весьма отличаются от либеральных. Это и ухудшение положения женщин на рынке труда и в обществе в целом. Постсоветские семиотические репрезентации гендера подтверждают отмечаемое также социологами [Свадьбина, Немова, Пакина 2014; Кирилина 2015а] снижение статуса женщины в современном обществе.

Согласно данным Агентства по делам национальностей, в Российской Федерации насчитываются 193 национальности, многие из которых имеют специфические гендерные традиции и болезненно реагируют на их нарушение.

Названные факты позволяют охарактеризовать современную гендерную модель в России как плюралистическую. Во всем многообразии репрезентаций четко выделяются глобальная тенденция к устранению гендерных различий и патриархатный фундаментализм. Мы наблюдаем:

- противоборство глобалистских и фундаменталистских тенденций;
- «уход в тень» советской модели гендера в общественном дискурсе и пространстве при (частичном) сохранении ее в частной зоне (Интернет-общения); обособленное и положительно коннотированное понятие *советская женщина*; апелляции к советским гендерным моделям при обсуждении современных проблем («...а наши девушки знали, что такое легированная сталь!»);
- оживление и «параллельное» существование этнизированных и/или конфессиональных моделей гендера;
- дробление общества на виртуальные кластеры в Интернете, в которых представлены все виды гендера и сексуальных практик;
- использование гендера как политического ресурса;
- гендеризация детства.

Названные тенденции – симптом изменения общей модели человека. Факт же их противоположной направленности говорит, на наш взгляд, о борьбе глобалистов и традиционалистов-фундаменталистов за право определять содержание понятия *человек* в современном общественном дискурсе. Те и другие тенденции насаждаются весьма интенсивно и нередко грубо игнорируют ценности, настроения и ожидания людей, что ведет к социальным и личным протестам разного рода и также должно стать объектом научной рефлексии.

В *научно-организационном плане* в российской гендерной лингвистике также происходят заметные изменения. После бурного всплеска в конце 1990-гг. и

---

на высказывания православного священника о. Д. Смирнова, который в 2020 году (!) назвал женщин, состоящих в гражданском браке, «бесплатными проститутками»: «Неохота сказать, что «я бесплатная проститутка», поэтому говорят: у меня гражданский брак» (цит. по: [Солдатов, Тороп 2020: <http://>]). Этот же церковный иерарх весьма негативно высказался о школьном образовании девочек. В ответ на вопрос, кто может помочь воспитывать детей родителям, если нет бабушек и дедушек, священнослужитель сказал, что помощников нужно родить самим. В пример О.Д. Смирнов привел одну из прихожанок, которая вместо того, чтобы отдать одну из младших дочерей в школу, оставила ее ухаживать за младенцем: «Чего там в этой школе делать? Учиться зависти, обзыванию, скверным словам, хамству учителям? Чему? А так она будет уже готовая мама. Все будет уметь», – цитирует «Радонеж» его слова [Протоиерей Смирнов призвал оставить девочек без школьного образования: <http://>].

интенсивного этапа развития в первом десятилетии XXI века наступил некоторый спад в интенсивности межвузовских контактов и консолидации научного сообщества, произошла атомизация исследователей и исследовательских групп, что связано с прекращением работы Лаборатории гендерных исследований МГЛУ и большим перерывом в проведении консолидирующих мероприятий. Изолированность привела к падению уровня, особенно среди молодых исследователей, и недостаточному распространению информации. Так, докторская диссертация В.А. Ефремова [Ефремов 2010] не вызвала широкого обсуждения, которого она, безусловно, достойна. И это, разумеется, не единственный пример. Кроме того, многие молодые ученые в рамках академической мобильности работали над магистерскими и кандидатскими диссертациями в зарубежных университетах, где труды отечественных гендерологов почти не известны или критикуются.

Лишь в ноябре 2019 г. в Московской международной академии, через тринадцать лет после предыдущей, состоялась Четвертая международная конференция «Гендер: язык, культура, коммуникация», вновь собравшая научное сообщество. Этому крупному событию предшествовало еще одно не менее значимое научное мероприятие – Всероссийское междисциплинарное научное совещание «Вариативность языка и когнитивных структур: модели и методы» (ПГНИУ, кафедра теоретического и прикладного языкознания, 21 сентября 2019 г.), организованное Пермской научной школой социо- и психолингвистики, на котором выступили молодые специалисты, занимающиеся гендерной проблематикой в лингвистике.

На конференциях принято решение возобновить процесс и организовывать научный форум по гендерной проблематике каждые два года, как и прежде.

### **Заключение**

Обобщая, можно заключить, что сегодня меняется научная интерпретация гендера в свете идеологии глобализма и общей ревизии модели человека:

– гендерная концепция под влиянием политики эволюционирует от дуальности к множественности; возникают новые виды дискурсивных практик, направленных на насаждение концепции множественности гендера и его расширительное толкование (на сегодняшний день – более шестидесяти видов).

– происходит сближение гендерных концепций с идеями постгендеризма и трансгуманизма;

– усиливается обсуждение политкорректности и реформирования языка для достижения множественного гендерного равноправия.

Все это интерпретируется как симптом изменения общей модели человека, а также как разнообразные мультимодальные формы и способы разрушения «традиционных» стереотипных представлений о мужественности и женственности через акцентирование множественности пола и включение в категорию нормы поведенческих образцов, ранее характеризовавшихся в терминах девиации или не существовавших.

Гендер, трактуемый с позиций глобализма, из инструмента дуального социокультурного разграничения полов превращается в инструмент самоидентификации и редуцируется при этом до нейтрального маркера сексуальной ориентации или любой самоидентификации вообще – *человек-дракон, инопланетянин* и т. п.

Противоположная тенденция – фундаментализм, провозглашающий возврат к патриархальному представлению о поле: тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии (выражается прежде всего в смещении от метагендерного к гендерному уровню описания; в игнорировании неодинаковой степени андроцентричности языков; появлении и элементов мизогинического дискурса), что нередко поддерживается СМИ, религиозными организациями, общественным и отчасти даже научно-популярным дискурсом.

И все же, на наш взгляд, дискурсивное конструирование гендера играет ведущую роль. Особая роль отводится постсоветскому всплеску религиозной активности и расширению сферы влияния церкви, а также иноконфессиональной миграции и появлению связанных с ними новых агентивных имен существительных для обозначения лица и семантической трансформации имеющихся.

Для развития гендерной лингвистики в России на сегодняшний день характерны:

- институциональная недостаточность после десяти лет бурного роста;
- отсутствие консолидирующего центра внутри страны и деятельность международной исследовательской группы по гендерной славистике;
- рост предвзятого отношения к гендерным исследованиям в свете резкой политизации проблемы гендерного равенства;
- противоречивость общего развития гендерных исследований в свете изменения модели человека и столкновения дуальной и множественной моделей гендера и запаздывания научной рефлексии о результатах продвижения идей языкового равноправия, хотя они насчитывают уже пятидесятилетнюю историю;
- наметившиеся пути преодоления названных проблем.

Необходимо учитывать, что методологические основы гендерных исследований и их философское осмысление зависят от исторических факторов развития как самих лингвистических знаний, так и общенаучной модели человека. Существенную роль играет в рассмотрении и интерпретации фактов приверженность исследователя той или иной методологии, а часто и его идеологические установки. Гендерные исследования зависят от политического контекста. Сегодня он тоже меняется, поэтому трудно пока прогнозировать дальнейшие акценты в развитии гендерной лингвистики. Назовем лишь некоторые интересные, с нашей точки зрения, темы. Все еще слабо изучены в аспекте гендера разнообразные советские дискурсы. Нередко их изучение велось с позиции западной перспективы и потому несет «холод чужого взгляда». Модель советской женственности, однако, уникальна и относится к цивилизационным достижениям эпохи. Хотя бы поэтому она заслуживает «тепла во взгляде исследователя» и бережно-уважительного подхода.

Чрезвычайно интересно также проследить развитие гендерно значимого лексического состава русского языка в свете противоборствующих тенденций. Отчасти это сделано в [Кирилина 2019а; 2019б, 2020], но вопрос далеко не исчерпан. Требуется продолжения и лонгитюдных исследований изучения ассоциаций и когнитивных процессов человека в аспекте гендера; нуждается в дальнейшем накоплении данных гендерная социолингвистика. Бескрайние возможности предоставляют корпусные гендерные исследования (например, в [Даниэль, Зеленков 2012]), которые также еще малочисленны, но представлены в монографии. Ждут исследователя и изучение результатов феминистского реформирования языков, а также фактическое использование языка в сообществе *квир*.

В отличие от доглобалистского этапа, реформирование языка и внедрение феминитивов становятся сегодня частью общественного дискурса, опережая или игнорируя лингвистические данные исследования.

Не менее интересным представляется проследить тенденции «саморазвития» гендерно значимых лексических единиц, которые сегодня указывают на то, что агентивные имена мужского и женского рода возникают прежде всего в семантических сферах, где регистрируется социальная напряженность (межнациональные отношения и т.д.), что подтверждает идею о том, что «любая система символов так или иначе воспроизводит конфигурацию реальности» [Халеева 2000: 9].

Мы полагаем, что в настоящее время возобновляется консолидация усилий исследователей, возобновляется обмен научными результатами, а также растет интерес к тем разнообразнейшим инновациям и перспективным научным темам, которые изложены выше. Все это дает исследователям гендера основания для оптимизма.

© Кирилина А.В., 2021

### Литература

*Автухович Ю.Э.* Влияние факторов «специальность» и «гендер» на употребление именных форм глагола // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 33–40.

*Адонина Л.В.* Концепт «женщина» в русском языковом сознании: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 246 с.

*Бастье Э.* Кризис мужественности (08.07.2018) // URL: <https://inosmi.ru/social/20180708/242702031.html> (дата обращения: 30.03.2019).

*Бовуар С. де.* Второй пол. В 2 т. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.

*Бодрова А.А.* Конструирование гендера в кинотексте (на материале американского варианта английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2010. 158 с.

*Васькова О.А.* Гендер как предмет лексикографического описания: На материале фразеологии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 177 с.

*Вепрева И.Т.* Женщина в грамматике, словаре и речевой практике // Человек о языке — язык о человеке: Сб. статей памяти акад. Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2012. С. 91–99.

*Вепрева И.Т., Пазио-Влазловская Д.* Что могут сообщить брачные объявления о современной женщине (на материале польского и русского языков) // Русин. 2018. Т. 52. Вып. 2. С. 177–192.

*Вепрева И.Т., Пазио-Влазловская Д.* О проявлении гегемонной маскулинности современных мужчин в тексте брачного объявления (на материале польского и русского языков) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 62. С. 54–68.

*Гаранович М.В.* О социолингвистическом подходе при изучении функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина: Филология. 2010. Т. 1. № 3. С. 122–128.

*Гаранович М.В.* Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 272 с.

*Гаранович М.В.* Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка // Когнитивные исследования языка. 2019а. № 37. С. 897–903.



*Гаранович М.В.* Методы изучения социолингвистической вариативности гендерно-обусловленных когнитивных образований // Тезисы Четвертой междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019б. С. 30–33.

*Гаранович М.В.* Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских: монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 228 с.

*Гендер и язык* / Под ред. А. В. Кирилиной. Московский гос. лингвистический университет; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

*Гендер как интрига познания.* Сост. А.В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. 191 с.

*Гендер: язык, культура, коммуникация:* Материалы Первой международной конференции (25–26 ноября 1999 г.). М.: МГЛУ, 1999. 146 с

*Гендер: язык, культура, коммуникация:* Мат-лы Второй Международной конференции (22–23 ноября 2001 г.). М.: МГЛУ, 2002.- 335 с.

*Гендер: язык, культура, коммуникация:* материалы Третьей Международной конференции (27–28 ноября 2003 г.). М.: МГЛУ, 2003.- 128 с.

*Гендерный фактор в языке и коммуникации* / под ред. И.И. Халеевой. Иваново, 1999. 92 с.

*Гётте Е.Ю.* Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 248 с.

*Гончаренко С. Ф.* Гендерный фактор в концептуально-метафорической картине мира оригинального поэта и поэта переводчика: интрига и драма перевоплощения // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Сб. науч. трудов МГЛУ. М., 1999. Вып. 4. С. 38–41.

*Городникова М.Д.* Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Сб. науч. трудов. Иваново, 1999. С. 23–27.

*Городникова М.Д.* Гендер в коммуникативной интеракции // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», Москва, 22–23 ноября 2001 г. М.: МГЛУ, 2002. С. 70–76.

*Гриценко Е.С.* Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе // Journal of Eurasian Research. Winter 2003. Vol. 3. No. 3. P. 71–79.

*Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования гендера: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Н. Новгород, 2005. 405 с.

*Гриценко Е.С.* О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019. С. 23–24.

*Гриценко Е.С., Лалетина А.О., Бодрова А.А., Дунышева Л.Г.* Гендер в британской и американской лингвокультурах. Монография. М., Наука. 2011. 220 с.

*Гриценко Е. С., Лалетина А. О., Сергеева М. В.* Гендер в английской лингвокультуре. Н. Новгород: Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2008. 214 с.

*Даниэль М.А., Зеленков Ю.Г.* НКРЯ как инструмент социолингвистических исследований. Эпизод IV: пол говорящего и длина реплики // Компьютерная

лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам конференции Диалог-2012. Т. 11. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 112–121.

*Добровольский Д.О., Кирилина А.В.* Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания: сб. ст. М.: Рудомино, 2000. С. 19–35.

*Доценко Т.И.* Влияние фактора «пол» на внутренний лексикон подростка // Русский язык сегодня: Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. (РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова.) М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 78–85.

*Дьяконова И.В.* Иноязычное слово: социопсихолингвистический аспект исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2002. 18 с.

*Ерофеева Е.В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. С. 172–177.

*Ерофеева Е.В.* Дифференциация и интеграция социолектов: к вопросу о взаимодействии факторов // Вестник Пермского ун-та. Вып. 5 (11). 2010. С. 39–47.

*Ерофеева Т.И.* Современная городская речь. (Перм. ун-т; Прикамский соц. ин-т; Прикам. соц.-гум. колледж.) Пермь, 2004. 316 с.

*Ерофеева Т.И.* Языковая единица в гендерном рассмотрении // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 19. № 9 (110). С. 35–39.

*Ерофеева Т.И.* Социолект: стратификационное исследование: монография. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. 240 с.

*Ерофеева Т.И.* Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник Пермского университета. 2010. Вып 1 (7). С. 21–25.

*Ерофеева Т.И.* Гендерные исследования в Пермской школе социо- и психолингвистики // Сборник статей пятой всероссийской конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (г. Санкт-Петербург, 28–31 ноября 2015 г.). СПб., 2015. С. 89–95.

*Ерофеева Т.И.* Стратификационное описание городского языкового пространства // Лингвистика городского пространства. Пермь, 2016. С. 9–18.

*Ерофеева Т.И.* Нарратив в социолингвистическом описании // Лингвистика городского пространства. Пермь, 2016. С. 45–59.

*Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В.* Человек и текст: антропоцентрический подход к исследованию // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4 (10). С. 144–149.

*Ефремов В.А.* «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 184 с.

*Ефремов В.А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ — ‘женщина’»: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 406 с.

*Загоруйко Ж.С.* Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999. 133 с.

*Захарова Т.Н.* Семиотические средства выражения гендера в тексте на электронном носителе (на материале немецких чатов): Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2006. 137 с.

*Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии: учеб. пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.

*Зубарева А.А.* Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 19 с.

*Зыкова И.В.* Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 219 с.

*Камерон Д.* Теоретические дискуссии в феминистской лингвистике: вопросы пола и гендера // *Гендер и язык*. М., 2005. С. 609–637.

*Кандиоти Д.* Эволюция гендерных исследований. Обзор // *Женщины и социальная политика (гендерный аспект)*. М.: ИСЭПН, 1992. С. 156–163.

*Кирилина А.В.* Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Филологические науки*. 1998. № 2. С. 51–58.

*Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 180 с.

*Кирилина А.В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.

*Кирилина А.В.* «Сто тысяч подруг — на трактор». Дискурсивные практики вовлечения женщин в трудовую деятельность (тридцатые годы) // *Wiener Slavistischer Almanach*. 2001. Sonderband 54. S. 447–457.

*Кирилина А.В.* Современное состояние гендерных исследований в российской лингвистике // *Beitragedes Gender-Blockszum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15–21 August 2003. Specimina Philologiae Slavicae*. 2003. Bd. 137. S. 113–127.

*Кирилина А.В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебн. пос. для студентов высших учебных заведений. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 252 с. (Сер. «Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках».)

*Кирилина А.В.* Развитие лингвистических гендерных исследований в России (1999–2009) // *Язык и сознание: психолингвистические аспекты: Сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой и Т. Н. Ушаковой*. М.; Калуга: Эйдос, 2009. С. 67–81.

*Кирилина А.В.* Специфика развития гендерных исследований в России (середина 90-х гг. XX в. — 2010 г.) // *Общество — Язык — Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: докл. Четвертой междунар. конф., 27 ноября 2009 г.* М.: МИЛ, 2010. С. 42–57.

*Кирилина А.В.* Специфика создания гендерных репрезентаций в России на рубеже XX–XXI вв. // *CHALLENGES OF INFORMATIONAL SOCIETY AND APPLIED PSYCHOLINGUISTICS — Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. Editors: Natalia V. Ufimtseva, Anna V. Stepanova, Denis V. Makhovikov, Larisa S. Zhukova. Moscow: RUDN, Institute of Linguistics RAN, MIL, 2013. P. 427–429.

*Кирилина А.В.* Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России // *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages (Innsbruck, 1–4 October 2014) / Ed. by D. Scheller-Boltz // Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2015a. Bd. 59. S. 33–49.

*Кирилина А.В.* Динамика современных гендерных репрезентаций (2000–2015 гг.) // Сборник в честь юбилея В. А. Пищальниковой. М.: URSS, 2015б. С. 125–141.

*Кирилина А. В.* Ревизия научных представлений о гендере и состояние гендерной лингвистики на рубеже XX–XXI веков // Теория речевой деятельности и вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 6–8 июня 2019 г. / Редколлегия: Е. Ф. Тарасов (отв. ред.), Н. В. Уфимцева, В. П. Синячкин, У. М. Бахтикиреева, О. В. Балясникова, Е. С. Ощепкова, Л. С. Жукова, С. В. Дмитриук. М.: Канцлер, 2019а. С. 268–269.

*Кирилина А.В.* Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. 2019б. № 2. (40) 7. С. 12–29.

*Кирилина А.В.* Основные тенденции конструирования гендера в современной России // Тезисы Четвертой международной конференции “Гендер: язык, культура, коммуникация”. Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019в. С. 33–36.

*Коновалова С.А.* Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте народной волшебной сказки: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2005. 219 с.

*Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с/

*Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.

*Кун Г.* Структура научных революций. М., 1977. 250 с.

*Кутцова Г. И.* Гендерный аспект текстов, нанесенных на детские товары // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Часть I. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24–26 мая 2016 г. / Редколлегия: Е. Ф. Тарасов (отв. ред.), Н. В. Уфимцева, О. В. Балясникова, Д. В. Маховиков, А. А. Степанова. М.: Канцлер, 2016. С. 305–307.

*Кутцова Г.И.* Отражение современных гендерных репрезентаций в семиотическом ландшафте Москвы // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 156–164.

*Кутцова Г.И.* Семиотика гендера в игрушках для детей разного возраста // Тезисы Четвертой международной конференции “Гендер: язык, культура, коммуникация”. Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019. С. 101–102.

*Маслова Л.Н.* Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2007. 192 с.

*Никонов А.* Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. М.: Издательский дом: НЦ ЭНАС, 2005. 385 с.

*Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 15–34.

*Ридингс Б.* Университет в руинах / Пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

*Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А.* Современный трафик работоторговли: причины, последствия, профилактика // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 43–48.

*Сергеева М.В.* Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 27 с.

*Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009. С. 249–295.

*Стернин И.А.* Общение с мужчинами и женщинами. Воронеж, 2001. 35 с.

*Стернин И.А.* Общение с мужчинами, женщинами, в семье. 8-е изд., испр. и доп. Воронеж: РИТМ, 2019. 62 с.

*Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

*Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 286 с.

*Томская М.В.* Национально-культурная специфика отражения гендерного концепта в якутском языке (на материале якутского героического эпоса) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы Третьей международной конференции, 27–28 ноября 2003 г. М.: РЕМА, 2006. С.130–142.

*Томская М.В.* Акты институционализации в научном дискурсе // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков. Материалы международной научной конференции к 100-летию заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора А.В. Кунина. 2009. С. 166–167.

*Томская М.В.* О конструировании социальной идентичности в межкультурной научной коммуникации // Общество — Язык — Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. М., 2009б. С.172–183.

*Усманова М.В.* Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций (на материале устных спонтанных монологов): учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. 152 с.

*Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. 416 с.

*Халеева И.И.* Задачи московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте “Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии” // Женщина в российском обществе, 1998. № 3. С. 8–11.

*Халеева И.И.* Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации / Под ред. И. И. Халеевой. Иваново, 1999. С. 5–9.

*Халеева И.И.* Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания: сб. ст. / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 9–18.

*Черноусова А.С.* Лексическая единица и ее запоминание: социолингвистическое исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. 23 с.

*Черных О.Ю.* Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 182 с.

*Чех Г.* Образ семьи в текстах молодежной литературы в условиях глобализации. Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, ММА, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019. С. 154–155.

*Юревич А.В.* Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123–132.

*Юревич А.В.* Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту // URL: <http://polit.ru/article/2005/06/21/urevich/> (дата обращения: 03.01.2016).

*Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N. Y., 1967. 216 p.

*Borneman E.* Das Patriarchat. Ursprung und Zukunft unseres Gesellschaftstems. Frankfurt a. Main, 1991 (zuerst 1971). 694 s.

*Boxer D., Gritsenko E.* Women and Language Across Cultures: Reconstituting Identity in Marriage / Women and Language. 2005. T. 28. № 2. P. 1–11.

*Butler Judith P.* Performative Acts and Gender Construction: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // Theatre Journal. 1988. 40 (4). P. 519–531.

*Butler Judith P.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. NY: Routledge, 1990. 172 p.

*Butler Judith P.* Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex». NY; London: Routledge, 1993. 256 p.

*Butler Judith P.* Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen des Geschlechts. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 385 s.

*Cameron D.* Globalization and the teaching of “communication skills” // Globalization and the Language Teaching / Ed. by D. Block, D. Cameron. Rouledge, 2002. P. 67–82.

*Coats J.* Women, men and language. A sociolinguistic account of sex differences in language. New York, 1986. 389 p.

*Connell R.W.* The big picture: Masculinities in recent world history // Theory & Society. 1993. 22. P. 597–623.

*Easthope A.* British post-structuralism since 1968. London; New-York, 1988. 255 p.

*Einführung in den Konstruktivismus-Beiträge* von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzlawick-Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung / Hrsg. von H. Gumin, H. Meier. München: Piper Verlag GmbH, 1992, 1. Aufl. Bd. 5. 192 S.

*Galtung J.* Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxonic, teutonic, gallic and nipponic approaches // Social Science Information. 1981. 20. P. 817–856.

*Goffman E.* Interaktion und Geschlecht. Frankfurt am Main, 1994. 194 s. (Engl. 1976.)

*Janssen-Jurreit M.* Sexismus. Über die Abtreibung der Frauenfrage. München-Wien, 1975. 756 s.

*Kirilina A.V.* Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der EMMA-Zeitschrift // das Wort. Germanistisches Jahrbuch., 1999.

*Kirilina A.* Geschlechtergerechte Sprache in Russland // Sprachdienst. 2020. 1–2, Jahrgang 64. S. 87–92.

*Kirilina A., Kuptsova G.* Multilingualism in the Linguistic Landscape of Moscow Based on Inscriptions on Children’s Toys // International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019) Atlantic press. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 315. P. 404–406.

*Kotthoff H.* Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9–15.

*Lakoff R.* Language and women’s Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–79.

*Merton R. K.* The Sociology of Science. Chicago London, 1973. 605 p.

*Pusch L.* Das Deutsche als Männersprache. Linguistische Berichte, 1981. S. 59–74.

*Pusch L.* Alle Menschen werden Schwestern. Frankfurt am Main, 1990. 245 s.

*Samel I.* Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995. 224 s.

*Scheller-Boltz D.* The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics. Georg Olms Verlag Hildesheim. Zürich - New York, 2017. 251 P.

*Scheller-Boltz D.* Grammatik und Ideologie. Feminisierungsstrategien im Russischen und Polnischen aus der Sicht der Wissenschaft und Gesellschaft. (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe). Frankfurt am Main: Lang, 2019.

*Scott J.W.* Gender: A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. № 5. P. 1053–1075.

*Theory & Society. Masculinities. Special Issue: Theory and Society.* 1993. P. 597–623.

*Trömel-Plötz S.* Linguistik und Frauensprache // *Linguistische Berichte*, 1978. S. 49–68.

*Trömel-Plötz S.* (Hrsg.): Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. Frankfurt am Main, 1982a. 405 S.

*Trömel-Plötz S.* Frauensprache: Sprache der Veränderung. Frankfurt am Main, 1982b. 219 S.

*Walby S.* Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory // *Sociology*. 2012. Vol. 46. № 2. P. 224–240.

#### **Список источников**

*Блог rjadovoj\_rus* // URL: <https://rjadovoj-rus.livejournal.com> (дата обращения: 03.02.2020).

*Борисов П.* От двоеженства к ранним бракам. Как развивался скандал со свадьбой 17-летней девушки и начальника чеченского РОВД (17.05.2015) // URL: <https://meduza.io/feature/2015/05/17/ot-dvoezhenstva-k-rannim-brakam> (дата обращения: 17.05.2015).

*В Барселоне открылся первый европейский бордель с силиконовыми куклами* (01.03.2017) // URL: <https://noticia.ru/allnews/obshhestvo/v-barselone-otkrylsya-pervyj-evropejskij-bordel-s-silikonovymi-kuklami-19570.htm> (дата обращения: 01.03.2017).

*В США открылся магазин для юных трансгендеров* (ИА Красная Весна 29.12.2017) // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/d439f44b> (дата обращения: 27.05.2019).

*В Туркмении начали массово лишать женщин водительских прав* (19.02.2019) // URL: <https://news.mail.ru/society/36357981/> (дата обращения: 19.02.2019).

*Гомосексуальность и психическая норма: материал из Википедии* // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гомосексуальность\\_и\\_психическая\\_норма#cite\\_note-НПЖ2006-31](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гомосексуальность_и_психическая_норма#cite_note-НПЖ2006-31) (дата обращения: 10.04.2020).

*Запрет посещения бассейна для женщин в российском регионе объяснили* (22.01.2020) // URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/22/explanation/> (дата обращения: 22.01.2020).

*Матвеева А.* Кукольный дом: как работает первый бордель с куклами в Москве (01.05.2018) // URL: <https://riamo.ru/article/284830/kukolnyj-dom-kak-rabotaet-pervyj-bordel-s-kuklami-v-moskve.xl> (дата обращения: 03.05.2018).

*Первый брак между тремя мужчинами заключили в Колумбии* (14.06.2017) // URL: <https://lenta.ru/news/2017/06/14/colombia/> (дата обращения: 13.03.2020).

*Протоиерей Смирнов призвал оставить девочек без школьного образования* // URL: [https://iz.ru/983362/2020-03-04/protoierei-smirnov-prizval-ostavit-devochek-bez-shkolnogo-obrazovaniia?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop&utm\\_](https://iz.ru/983362/2020-03-04/protoierei-smirnov-prizval-ostavit-devochek-bez-shkolnogo-obrazovaniia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_)

referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 04.03.2020).

*Психолог: гендерная идеология — лишь наукообразная оболочка идеологии ЛГБТ* (29.11.2017) // URL: <https://rvs.su/novosti/2017/psiholog-gendernaya-ideologiya-lish-naukoobraznaya-obolochka-ideologii-lgbt> (дата обращения: 30.03.2020).

*Смирнова О.* В Петербурге открылся бордель с эльфами и подогревом: среди силиконового секс-персонала есть один скучающий мужчина (06.06.2019) // URL: <https://spb.mk.ru/social/2019/06/06/v-peterburge-otkrylsya-bordel-s-elfami-i-podogrevom.html> (дата обращения: 06.06.2019).

*Солдатов А., Тороп А.* С обидой на все мирское. Почему протоиерей Димитрий Смирнов может спокойно оскорблять людей// URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/17/83970-myagkiy-dobryu-i-otzyvchivyyu-pastyr> (дата обращения: 19.02.2020).

*Стешин Д.* Зачем модельеры Гуччи заставили мужчин переодеться в женщин? // URL: <https://www.kp.ru/daily/27103/4177377/> (дата обращения: 12.03.2020).

*Тачмамедова Ж.* Транссексуализм и педофилия уже не патология? Новые нормы психиатрии (05.06.2019) // URL: <https://regnum.ru/news/society/2642375.html> (дата обращения: 06.05.2019).

*Хронология легализации однополых союзов: материал из Википедии* // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология\\_легализации\\_однополых\\_союзов](https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология_легализации_однополых_союзов) (дата обращения: 10.04.2020).

*Bloggen er fjernet* // URL: <http://theasbryllup.blogg.no> (дата обращения: 25.05.2016).

*Olohan M.M.* Mattel Releases Gender-Neutral Barbies in Efforts to Be ‘More Inclusive’ (26.09.2019) // URL: <https://www.dailysignal.com/2019/09/26/mattel-releases-gender-neutral-barbies-in-efforts-to-be-more-inclusive/> (дата обращения: 20.10.2019).

*Steffen Königer German AfD Politician about Gendermania* (English Subtitles) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H3pntGBYlho> (дата обращения: 22.03.2018).

#### **История статьи:**

Дата поступления в редакцию: 15.06.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

#### **Сведения об авторе:**

**Кирилина Алла Викторовна** – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии

#### **Контактная информация:**

129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1

ORCID: 0000-0002-3818-6387

*e-mail:* [alkira@list.ru](mailto:alkira@list.ru)

#### **Для цитирования:**

Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики №3(49) 2021, С. 109–147, doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147



UDC 81'23

LBC 100.3

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147

Survey article

## GENDER AND GENDER LINGUISTICS AT THE BORDER OF THE THIRD MILLENNIUM

Alla V. Kirilina

Moscow International Academy, Moscow, Russia

### *Abstract*

The issue deals with the transformations taking place at the turn of the XX–XXI centuries in the understanding of gender and gender studies; the presence of two trends is established – the globalist trend towards rejection of the binary model of gender and gender correlation, as well as the fundamentalist patriarchal model of gender and their interaction in our country. The history of development and the main features, results and problems of gender linguistics in Russia are also characterized.

**Key words:** gender, gender linguistics, globalization, non-binary model of gender, patriarchal fundamentalism

### References

Adonina, L.V. (2007) *Kontsept «zhenshchina» v russkom yazykovom soznanii* [The concept “woman” in the Russian linguistic consciousness]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Voronezh. 246 p. (in Russian)

Avtukhovich, Yu.E. (2012) Vliyanie faktorov «spetsial'nost'» i «gender» na upotreblenie vidovykh form glagola [The influence of factors “specialty” and “gender” on the use of specific forms of the verb]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (17), 33–40. (in Russian)

Bast'e, E. (2018) *Krizis muzhestvennosti* [The crisis of masculinity] (08.07.2018) // Available from: <https://inosmi.ru/social/20180708/242702031.html> [Accessed 30th March 2019]. (in Russian)

Berger, P.L., Luckmann, T. (1967) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N.Y. 216 p.

Bodrova, A.A. (2010) *Konstruirovaniye gendera v kinotekste (na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo yazyka)* [Constructing Gender in Film Text (Based on American English)]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Nizhnii Novgorod. 158 p. (in Russian)

Borneman, E. (1991) *Das Patriarchat. Ursprung und Zukunft unseres Gesellschaftens*. Frankfurt a. Main (first published in 1971). 694 p. (in German)

Bovuar, S. de. (1997) *Vtoroi pol* [The second gender]. In two volumes. Transl. from French. Moscow, Progress Publ.; Saint-Petersburg, Aleteiya Publ. 832 p. (in Russian)

Boxer, D., Gritsenko, E. (2005) Women and Language Across Cultures: Reconstituting Identity in Marriage. *Women and Language*. 28(2), 1–11.

Butler, Judith P. (1988) Performative Acts and Gender Construction: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory. *Theatre Journal*. 40 (4), 519–531.

Butler, Judith P. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. NY.

Routledge. 172 p.

Butler, Judith P. (1993) *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»*. NY; London. Routledge. 256 p.

Butler, Judith P. (1995) *Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen des Geschlechts*. Frankfurt am Main. Suhrkamp. 385 p. (in German)

Cameron, D. (2002) Globalization and the teaching of “communication skills”. In: Block, D., Cameron, D. (eds) *Globalization and the Language Teaching*, pp. 67–82.

Cameron, D. (2005) Teoreticheskie diskussii v feministской lingvistike: voprosy pola i genera [Theoretical Discussions in Feminist Linguistics: Gender and Gender Issues]. In: *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moscow. С. 609–637. (in Russian)

Chernousova, A.S. (2008) *Leksicheskaya edinit'sa i ee zapominanie: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Lexical unit and its memorization: sociolinguistic research]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 23 p. (in Russian)

Chernykh, O.Yu. (2012) *Semioticheskie sredstva konstruirovaniya genera v pedagogicheskom diskurse* [Semiotic means of constructing gender in pedagogical discourse]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. 182 p. (in Russian)

Chekh, G. (2019) *Obraz sem'i v tekstakh molodezhnoi literatury v usloviyakh globalizatsii* [The image of the family in the texts of youth literature in the context of globalization]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference “Gender: Language, Culture, Communication”*. Moscow, MMA, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 154–155. (in Russian)

Coats, J. (1986) *Women, men and language. A sociolinguistic account of sex differences in language*. New York. 389 p.

Connell, R.W. (1993) The big picture: Masculinities in recent world history. *Theory & Society*. 22, pp. 597–623.

Daniel', M.A., Zelenkov, Yu.G. (2012) NKRYa kak instrument sotsiolingvisticheskikh issledovaniy. Epizod IV: pol govoryashchego i dlina repliki [RNC as a tool for sociolinguistic research. Episode IV: gender of the speaker and length of the line]. In: *Computational linguistics and intelligent technologies*. Based on the materials of the conference “Dialog-2012”. 11. Moscow. RGGU Publ., pp. 112–121. (in Russian)

Dobrovol'skii, D.O., Kirilina, A.V. (2000) Feministskaya ideologiya v gendernykh issledovaniyakh i kriterii nauchnosti [Feminist ideology in gender studies and scientific criteria]. In: *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition]. Moscow. Rudomino Publ., pp. 19–35. (in Russian)

Dotsenko, T.I. (2000) Vliyanie faktora «pol» na vnutrennii leksikon podrostanta [Influence of the factor “gender” on the inner lexicon of a teenager]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russian language today: Collection of articles* (V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences). Moscow. Azbukovnik Publ. 1, pp. 78–85. (in Russian)

D'yakonova, I.V. (2002) *Inoyazychnoe slovo: sotsiopsikholingvisticheskii aspekt issledovaniya* [Foreign language: the sociopsycholinguistic aspect of the study]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 18 p. (in Russian)

Easthope, A. (1988) *British post-structuralism since 1968*. London; New-York. 255 p.

Efremov, V.A. (2009) «Muzhchina» i «zhenshchina» v russkoi yazykovoii kartine mira [“Man” and “Woman” in the Russian Language Picture of the World]. Saint Petersburg. Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. 184 p. (in Russian)

Efremov, V.A. (2010) *Dinamika russkoi yazykovoi kartiny mira: verbalizatsiya kontseptual'nogo prostranstva «'muzhchina' – 'zhenshchina'»* [Dynamics of the Russian linguistic picture of the world: verbalization of the conceptual space «'man' – 'woman'»]: dissertation of the candidate of philological sciences. Saint Petersburg. 406 p. (in Russian)

Erofeeva, E.V. (2005) *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm'. Perm State University Publ., pp. 172–177. (in Russian)

Erofeeva, E.V. (2010) *Differentsiatsiya i integratsiya sotsiolektov: k voprosu o vzaimodeistvii faktorov* [Differentiation and integration of sociolects: on the question of the interaction of factors]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 5 (11), 39–47. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2008) *Yazykovaya edinitsa v gendernom rassmotrenii* [Language unit in gender considerations]. In: Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism. 19 (9) (110), pp. 35–39. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2009) *Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: stratification research]: monograph. Perm'. Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 240 p. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2010) *Sotsiolekt kak instrument opisaniya yazykovoi situatsii regiona* [Sociolect as a tool for describing the linguistic situation of the region]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (7), 21–25. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2015) *Gendernye issledovaniya v Permskoi shkole sotsio- i psikholingvistiki* [Gender Studies at the Perm School of Socio- and Psycholinguistics]. In: *Collection of articles of the fifth all-Russian conference "Stratification of the national language in modern Russian society"* (Saint Petersburg, 28–31 November 2015). Saint Petersburg, pp. 89–95. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2016) *Stratifikatsionnoe opisanie gorodskogo yazykovogo prostranstva* [Stratification description of urban linguistic space]. In: *Lingvistika gorodskogo prostranstva* [Linguistics of urban space]. Perm', pp. 9–18. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2016) *Narrativ v sotsiolingvisticheskom opisani* [Narrative in sociolinguistic description]. In: *Lingvistika gorodskogo prostranstva* [Linguistics of urban space]. Perm', pp. 45–59. (in Russian)

Erofeeva, T.I., Erofeeva, E.V. (2010) *Chelovek i tekst: antropotsentricheskii podkhod k issledovaniyu* [Man and Text: An Anthropocentric Approach to Research]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (10), 144–149. (in Russian)

Fuko, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Saint Petersburg, 2004. 416 p. (in Russian)

Galtung, J. (1981) *Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxon, teutonic, gallic and nipponic approaches*. *Social Science Information*. 20, 817–856.

Garanovich, M.V. (2010) *O sotsiolingvisticheskom podkhode pri izuchenii funktsionirovaniya gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii nositelei yazyka* [On the sociolinguistic approach to the study of the functioning of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina: Filologiya*. 1(3), 122–128. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2011) *Variativnost' gendernykh stereotipov v zavisimosti ot sotsial'nykh parametrov govoryashchikh* [Variability of gender stereotypes depending on

the social parameters of speakers]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Perm'. 272 p. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2019a) Sotsiolingvisticheskoe var'irovanie gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii nositelei russkogo yazyka [Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russian speakers]. *Cognitive studies of language*. 37, 897–903. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2019b) Metody izucheniya sotsiolingvisticheskoi variativnosti genderno-obuslovlennykh kognitivnykh obrazovaniĭ [Methods for studying the sociolinguistic variability of gender-related cognitive formations]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya Mezhdunarodnaya Akademiya Publ, pp. 30–33. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2020) *Sotsiolingvisticheskoe var'irovanie gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii russkikh* [Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russians]: monograph. Permskiĭ gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skiĭ universitet. Perm'. 228 p. (in Russian)

*Gender, language, culture, communication* (1999). Proceedings of the Third International Conference 25–26 November 1999. Moscow. Moscow State Linguistic University. 146 p. (in Russian)

*Gender, language, culture, communication* (2002). Proceedings of the Third International Conference 22–23 November 2001. Moscow. Moscow State Linguistic University. 335 p. (in Russian)

*Gender, language, culture, communication* (2003). Proceedings of the Third International Conference 27–28 November 2003. Moscow. Moscow State Linguistic University. 128 p. (in Russian)

Gette, E. Yu. (2004) *Rechevoe povedenie v gendernom aspekte: problemy teorii i metodiki opisaniya* [Speech Behavior in the Gender Aspect: Problems of Theory and Methods of Description]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Voronezh. 248 p. (in Russian)

Goffman, E. (1994) *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt am Main. 194 s. (Engl. 1976.) (in German)

Goncharenko, S.F. (1999) Gendernyi faktor v kontseptual'no-metaforicheskoi kartine mira original'nogo poeta i poeta perevodchika: intriga i drama perevoploshcheniya [Gender factor in the conceptual-metaphorical picture of the world of the original poet and the translator's poet: intrigue and drama of reincarnation]. In: *Actual problems of intercultural communication*. Collection of scientific papers of Moscow State Linguistic University. Moscow. 4, pp. 38–41. (in Russian)

Gorodnikova, M.D. (1999) Gendernyi faktor i raspredelenie sotsial'nykh rolei v sovremennom obshchestve [Gender factor and distribution of social roles in modern society]. In: *Gender in language and communication*. Collection of scientific papers. Ivanovo, pp. 23–27. (in Russian)

Gorodnikova, M.D. (2002) Gender v kommunikativnoi interaktsii [Gender in communicative interaction]. In: *Reports of the Second International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 22–23 November 2001. Moscow. Moscow State Linguistic University, pp. 70–76. (in Russian)

Gritsenko, E.S. (2003) Gendernye aspekty natsional'noi identichnosti v rossiiskom

predvybornom diskurse [Gender Aspects of National Identity in Russian Pre-Election Discourse]. *Journal of Eurasian Research*. 3(3), 71–79. (in Russian)

Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]: dissertation for the degree of doctor of philological science. 10.02.19. Nizhnii Novgorod. 405 p. (in Russian)

Gritsenko, E.S. (2019) O sovremennykh tendentsiyakh v lingvisticheskom izuchenii gendera, ego kontseptualizatsii i reprezentatsii (na materiale angliiskogo yazyka) [On current trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation (based on the material of the English language)]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference “Gender: Language, Culture, Communication”*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 23–24. (in Russian)

Gritsenko, E.S., Laletina, A.O., Bodrova, A.A., Donyasheva, L.G. (2011) *Gender v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh* [Gender in British and American Linguistic Cultures]: Monograph. Moscow. Nauka Publ. 220 p. (in Russian)

Gritsenko, E. S., Laletina, A. O., Sergeeva, M. V. (2008) *Gender v angliiskoi lingvokul'ture* [Gender in English linguoculture]. Nizhnii Novgorod. Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet imeni N. A. Dobrolyubova. 214 p. (in Russian)

Gumin, H., Meier, H. (Hrsg.) (1992) *Einführung in den Konstruktivismus-Beiträge* von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzlawick-Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung. München. Piper Verlag GmbH. 1. Aufl. Bd. 5. 192 S. (in German)

Janssen-Jurreit, M. (1975) *Sexismus. Über die Abtreibung der Frauenfrage*. München-Wien. 756 s. (in German)

Kandiotti, D. (1992) Evolyutsiya gendernykh issledovaniy. Obzor [Evolution of gender studies. Overview]. In: *Zhenshchiny i sotsial'naya politika (gendernyi aspekt)* [Women and social policy (gender aspect)]. Moscow. ISEPN, pp. 156–163. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (1998) *Zadachi moskovskogo lingvisticheskogo universiteta v mezhdistsiplinarnom proekte “Feminologiya i gendernye issledovaniya v Rossii: perspektivnye strategii i tekhnologii”* [Tasks of the Moscow Linguistic University in the interdisciplinary project “Feminology and Gender Studies in Russia: Advanced Strategies and Technologies”]. *Woman in Russian society*, 3, 8–11. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (1999) Gender kak intriga poznaniya [Gender as the intrigue of cognition]. In: Khaleeva, I.I. (ed.) *Gendernyi faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender in language and communication]. Ivanovo, pp. 5–9. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (ed.) (1999) *Gendernyi faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender in language and communication]. Ivanovo. 92 p. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (2000) Gender kak intriga poznaniya [Gender as the intrigue of cognition]. In: Kirilina, A.V. (ed.) *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition]. Moscow, pp. 9–18. (in Russian)

Kirilina, A.V. (1998) Razvitie gendernykh issledovaniy v lingvistike [Development of gender studies in linguistics]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2, 51–58. (in Russian)

Kirilina, A.V. (1999) Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: linguistic aspects]. Moscow. Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN. 180 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (1999) *Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der EMMA-Zeitschrift* // In: *das Wort. Germanistisches Jahrbuch*.

Kirilina, A.V. (2000) *Gendernye aspekty yazyka i kommunikatsii* [Gender aspects of language and communication]: dissertation of the doctor of philological sciences. Moscow. 369 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (ed.) (2000) *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition]. Moscow. Rudomino Publ. 191 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2001) «Sto tysyach podrug — na traktor». Diskursivnye praktiki vovlecheniya zhenshchin v trudovuyu deyatel'nost' (tridtsatye gody) ["One hundred thousand friends – to the tractor." Discursive Practices for Engaging Women in Work (Thirties)]. In: *Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 54, pp. 447–457. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2003) *Sovremennoe sostoyanie gendernykh issledovaniy v rossiiskoi lingvistike* [The current state of gender studies in Russian linguistics]. In: *Beiträgedes Gender-Blockszum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15–21 August 2003*. Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 137, pp. 113–127. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2004) *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender Studies in Linguistics and Communication Theory]: Study guide for university students. Moscow. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ. 252 p. (Series "Textbooks on Gender Theory in the Humanities".) (in Russian)

Kirilina, A.V. (ed.) (2005) *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet; Laboratoriya gendernykh issledovaniy. Moscow. Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. 624 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2009) *Razvitiye lingvisticheskikh gendernykh issledovaniy v Rossii (1999–2009)* [Development of linguistic gender studies in Russia (1999–2009)]. In: Ufimtseva, N.V., Ushakova, T.N. (eds.) *Language and Consciousness: Psycholinguistic Aspects*. Collection of Articles. Moscow, Kaluga. Eidos Publ., pp. 67–81. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2010) *Spetsifika razvitiya gendernykh issledovaniy v Rossii (seredina 90-kh gg. KhKh v. — 2010 g.)* [Specificity of the development of gender studies in Russia (mid-90s of the XX century - 2010)]. In: *Society – Language – Culture: Actual Problems of Interaction in the 21st Century*: Reports of the Fourth International Conference, 27 November 2009. Moscow. MIL, pp. 42–57. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2013) *Spetsifika sozdaniya gendernykh reprezentatsii v Rossii na rubezhe XX–XXI vv.* [The specifics of the creation of gender representations in Russia at the turn of the XX – XXI centuries.]. In: Ufimtseva, N.V. et al (eds) *CHALLENGES OF INFORMATIONAL SOCIETY AND APPLIED PSYCHOLINGUISTICS* — Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. Moscow. RUDN, Institute of Linguistics RAN, MIL, pp. 427–429. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2015a) *Semioticheskie osobennosti gendernykh reprezentatsii v sovremennoi Rossii* [Semiotic features of gender representations in modern Russia]. In: Scheller-Boltz, D. (ed.) *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies*. Proceedings of the International Conference "Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages (1–4 October Innsbruck 2014)". Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Wiesbaden. Harrasowitz Verlag. Bd. 59, pp. 33–49. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2015b) *Dinamika sovremennykh gendernykh reprezentatsii (2000–2015 gg.)* [Dynamics of modern gender representations (2000–2015)]. In: *Collection of articles in honor of the anniversary of V.A. Pishchalnikova*. Moscow. URRS Publ., pp. 125–141. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2019) Osnovnye tendentsii konstruirovaniya gendera v sovremennoĭ Rossii [The main trends in the construction of gender in modern Russia]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 33–36. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2019a) Reviziya nauchnykh predstavlenii o genere i sostoyanie gendernoi lingvistiki na rubezhe KhKh–KhKhI vekov [Revision of scientific ideas about gender and the state of gender linguistics at the turn of the XX–XXI centuries]. In: Tarasov E.F. et al (eds) *The theory of speech activity and the challenges of our time*. Materials of the XIX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. June 6–8 Moscow 2019. Moscow. Kantsler Publ., pp. 268–269. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2019b) Oboznacheniya genderno znachimoi leksiki v svete protivopostavleniya global'nogo i otechestvennogo (po materialam natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Designations of gender-significant vocabulary in the light of the opposition of the global and domestic (based on the materials of the national corpus of the Russian language)]. *Journal of psycholinguistics*. 2 (40), 12–29. (in Russian)

Kirilina, A. (2020) Geschlechtergerechte Sprache in Russland. In: *Sprachdienst*. 1–2, Jahrgang 64. S. 87–92. (in German)

Kirilina, A., Kuptsova, G. (2019) *Multilingualism in the Linguistic Landscape of Moscow Based on Inscriptions on Children's Toys*. In: International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019) Atlantic press. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 315, pp. 404–406.

Konovalova, S.A. (2005) *Gendernaya spetsifika vyrazheniya predikativnykh otnoshenii v tekste narodnoi volshebnoi skazki* [Gender Specificity of Expression of Predicative Relations in the Text of a Folk Fairy Tale]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. MGLU. 219 p. (in Russian)

Kotthoff, H. (1996) Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien. *Der Deutschunterricht*. 1, 9–15. (in German)

Kreidlin, G.E. (2005) *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in non-verbal communication] Moscow. Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. 224 p. (in Russian)

Kubryakova, E. S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine KhKh veka [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Language and Science of the End of the 20th Century*: Collection of articles. Moscow. RGGU, pp. 144–238. (in Russian)

Kun, G. (1977) Struktura nauchnykh revolyutsii [Структура научных революций]. Moscow. 250 p. (in Russian)

Kuptsova, G.I. (2016) Gendernyi aspekt tekstov, nanesennykh na detskie tovary [Gender Aspect of Texts Applied to Baby Products]. In: Tarasov E.F. et al (eds) *The Active Mind: From Humanitarian Methodology to Humanitarian Practices*. Part 1. Materials of the XVIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory "Theory of Speech Activity: Practices and Experiment". 24–26 May 2016. Moscow. Kantsler, pp. 305–307. (in Russian)

Kuptsova, G.I. (2018) Otrazhenie sovremennykh gendernykh reprezentatsii v semioticheskom landshafte Moskvy [Reflection of contemporary gender representations in the semiotic landscape of Moscow]. *Culture and Civilization*. 8. (6A), 156–164. (in Russian)

- Kuptsova, G.I. (2019) Semiotika gendera v igrushkakh dlya detei raznogo vozrasta [Semiotics of gender in toys for children of different ages]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 101–102. (in Russian)
- Lakoff, R. (1973) Language and women's Place. *Language in Society*. 2, 45–79.
- Maslova, L.N. (2007) *Vyrazhenie soglasiya/nesoglasiya v ustnoi nauchnoi kommunikatsii: gendernyi aspekt* [Expression of agreement / disagreement in oral scientific communication: gender aspect]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. MGLU. 192 p. (in Russian)
- Merton, R. K. (1973) *The Sociology of Science*. Chicago London, 605 p.
- Nikonov, A. (2005) *Konets feminizma. Chem zhenshchina otlichaetsya ot cheloveka* [The end of feminism. How does a woman differ from a man]. Moscow. Izdatel'skii dom: NTs ENAS. 385 s. (in Russian)
- Pusch, L. (1981) Das Deutsche als Männersprache. *Linguistische Berichte*, 59–74. (in German)
- Pusch, L. (1990) *Alle Menschen werden Schwestern*. Frankfurt am Main. 245 s. (in German)
- Pushkareva, N.L. (1999) Gendernye issledovaniya: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy v sisteme istoricheskikh nauk [Gender Studies: Birth, Formation, Methods and Prospects in the System of Historical Sciences]. In: *Zhenshchina. Gender. Kul'tura* [Female. Gender. Culture]. Moscow, pp. 15–34. (in Russian)
- Ridings, B. (2010) *Universitet v ruinakh* [University in ruins]. (Transl. from English by A.M. Korbuta). Moscow. Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshei shkoly ekonomiki. 304 p. (in Russian)
- Samel, I. (1995) *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*. Berlin. 224 s. (in German)
- Scheller-Boltz, D. (2017) *The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. Georg Olms Verlag Hildesheim. Zürich – New York. 251 P.
- Scheller-Boltz, D. (2019) *Grammatik und Ideologie. Feminisierungsstrategien im Russischen und Polnischen aus der Sicht der Wissenschaft und Gesellschaft. (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe)*. Frankfurt am Main. Lang. (in German)
- Scott, J.W. (1986) Gender: A Useful Category of Historical Analysis. *American Historical Review*. 91(5), 1053–1075.
- Sergeeva, M.V. (2007) *Dinamika gendernykh reprezentatsii v britanskoi tolkovoii leksikografii* [Dynamics of Gender Representations in British Expository Lexicography]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Nizhnii Novgorod. 27 p. (in Russian)
- Stepin, V.S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classics, non-classical, post-non-classical: criteria for discrimination]. In: Kiyashchenko, L.P., Stepin, V.S. (eds) *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-nonclassics: philosophy, science, culture]: collective monograph. Saint Petersburg, pp. 249–295. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2001) *Obshchenie s muzhchinami i zhenshchinami* [Communication with men and women.]. Voronezh. 35 p. (in Russian)



Sternin, I.A. (2019) *Obshchenie s muzhchinami, zhenshchinami, v sem'e* [Communication with men, women, in the family]. Voronezh. RITM Publ. 62 p. (in Russian)

Sternin, I.A., Rudakova, A.V. (2011) *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisaniye. Teoreticheskie problem* [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems]. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken. 192 p. (in Russian)

Svad'bina, T.V., Nemova, O.A., Pakina, T.A. (2014) *Sovremennyyi trafik rabotorgovli: prichiny, posledstviya, profilaktika* [Modern Slave Trade Traffic: Causes, Consequences, Prevention]. *Sociological Studies*. 2, 43–48. (in Russian)

Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow. Yazyki russkoi kul'tury Publ. 286 p. (in Russian)

*Theory & Society. Masculinities*. (1993) Special Issue: Theory and Society, 597–623.

Tomskaya, M.V. (2006) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika otrazheniya gendernogo kontsepta v yakutskom yazyke (na materiale yakutskogo geroicheskogo eposa)* [National and cultural specifics of the reflection of the gender concept in the Yakut language (based on the material of the Yakut heroic epic)]. In: *Gender: language, culture, communication: Proceedings of the Third International Conference, 27–28 November 2003*. Moscow. REMA Publ., pp.130–142. (in Russian)

Tomskaya, M.V. (2009) *Akty institutsionalizatsii v nauchnom diskurse* [Акты институционализации в научном дискурсе]. In: *Actual problems of studying complex linguistic signs*. Materials of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Honored Scientist, Doctor of Philology, Professor A.V. Kunin, pp. 166–167. (in Russian)

Tomskaya, M.V. (2009b) *O konstruirovanii sotsial'noi identichnosti v mezhkul'turnoi nauchnoi kommunikatsii* [On the construction of social identity in intercultural scientific communication]. In: *Society – Language – Culture: Actual problems of interaction in the XXI century*. Moscow, pp. 172–183. (in Russian)

Trömel-Plötz, S. (1978) *Linguistik und Frauensprache*. *Linguistische Berichte*. S. 49–68. (in German)

Trömel-Plötz, S. (Hrsg.) (1982a) *Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen*. Frankfurt am Main. 405 S. (in German)

Trömel-Plötz, S. (1982b) *Frauensprache: Sprache der Veränderung*. Frankfurt am Main. 219 S. (in German)

Usmanova, M.V. (2006) *Gendernaya spetsifika kognitivnykh modelei situatsii (na materiale ustnykh spontannykh monologov)* [Gender specificity of cognitive models of situations (based on oral spontaneous monologues)]: special course workbook. Perm'. Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 152 p. (in Russian)

Vas'kova, O.A. (2006) *Gender kak predmet leksikograficheskogo opisaniya: Na materiale frazeologii* [Gender as a subject of lexicographic description: Based on phraseology]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Moscow. 177 p. (in Russian)

Veprava, I.T. (2012) *Zhenshchina v grammatike, slovare i rechevoi praktike* [Woman in grammar, vocabulary and speech practice]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Chelovek o yazyke – yazyk o cheloveke* [A man about a language – a language about a man]: Collection of articles in memory of academician N.Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 91–99. (in Russian)

Vepreva I.T., Pazio-Vlazlovskaya D. (2018) Chto mogut soobshchit' brachnye ob'yavleniya o sovremennoĭ zhenshchine (na materiale pol'skogo i russkogo yazykov) [What marriage announcements can tell about a modern woman (based on the material of Polish and Russian languages)]. *Rusin*. 52(2), 177–192. (in Russian)

Vepreva, I.T., Pazio-Vlazlovskaya, D. (2019) O proyavlenii gegemonnoi maskulinnosti sovremennykh muzhchin v tekste brachnogo ob'yavleniya (na materiale pol'skogo i russkogo yazykov) [On the manifestation of hegemonic masculinity of modern men in the text of a marriage announcement (based on the material of the Polish and Russian languages) to a woman (based on the material of the Polish and Russian languages)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 62, 54–68. (in Russian)

Walby, S. (2012) Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*. 46(2), 224–240.

Yurevich, A.V. *Sotsiogumanitarnaya nauka v sovremennoi Rossii: adaptatsiya k sotsial'nomu kontekstu* [Socio-Humanitarian Science in Modern Russia: Adaptation to the Social Context]. Available from: <http://polit.ru/article/2005/06/21/urevich/> [Accessed 3d January 2016]. (in Russian)

Yurevich, A.V. (2015) Imet li nauka natsional'nye osobennosti? [Does science have national characteristics?]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 36(1), 123–132. (in Russian)

Zagoruiko, Zh.S. (1999) *Professional'nyi «portret» maloi sotsial'noi gruppy: strukturno-semanticeskoe i stratifikatsionnoe opisaniye* [Professional “portrait” of a small social group: structural-semantic and stratification description]: dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 133 p. (in Russian)

Zakharova, T.N. (2006) *Semioticheskie sredstva vyrazheniya gendera v tekste na elektronnom nositele (na materiale nemetskikh chatov)* [Semiotic means of expressing gender in an electronic text (based on the material of German chats)]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. MGLU. 137 p. (in Russian)

Zdravomyslova, E.A., Tëmкина, A.A. (2015) *12 lektsiĭ po gendernoĭ sotsiologii* [12 lectures on gender sociology]: tutorial. Saint Petersburg. Izdatel'stvo Evropeĭskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 768 c. (in Russian)

Zubareva, A.A. (2007) *Formuly russkogo rechevogo etiketa: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Formulas of Russian speech etiquette: sociolinguistic research]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 19 p. (in Russian)

Zykova, I.V. (2002) *Gendernyi komponent v strukture i semantike frazeologicheskikh edinits sovremennogo angliiskogo yazyka* [Gender component in the structure and semantics of phraseological units of modern English]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. 219 p. (in Russian)

### Sources

*Blog rjadovoj\_rus*. Available from: <https://rjadovoj-rus.livejournal.com> [Accessed 3d January 2020]. (in Russian)

*Bloggen er fjernet*. Available from: <http://theasbryllup.blogg.no> [Accessed 25th May 2016].

Borisov, P. *Ot dvoezhenstva k rannim brakam. Kak razvivalsya skandal so svad'boi 17-letnei devushki i nachal'nika chechenskogo ROVD* [From bigamy to early marriage. How the scandal developed with the wedding of a 17-year-old girl and the head of the Chechen police department]. Available from: <https://meduza.io/feature/2015/05/17/ot->

dvoezhenstva-k-rannim-brakam (дата обращения: 17.05.2015) [Accessed 17th May 2015]. (in Russian)

*Gomoseksual'nost' i psikhicheskaya norma: material iz Vikipedii* [Homosexuality and mental norm: material from Wikipedia]. Available from: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гомосексуальность\\_и\\_психическая\\_норма#cite\\_note-НПЖ2006-31](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гомосексуальность_и_психическая_норма#cite_note-НПЖ2006-31) [Accessed 10th April 2020]. (in Russian)

*Khronologiya legalizatsii odnopolykh soyuzov: material iz Vikipedii* [Timeline of legalization of same-sex unions: material from Wikipedia]. Available from: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология\\_легализации\\_однополоых\\_союзов](https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология_легализации_однополоых_союзов) [Accessed 10th April 2020]. (in Russian).

Matveeva, A. (2018) *Kukol'nyi dom: kak rabotaet pervyi bordel' s kuklami v Moskve* (01.05.2018) [Doll house: how the first brothel with dolls works in Moscow]. Available from: <https://riamo.ru/article/284830/kukolnyj-dom-kak-rabotaet-pervyj-bordel-s-kuklami-v-moskve.xl> [Accessed 3d May 2018]. (in Russian)

Olohan, M.M. (2019) *Mattel Releases Gender-Neutral Barbies in Efforts to Be 'More Inclusive'* (26.09.2019). Available from: <https://www.dailysignal.com/2019/09/26/mattel-releases-gender-neutral-barbies-in-efforts-to-be-more-inclusive/>. [Accessed 20th October 2019].

*Pervyi brak mezhdru tremya muzhchinami zaklyuchili v Kolumbii* (14.06.2017) [First marriage between three men was registered in Colombia]. Available from: <https://lenta.ru/news/2017/06/14/colombia/> [Accessed 3d May 2018]. (in Russian)

*Protoierei Smirnov prizval ostavit' devochek bez shkol'nogo obrazovaniya* [Protopriest Smirnov urged to leave girls without school education]. Available from: [https://iz.ru/983362/2020-03-04/protoierei-smirnov-prizval-ostavit-devochek-bez-shkolnogo-obrazovaniia?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop&utm\\_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews](https://iz.ru/983362/2020-03-04/protoierei-smirnov-prizval-ostavit-devochek-bez-shkolnogo-obrazovaniia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews) [Accessed 4th March 2020]. (in Russian)

*Psikholog: gendernaya ideologiya — lish' naukoobraznaya obolochka ideologii LGBT* (29.11.2017) [Psychologist: gender ideology is just a scientific shell of LGBT ideology]. Available from: <https://rvs.su/novosti/2017/psiholog-gendernaya-ideologiya-lish-naukoobraznaya-obolochka-ideologii-lgbt> [Accessed 30th March 2020]. (in Russian)

Smirnova, O. (2019) *V Peterburge otkrylsya bordel' s el'fami i podogrevom: sredi silikonovogo seks-personala est' odin skuchayushchii muzhchina* [A brothel with elves and heating has opened in St. Petersburg: there is one bored man among the silicone sex staff] (06.06.2019). Available from: <https://spb.mk.ru/social/2019/06/06/v-peterburge-otkrylsya-bordel-s-elfami-i-podogrevom.html> [Accessed 6th June 2019]. (in Russian)

Soldatov, A., Torop, A. *S obidoi na vse mirskoe. Pochemu protoierei Dimitrii Smirnov mozhet spokojno oskorblyat' lyudei* [With a grudge against everything worldly. Why Archpriest Dimitri Smirnov can calmly insult people]. Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/17/83970-myagkiy-dobryy-i-otzyvchivyy-pastyr> [Accessed 19th February 2020]. (in Russian).

*Steffen Königer German AfD Politician about Gendermania* (English Subtitles). Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=H3pntGBylho> (дата обращения: 22.03.2018). [Accessed 22nd October 2018].

Steshin, D. *Zachem model'ery Guchchi zastavili muzhchin pereodet'sya v zhenshchin?* [Why did Gucci fashion designers make men change into women?]. Available from: <https://www.kp.ru/daily/27103/4177377/> [Accessed 12th March 2020]. (in Russian).

Tachmamedova, Zh. *Transseksualizm i pedofiliya uzhe ne patologiya? Novye normy psikiatrii* [Transsexualism and pedophilia are no longer pathologies? New norms of psychiatry] (05.06.2019). Available from: <https://regnum.ru/news/society/2642375.html> [Accessed 5th June 2019]. (in Russian).

*V SShA otkrylsya magazin dlya yunykhn transgenderov* [A shop for young transgender people opens in the USA] (IA Krasnaya Vesna 29.12.2017). Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/d439f44b> (дата обращения: 27.05.2019) [Accessed 27th May 2019]. (in Russian)

*V Turkmenii nachali massovo lishat' zhenshchin voditel'skikh prav* (19.02.2019) [Turkmenistan began to deprive women of driving licenses en masse]. Available from: <https://news.mail.ru/society/36357981/> [Accessed 19th February 2019]. (in Russian)

*Zapret poseshchenii basseina dlya zhenshchin v rossiiskom regione ob'yasnili* (22.01.2020) [The ban on visits to the pool for women in the Russian region explained]. Available from: <https://lenta.ru/news/2020/01/22/explanation/> [Accessed 22th January 2020]. (in Russian)

©Kirilina A.V., 2021

**Article history:**

Received: 15.06.2021

Accepted: 20.09.2021

**Bionotes:**

**Alla V. Kirilina** – Doctor of Philology, Professor, Vice-rector for scientific research, Moscow International Academy.

**Contact information:**

15A Bld. 1, Novomoskovskaya St., Moscow, 129075

ORCID: 0000-0003-2395-1688

*e-mail:* alkira@list.ru

**For citation:**

Kirilina, A.V. (2021) Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp. 109–147. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147 (in Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-148-158

Научная статья

## ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ «ИНДИВИДУАЛИЗМ» В СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ (на материале корпусов китайского и русского языков)

Юй Минчжу

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

### *Аннотация*

В статье представлены результаты статистической обработки коллокаций слова «индивидуализм», полученных из содержания корпусов китайского и русского языков. С помощью программного обеспечения осуществляется сортировка коллокаций слова «индивидуализм» по частоте, а также классификация и сравнение грамматической принадлежности высокочастотных слов к разным частям речи. Понятие «индивидуализм» является одним из культурных измерений выражения ценностей, используемое в социально-психологической и педагогической областях. С использованием междисциплинарного подхода проанализированы особенности содержания понятия «индивидуализм», транслируемые при помощи языка в массовое сознание китайцев и русских. Национальная культура влияет на ценностные ориентации и языковое сознание определенного этноса. Изучение содержания лексических единиц в сознании носителей разных языков имеет большое значение для межкультурной коммуникации. Со сходными и различными чертами содержания понятия «индивидуализм» обнаруживается также национально-культурная специфика в сознании китайцев и русских. На примерах демонстрируется, что содержание конкретного понятия в сознании носителей разных культур становится более очевидным в результате сопоставительного изучения.

**Ключевые слова:** языковое сознание, индивидуализм, эгоизм, корпус китайского языка, корпус русского языка

### **Введение**

В культурологии под культурой обычно понимаются общие для всех членов общества ценности, нормы, образ мышления, поведения и культурные продукты. В 1980-х годах Хофстеде предложил типологию культурных измерений и параметры культурных измерений, которые включали индивидуализм/коллективизм, индекс дистанции власти, избегание неопределенности, мужественность/женственность, долгосрочную ориентацию и допущение [Hofstede 1980: 42].

В кросскультурных исследованиях отмечается, что «индивидуализм/коллективизм» является одним из самых важных факторов для измерения различий в культурных ценностях [Namatuna 2013: 344]. В разных традиционных национальных культурах существуют определенные различия в ценностях людей, что, в свою очередь, приводит к различиям в познании, мотивации и эмоциях людей [Markus&Kitayama 2010: 421].

Термин «индивидуализм» впервые появился в социологии. Во время Французской революции термин «индивидуализм» использовался для описания негативного

воздействия прав личности на национальное благополучие [Oyserman, Coon 2002: 5]. Позже исследования в области психологии показали, что мировоззрение и ценности людей различаются в разных странах и регионах, и антонимичная пара «индивидуализм /коллективизм» стала использоваться для выражения двух важных ценностей в культуре [Hamamura 2012: 16].

В основе индивидуализма лежит личная независимость и свободное самовыражение, постановка индивидуальных целей, самоконтроль, что является ценностью. Коллективизм как ценность сосредоточен на коллективных целях и максимальном сохранении сплоченности и гармонии в межличностном общении. На уровне отдельного индивида все еще остается спорным, являются ли индивидуализм и коллективизм двумя сторонами одного порядка или двумя разными понятиями. Однако на уровне коллектива и страны обычно считается, что справедливо первое. Если коллективизм силен, то индивидуализм слаб, и наоборот. Модернизация в Китае вызвала ряд изменений в социальной структуре (таких, как уменьшение размера семьи, более высокий уровень образования и урбанизация), и эти изменения в социальной структуре делают людей более склонными к индивидуализму [Сао 2009: 48].

В настоящем исследовании мы используем Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета [ВСС... [http](#)] и Национальный корпус русского языка [НКРЯ... [http](#)] для того, чтобы собрать и проанализировать китайские и русские языковые данные, имеющиеся в текстах, и выявить содержание концепта «индивидуализм» в сознании китайцев и русских. Мы использовали только основные корпуса без учета подкорпусов. В данном исследовании используются левые коллокации, а правые коллокации в статье не обсуждаются. Статистическая обработка полученного материала была проведена с помощью специализированного программного обеспечения «AntConc 3.5.9». В качестве объекта исследования мы выбрали только коллокации слова «индивидуализм/个人主义» с частотой выше 3, установив значение расстояния слева 1 и справа 0. Результаты приведены в таб. №1 и таб. №2.

Таблица №1

## Коллокации слова «индивидуализм» в корпусе русского языка

#Total No. of Collocate Types: 337					
#Total No. of Collocate Tokens: 1066					
Rank	Freq (L)	Collocate	Rank	Freq (L)	Collocate
1	25	<i>абсолютный</i>	21	4	<i>свободы</i>
2	24	<i>крайний</i>	22	4	<i>провозгласило</i>
3	12	<i>эстетический</i>	23	4	<i>последовательный</i>
4	12	<i>религиозный</i>	24	4	<i>нормативный</i>
5	12	<i>буржуазный</i>	25	4	<i>неязыческий</i>
6	8	<i>тактический</i>	26	4	<i>мелкобуржуазный</i>
7	8	<i>методологический</i>	27	4	<i>лучше</i>
8	8	<i>гносеологический</i>	28	4	<i>западный</i>
9	6	<i>свой</i>	29	4	<i>долой</i>

10	6	<i>протестантский</i>	30	4	<i>всякий</i>
11	6	<i>мой</i>	31	4	<i>возможен</i>
12	5	<i>является</i>	32	4	<i>аристократический</i>
13	5	<i>связан</i>	33	3	<i>эгоцентрический</i>
14	5	<i>порождает</i>	34	3	<i>чистый</i>
15	5	<i>коллективизм</i>	35	3	<i>торжествует</i>
16	4	<i>христианский</i>	36	3	<i>современный</i>
17	4	<i>фактически</i>	37	3	<i>проповедовал</i>
18	4	<i>тенденциями</i>	38	3	<i>поэта</i>
19	4	<i>субъективен</i>	39	3	<i>паттерн</i>
20	4	<i>соборный</i>	40	3	<i>отвергла</i>

Таблица №2

## Коллокации слова «个人主义 / индивидуализм» в корпусе китайского языка

#Total No. of Collocate Types: 2623					
#Total No. of Collocate Tokens: 8446					
Rank	Freq (L)	Collocate	Rank	Freq (L)	Collocate
1	474	<i>极端/крайний</i>	21	4	<i>超/ультра</i>
2	91	<i>享乐主义/гедонизм</i>	22	4	<i>民主/ демократический</i>
3	22	<i>健全/оздоровить</i>	23	4	<i>小团体主义/ групповщина</i>
4	21	<i>拜金主义/вещизм</i>	24	4	<i>哈耶克/Хайек</i>
5	20	<i>克服/преодолеть</i>	25	4	<i>任何/всякий</i>
6	18	<i>自觉抵制/ сознательно противостоять</i>	26	4	<i>主观主义/ субъективизм</i>
7	18	<i>方法论/методология</i>	27	3	<i>鼓吹/агитировать</i>
8	15	<i>反对/возражать</i>	28	3	<i>集体主义/ коллективизм</i>
9	10	<i>资产阶级/ буржуазный</i>	29	3	<i>认清/осознать</i>
10	10	<i>主观主义/ субъективизм</i>	30	3	<i>真正的/истинный</i>
11	9	<i>莫把/непринять</i>	31	3	<i>滋长/плодить</i>
12	7	<i>坚决反对/твердо противостоять</i>	32	3	<i>没有纪律观念的/ без дисциплины</i>

13	6	西方的/ <i>западный</i>	33	3	极端自私的/ <i>чрезвычайно эгоистичный</i>
14	6	形式主义/ <i>формализм</i>	34	3	本位主义/ <i>ведомственность</i>
15	6	对待/ <i>относиться к</i>	35	3	无政府主义/ <i>анархизм</i>
16	6	健全的/ <i>здравый</i>	36	3	提出/ <i>провести</i>
17	5	顽固的/ <i>закоренелый</i>	37	3	损人利己的/ <i>эгоистичный</i>
18	5	提倡/ <i>поощрять</i>	38	3	小/ <i>мелкий</i>
19	5	片面/ <i>односторонний</i>	39	3	党内/ <i>внутрипартий- ный</i>
20	5	自由主义/ <i>либерализм</i>			

Для слова «индивидуализм» в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ... http] было найдено в общей сложности 1066 коллокаций, из них различающихся – 337. Одновременно для слова «个人主义/индивидуализм» в Корпусе китайского языка Пекинского лингвистического университета [ВСС... http] было получено в общей сложности 8446 коллокаций, из них различающихся – 2623. При сопоставлении общего количества текстов в обоих корпусах и количества коллокаций можно понять, что понятие ‘индивидуализм/个人主义’ находится на периферии языкового сознания русских и китайцев, но для последних оно ближе к ядру.

С целью обработки и анализа полученных данных на первом этапе мы классифицируем слова, с которыми связано понятие индивидуализма, по частям речи (см. Таблицы №1,2). Результат заключается в следующем:

1) Имя существительное

русские: коллективизм (5), тенденциями, свободы (4), поэта, паттерн (3).

китайцы: 享乐主义/гедонизм (91), 拜金主义/веицизм (21), 方法论/методология (18), 主观主义/субъективизм (10), 形式主义/формализм (6), 自由主义/либерализм (5), 小团体主义/групповщина, 哈耶克/Хайек, 主观主义/субъективизм (4), 集体主义/коллективизм, 本位主义/ведомственность, 无政府主义/анархизм (3).

2) Имя прилагательное

русские: абсолютный (25), крайний, эстетический, религиозный (24), буржуазный (12), тактический, методологический, гносеологический (8), протестантский (6), христианский, соборный, последовательный, нормативный, неоязыческий, мелкобуржуазный, западный, всякий, аристократический (4), эгоцентрический, чистый, современный (3).

китайцы: 极端/крайний (474), 资产阶级/буржуазный (10), 西方的/западный, 健全的/здравый (6), 顽固的/закоренелый, 片面/односторонний (5), 超/ультра, 民主/демократический, 任何/всякий (4), 真正的/истинный, 没有纪律观念的/без дисциплины, 极



端自私的/чрезвычайно эгоистичный, 损人利己的/эгоистичный, 小/мелкий, 党内/внутрипартийный (3).

3) глагол

русские: *является, связан, порождает* (5), *провозгласило* (4), *торжествует, проповедовал, отвергла* (3).

китайцы: *健全/оздоровить* (22), *克服/преодолеть* (20), *自觉抵制/сознательно противостоять* (18), *反对/возражать* (15), *莫把/не принять* (9), *坚决反对/твердо противостоять* (7), *对待/относиться к* (6), *提倡/поощрять* (5), *鼓吹/агитировать, 认清/осознать, 滋长/плодить, 提出/провести* (3).

4) Личное местоимение

русские: *свой, мой* (6).

Анализ сводных списков коллокаций слова «индивидуализм/个人主义» позволяет отметить следующие особенности:

1. При сопоставительном исследовании в обеих таблицах повторяются следующие слова: «коллективизм», «крайний», «буржуазный», «западный», «всякий». Слова с подобным значением включают: «эгоцентрический», «极端自私的/чрезвычайно эгоистичный», «损人利己的/эгоистичный». В том числе слово «крайний» представляет собой вторую высокочастотную коллокацию слова «индивидуализм» в корпусе русского языка и первую высокочастотную в корпусе китайского языка. Слово «коллективизм» является первой высокочастотной коллокацией – именем существительным слова «индивидуализм» в корпусе русского языка. Слово «буржуазный» представляет собой третью высокочастотную коллокацию – имя прилагательное слова «индивидуализм» в корпусе русского языка и вторую высокочастотную в корпусе китайского языка. Можно сказать, что данное слово показало сильную корреляцию с понятием ‘индивидуализм/个人主义’ в сознании русских и китайцев.

2. В категории русских прилагательных найдено несколько коллокаций с религиозной окраской (29%): *религиозный, протестантский, христианский, соборный, неоязыческий*.

3. Большинство обнаруженных русских глаголов не имеет отрицательного значения, а две трети китайских глаголов-коллокаций слова «индивидуализм» имеют отрицательное значение («健全/оздоровить», «克服/преодолеть», «自觉抵制/сознательно противостоять», «反对/возражать», «莫把/не принять», «坚决反对/твердо противостоять», «鼓吹/агитировать», «滋长/плодить»).

4. В категории китайских существительных параллельно появляется ряд слов из области идеологии: *享乐主义/гедонизм, 拜金主义/вещизм, 主观主义/субъективизм, 形式主义/формализм, 自由主义/либерализм, 小团体主义/групповщина, 主观主义/субъективизм, 集体主义/коллективизм, 本位主义/ведомственность, 无政府主义/анархизм*. То есть, в сознании китайцев понятие «индивидуализм» имеет определенную корреляцию с вышеуказанными идеологическими лексемами.

5. Только в русских коллокациях найдены притяжательные местоимения (*свой, мой*), что отражает тенденцию ассоциировать понятие «индивидуализм» с самим индивидом.

Кроме того, мы обнаружили, что русские, опрошенные в ходе пилотажных экспериментов, часто отождествляют понятия «индивидуализм» и «эгоизм». Поиск по ассоциативным словарям показал, что эти слова связаны друг с другом. Аналогичную путаницу мы встречаем и у некоторых исследователей. См., например, «Автор невольно

синонимизировал индивидуализм и эгоизм. Иногда они воспринимаются как понятия, включающие в себя однородное содержание» [Мильдон 2008: 43], «Следует отметить, что и в современном обществе сохраняется понимание индивидуализма как эгоизма» [Гайдукова, Маркина 2018: 474].

В целях уточнения семантической связи между понятиями «индивидуализм» и «эгоизм» также были проанализированы данные по коллокациям слова «эгоизм/利己主义» из корпусов русского и китайского языков. Для управления переменными величинами мы выбрали те же параметры поиска с частотой выше 3 и, соответственно, установили значение расстояния слева 1 и справа 0. Результаты приведены в таб. №3 и таб. №4.

**Таблица №3**

**Коллокации слова «эгоизм» в корпусе русского языка**

#Total No. of Collocate Types: 203					
#Total No. of Collocate Tokens: 710					
Rank	Freq (L)	Collocate	Rank	Freq (L)	Collocate
1	20	<i>разумный</i>	19	4	<i>человеческий</i>
2	16	<i>национальный</i>	20	4	<i>ужасный</i>
3	14	<i>корпоративный</i>	21	4	<i>старческий</i>
4	13	<i>групповой</i>	22	4	<i>своеобразный</i>
5	11	<i>жуткий</i>	23	4	<i>простой</i>
6	10	<i>чистый</i>	24	4	<i>необузданный</i>
7	10	<i>мой</i>	25	4	<i>максимализм</i>
8	10	<i>животный</i>	26	4	<i>лишь</i>
9	9	<i>ведомственный</i>	27	4	<i>их</i>
10	8	<i>свой</i>	28	4	<i>его</i>
11	8	<i>ее</i>	29	4	<i>детский</i>
12	8	<i>грубый</i>	30	4	<i>воинствующий</i>
13	6	<i>собственный</i>	31	3	<i>черствость</i>
14	6	<i>региональный</i>	32	3	<i>утешающий</i>
15	6	<i>политический</i>	33	3	<i>себя</i>
16	6	<i>крайний</i>	34	3	<i>выработался</i>
17	5	<i>себе</i>	35	3	<i>безысходный</i>
18	5	<i>простительный</i>			

**Таблица №4**

**Коллокации слова «利己主义/эгоизм» в корпусе китайского языка**

#Total No. of Collocate Types: 761					
#Total No. of Collocate Tokens: 1852					
Rank	Freq (L)	Collocate	Rank	req (L)	Collocate

1	25	合理/ <i>разумный</i>	6	4	反对/ <i>противостоять</i>
2	20	极端/ <i>крайний</i>	7	3	民族/ <i>национальный</i>
3	12	享乐主义/ <i>гедонизм</i>	8	3	个人/ <i>индивидуальный</i>
4	8	个人主义/ <i>индивидуализм</i>	9	3	遏制/ <i>подавлять</i>
5	7	拜金主义/ <i>вещизм</i>			

Для слова «эгоизм» в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ... <http>] было найдено в общей сложности 710 коллокаций, из них различающихся – 203. Одновременно для слова «利己主义(эгоизм)» в Корпусе китайского языка Пекинского лингвистического университета [ВСС... <http>] было получено в общей сложности 1852 коллокаций, из них различающихся – 761. Как мы видим, в корпусе китайского языка преобладает общее количество текстов и коллокаций со словом «эгоизм» по отношению к корпусу русского языка, а в корпусе русского языка относительно больше слов с частотой выше 3. Вышеприведенные факты могут быть использованы для доказательства того, что в русском языковом сознании существует более устойчивые ассоциативные модели для понятия «эгоизм», а в китайском языковом сознании более активное и разнообразное его семантическое выражение. Результаты классификации коллокаций по частям речи приведены в двух таблицах (См. Таблицы №3, 4). Их можно обобщить следующим образом:

1) Имя существительное

русские: *максимализм, черствость*

китайцы: 享乐主义/*гедонизм*, 个人主义/*индивидуализм*, 拜金主义/*вещизм*

2) Имя прилагательное

русские: *разумный, национальный, корпоративный, групповой, жуткий, чистый, животный, ведомственный, грубый, собственный, региональный, политический, крайний, простительный, человеческий, ужасный, старческий, своеобразный, простой, необузданный, детский, воинствующий, утешающий, безысходный*

китайцы: 合理/*разумный*, 极端/*крайний*, 民族/*национальный*, 个人/*индивидуальный*

3) глагол

русские: *выработался*

китайцы: 反对/*противостоять*, 遏制/*подавлять*

4) местоимение

русские: *мой, свой, ее, себе, их, его, себя*

В сводных списках коллокаций слова «эгоизм/利己主义» можно найти определенные закономерности:

Коэффициент семантического совпадения слов, связанных с коллокациями слов «эгоизм» и «индивидуализм», в корпусе китайского языка составляет 77,8% (7/9), а в корпусе русского языка 11,4% (4/35). Совпадают слова: 极端/*крайний*, 享乐主义/*гедонизм*, 个人主义/*индивидуализм*, 拜金主义/*вещизм*, 反对/*противостоять*, 民族/*национальный*, 个人/*индивидуальный*; чистый, крайний, мой, свой. Существует определенное совпадение семантических полей слов «индивидуализм» и «эгоизм» в сознании китайцев и русских, и они более тесно связаны в сознании китайцев.

2. Понятие «эгоизм» имеет негативный смысл в сознании как китайцев, так и русских. Слова с отрицательной оценкой в списках следующие: 极端/*крайний*, 反对/*про-*

тивостоять, 遏制/подавлять (33,3%, 3/9); грубый, крайний, ужасный, старческий, необузданный, черствость, безысходный (20%, 7/35). Можно предположить, что у китайцев более обширна отрицательная составляющая понятия «эгоизм».

3. В сознании китайцев эгоизм также связан с: 享乐主义/гедонизм, 个人主义/индивидуализм, 拜金主义/вещизм. Кроме того, все данные слова также появляются в коллокациях слова «个人主义/индивидуализм».

4. Личные местоимения встречаются только в списке коллокации слова «эгоизм» из корпуса русского языка. Это показывает, что в сознании русских слово «эгоизм» более тесно связано с конкретными людьми, а не просто используется как термин в области идеологических ценностей. Это не только описание самого индивида, но и описание окружающих его людей. Личные местоимения не найдены в часто встречающихся коллокациях слова «利己主义/эгоизм» из корпуса китайского языка. Можно предположить, что в сознании китайцев они используются не для ассоциирования эгоизма с конкретными людьми, а для описания определенных групп людей.

### **Выводы**

На основе статистической обработки языковых данных из корпусов китайского и русского языков мы проанализировали особенности понятия «индивидуализм» в сознании китайцев и русских. Большая часть высокочастотных коллокаций слова «индивидуализм» в корпусе русского языка относится к имени прилагательному (52,5%), но коэффициенты принадлежности высокочастотных коллокаций слова «индивидуализм» в корпусе китайского языка ближе к средним значениям (существительные 30,8%, прилагательные 38,4%, глаголы 30,8%). Подобные пропорции также появляются в высокочастотных коллокациях слова «эгоизм». В определенных случаях индивидуализм и эгоизм воспринимаются как понятия, включающие в себя сходное содержание, в сознании как русских, так и китайцев. Понятия «индивидуализм» и «эгоизм» имеют негативный смысл в сознании как китайцев, так и русских. По нашим данным отрицательное значение понятий «индивидуализм» и «эгоизм» сильнее проявляется у китайцев. В сознании китайцев понятия «индивидуализм» и «эгоизм» также имеют определенную корреляцию с некоторыми идеологическими словами, например, 享乐主义/гедонизм, 拜金主义/вещизм. В сознании русских отмечены коллокации понятия «индивидуализм» с религиозной окраской, возможно, обусловленное православной культурой. Только в русских коллокациях понятия «индивидуализм» найдены притяжательные местоимения (*свой, мой*). Кроме того, все местоимения, относящиеся к индивиду, и местоимения третьего лица встречаются в списке коллокации слова «эгоизм» из корпуса русского языка. Это доказывает, что в сознании русских слова «индивидуализм» и «эгоизм» более семантически связаны с людьми в действительности, а не просто используются как термины в области идеологических ценностей. Это не только описание самого индивида, но и описание окружающих его людей. Среди частотных коллокаций слов «个人主义/индивидуализм» и «利己主义/эгоизм» из корпуса китайского языка личных и притяжательных местоимений не обнаружено. В сознании китайцев они используются не для ассоциирования индивидуализма и эгоизма с конкретными людьми, а для описания определенных групп людей. В этом можно усмотреть и проявление национально-культурной специфики в восприятии понятий «индивидуализм» и «эгоизм» русскими и китайцами.

©Юй Минчжу, 2021

### Литература

*Мильдон В.И.* Индивидуализм и эгоизм (введение в современную этику) // Вопросы философии. 2008. №6. С. 43–55.

*Гайдукова О.В., Маркина Н.А.* Индивидуализм и коллективизм в сознании русских и европейцев // Материалы научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения». Отв. ред. И.А. Лешутина. 2018. С. 470–475.

*Cao J. X.* The analysis of tendency of transition from collectivism to individualism in China // Cross-Cultural Communication. 2009. №5(4). P. 42–50.

*Hamamura T.* Are cultures becoming individualistic? A cross-temporal comparison of individualism-collectivism in the United States and Japan // Personality and Social Psychology Review. 2012. №16(3). P. 3–24.

*Hamamura T., Xu Q.M., Du Y.S.* Culture, social class, and independence–interdependence: The case of Chinese adolescents // International Journal of Psychology. 2013. №48(3). P. 344–351.

*Hofstede G.* Motivation, leadership, and organization: Do American theories apply abroad? // Organizational Dynamics. 1980. №9(1). P. 42–63.

*Markus H. R., Kitayama S.* Cultures and selves: A cycle of mutual constitution // Perspectives on Psychological Science. 2010. №5(4). P. 420–430.

*Oyserman D., Coon H. M., Kemmelmeier M.* Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // Psychological Bulletin. 2002. №128(1). P. 3–72.

### Источники

Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета [BCC北京语言大学汉语语料库]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 30.03.2021).

Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.03.2021).

### История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.07.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

### Сведения об авторе:

**Юй Минчжу** – Аспирант сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН

### Контактная информация:

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3028-5433>

*e-mail*: [yumingzhu@yandex.ru](mailto:yumingzhu@yandex.ru)

### Для цитирования:

Юй Минчжу. Особенности понятия «индивидуализм» в сознании китайцев и русских (на материале корпусов китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики. 2021. №3(49), С.148–158, doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-148-158

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-148-158

Research article

**FEATURES OF THE CONCEPT “INDIVIDUALISM”  
IN THE CONSCIOUSNESS OF THE CHINESE AND RUSSIANS  
(a case study of the corpora of the Chinese and Russian languages)**

**Yu Mingzhu**

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Abstract**

The article presents the results of statistical processing of collocations for the word “individualism” obtained from the corpora of the Chinese and Russian languages. The software sorts the collocations of the selected word by frequency and classifies and compares high-frequency words by parts of speech. The concept of individualism is one of the cultural dimensions of the expression of values used in the socio-psychological and pedagogical fields. Using an interdisciplinary approach, the author analyzes the content of “individualism”, its features which are translated into the mass consciousness of the Chinese and Russians with the help of language. National culture influences the value orientations and linguistic consciousness of a particular nation. The current study of lexical units and their content in the minds of speakers of different languages is of great importance for cross-cultural communication. Comparing features of the content of the concept “individualism”, national and cultural specifics are also found with the Chinese and Russians. The examples demonstrate that the content of a specific concept in the minds of members of different cultures becomes more obvious as a result of the comparative study.

**Keywords:** linguistic consciousness, individualism, egoism, the Chinese language corpus, the Russian language corpus

**References**

- Cao, J. X. (2009). *The analysis of tendency of transition from collectivism to individualism in China*. *Cross-Cultural Communication*, 5(4), 42–50.
- Gaidukova, O.V. Markina, N.A. (2018) *Individualizm i kollektivizm v soznanii russkikh i evropeitsev* [Individualism and collectivism in the minds of Russians and Europeans]. In: Leshutina, I.A. (ed.) *Materials of the scientific-practical conference “Slavic culture: origins, traditions, interaction. XIX Cyril and Methodius Readings”*, pp. 470–475 (in Russian)
- Hamamura, T. (2012). Are cultures becoming individualistic? A cross-temporal comparison of individualism-collectivism in the United States and Japan. *Personality and Social Psychology Review*, 16 (3), 3–24.
- Hamamura, T., Xu, Q.M., & Du, Y.S. (2013). Culture, social class, and independence-interdependence: The case of Chinese adolescents. *International Journal of Psychology*, 48(3), 344–351.
- Hofstede, G. (1980). Motivation, leadership, and organization: Do American theories apply abroad? *Organizational Dynamics*, 9 (1), 42–63.
- Markus, H. R., & Kitayama, S. (2010). Cultures and selves: A cycle of mutual constitution. *Perspectives on Psychological Science*, 5(4), 420–430.

Mildon, V.I. (2008) *Individualizm i ehgoizm (vvedenie v sovremennuyu ehtiku)* [Individualism and egoism (an introduction to modern ethics)]. *Voprosy Filosofii*. (6), 43–55. (in Russian)

Oyserman, D., Coon, H. M., & Kemmelmeier, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128(1), 3–72.

### Sources

*Chinese Corpus of Beijing Linguistic University* [BCC北京语言大学汉语语料库]. Available from: <http://bcc.blcu.edu.cn/> [Accessed: March 30, 2021]. (in Chinese)

*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [NKRYA]* [Russian National Corpus]. Available from: <http://ruscorpora.ru/> [Accessed March 30, 2021]. (in Russian)

©Yu Mingzhu, 2021

### Article history:

Received: 03.07.2021

Accepted: 20.09.2021

### Bionotes:

**Yu Mingzhu** – PhD Student of Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

### Contact information:

1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3028-5433>

*e-mail*: [yumingzhu@yandex.ru](mailto:yumingzhu@yandex.ru)

### For citation:

Yu Mingzhu (2021) Features of the concept “Individualism” in the consciousness of the Chinese and Russians (based on the corpus of the Chinese and Russian languages). *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp.148-158. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-148-158 (in Russian)

Готовится к изданию коллективная монография:

Институт языкознания РАН  
Российская психолингвистическая ассоциация

**Российская психолингвистика:  
итоги и перспективы  
(1966–2021)**

**Москва  
2021**

УДК 81'1.001, 81-13

В коллективной монографии отражена проблематика отечественной психолингвистики с момента ее зарождения в России по сегодняшний день и представлены основные результаты ее разработки по основным направлениям.

Отечественная психолингвистика, выросшая из исследований небольшой группы энтузиастов под руководством А.А. Леонтьева, сегодня представлена многочисленными научными направлениями и центрами и важными результатами как теоретического, так и прикладного значения. В монографии представлены (насколько это оказалось возможным) основные научные достижения и практические результаты, полученные в рамках разных психолингвистических направлений и в различных научных центрах.

Монография – своеобразный обобщающий обзор развития и достижений отечественной психолингвистики на сегодняшний день. В каждом разделе приводится библиография по соответствующей проблеме.

В Приложении приводится наукометрия ведущих российских психолингвистов, основные монографии, пособия и диссертации, защищенные по психолингвистической проблематике.

Для специалистов в области теории языка, психолингвистики, методов экспериментальных исследований языка, всех, интересующихся историей и современным состоянием отечественной лингвистики и психолингвистики.

Заявки принимаются на адрес журнала «Вопросы психолингвистики»:

[editorial-vpl@yandex.ru](mailto:editorial-vpl@yandex.ru)

*Редколлегия*



# РЕЦЕНЗИИ

**Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография** / Анков А. А., Вепрева И. Т., Гаранович М. В., Гриценко Е. С., Данилевская Н. В., Долешаль Урсула, Ерофеева Т. И., Кирилина А. В., Норцева А. А., Обухова И. А., Пермякова Е. Г., Рудакова А. В., Стернин И. А., Сюй Шаньшань, Федорова Л. Л., Черноусова А. С., Черных О. Ю. / Научные редакторы д-р филол. наук, профессор А. В. Кирилина; канд. филол. наук, доцент М. В. Гаранович; Пермский государственный национальный исследовательский университет. М.: Издательский Дом ЯСК, планируемый выход — 2022 г. 400 с.

Рецензируемая монография представляет собой обобщение коллективного опыта научных университетских школ в Российской Федерации и ученых Австрии и Китая. Программная по сути вступительная статья А.В. Кирилиной и М.В. Гаранович не только обобщает опыт гендерных исследований в России, но и намечает наиболее перспективные и значимые проблемы, требующие своего дальнейшего обоснования и развития в будущем. Результаты исследований, выполненных российскими учеными-гендерологами, свидетельствуют о том, что за последние десятилетия расширилась не только география научных университетских центров России и Европы, но и изменились подходы к исследуемым темам в области гендерологии, сформировался категориальный аппарат, были заложены основы теории гендерного знания как науки. Монография отражает современное состояние отечественной гендерной лингвистики, начало которой положила в конце 1990-х гг. XX в. деятельность Лаборатории гендерных исследований МГЛУ, отметившей недавно свое двадцатилетие проведением Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» (2019) в стенах Московской международной академии.

За двадцатилетний период институционального развития российская гендерная лингвистика расширила круг исследовательских вопросов, распространилась по разным научным школам и обрела свое лицо на фоне мировых гендерных исследований.

Совокупное содержание публикуемых в представленной монографии работ свидетельствует о том, что российская и, шире, европейская, гендерология, вобрав в себя опыт работы исследовательских коллективов в различных регионах России и странах Европы, создала научно обоснованный системный подход к предмету, обеспечив решительный прорыв в направлении обоснования целостной инновационной парадигмы исследований, имеющей перспективы стать самостоятельной теорией гендерного знания. В книге представлены и находят дальнейшее развитие основные положения Воронежской (И.А. Стернин, А.В. Рудакова), Екатеринбургской (И.Т. Вепрева, Сюй Шаньшань), Московской (А.В. Кирилина, Л.Л. Федорова, О.Ю. Черных), Нижегородской (Е.С. Гриценко) и Пермской (М.В. Гаранович, А.А. Анков, Н.В. Данилевская, А.А. Норцева, И.А. Обухова, Е.Г. Пермякова, А.С. Черноусова) научных школ, в рамках которых разрабатывается гендерная проблематика и которые закладывают основы теории гендерологии, внося вклад в развитие теории и формируя функцию научного предвидения. Зарубежный участник

монографии – проф. Урсула Долешаль – известный австрийский славист, русист и автор обобщающей диссертации о соотношении категории рода и фактора пола в русском языке.

Монография включает 6 разделов:

1. Гендерные аспекты языка.
2. Гендерные аспекты лексического значения слова.
3. Гендерные и языковые аспекты когнитивных процессов.
4. Гендерные аспекты языковой картины мира и концептов.
5. Гендерные аспекты коммуникации.
6. Гендер и языковые аспекты формирования социальной идентичности

человека.

Исследованы, таким образом, гендерные аспекты языка, национальных языковых картин мира, языкового сознания и коммуникации, когнитивных процессов человека.

Прагматический контекст гендерных исследований в мире за полвека их существования заметно изменился: под влиянием смены познавательных установок произошли изменения в теории и методологии гендерных исследований: от обсуждения гендера как социокультурной дихотомической сущности наука перешла к интерпретации гендера как изменчивого множественного социального конструкта. Усилилась также политизация гендерной проблематики. Все эти факты также нашли выражение в коллективной монографии.

При общей четкости структуры работы все же можно рекомендовать заменить название раздела 4 – «Гендерные аспекты языковой картины мира и концептов» на «Гендерные аспекты языковой картины мира и концептологии». Это замечание не снижает значимости работы, выполненной на высоком научном уровне.

Обсуждаемая коллективная монография – актуальный научный труд, который, несомненно, может быть рекомендован к публикации и будет способствовать консолидации усилий исследователей гендерной проблематики, а также их знакомству с новейшими представлениями о гендерной лингвистике и ее возможностях. Гендерные исследования имеют все предпосылки стать самостоятельной теорией, обладающей синтетической, а также методологической функцией со своим категориальным аппаратом, с помощью которого можно будет формулировать многообразные методы, способы и приемы исследовательской деятельности. Издание монографии – еще один шаг на этом пути.

***И.И. Халеева***

доктор педагогических наук,

профессор,

действительный член РАО,

научный руководитель

Московской международной академии

## **ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ**

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: [editorial-vpl@yandex.ru](mailto:editorial-vpl@yandex.ru). Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О.\_Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О.\_Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

## **ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ**

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы(см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.



ФЕДЕРАЛЬНОЕ  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ  
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

# КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

**Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.**

Коллективная монография содержит результаты исследований, выполненные за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Издание предназначено лингвистам, культурологам, преподавателям вузов и аспирантам по профилю психолингвистика.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.  
Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: [vashunina@yandex.ru](mailto:vashunina@yandex.ru)



ФЕДЕРАЛЬНОЕ  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ  
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

## СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК. МОЗГ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 180 с.**

Проблема соотношения языка, сознания и мозга раскрывается с разных сторон: поднимаются вопросы истории научных поисков и методологии исследований, предпринимается метатеоретический анализ различных подходов к объяснению функционирования сознания и мозга, рассматриваются различные аспекты мозговой локализации функции речи. Коллективная монография состоит из двух разделов, в которых представлены историко-методологические и эмпирические исследования. Авторы проблематизируют возможность картирования функции речи в мозге, демонстрируя ее сложное строение, ее многоканальность и полисенсорность.

Для лингвистов, психологов, специалистов по нейронаукам.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.  
Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: [zhuravlev@iling-ran.ru](mailto:zhuravlev@iling-ran.ru)



Вышел из печати двухтомник:

**Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова**

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России).

Том I. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: [info@mmamos.ru](mailto:info@mmamos.ru)

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.